

Лев Лурье

ПЕТЕРБУРГ ДОСТОЕВСКОГО

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ

*анкт-Петербург
« -Петербург»
2012*

УДК 379.8
ББК 26.89
Л86

Лурье Л. Я.

Л86 Петербург Достоевского. Исторический путеводитель. — СПб.: БХВ-Петербург, 2012. — 352 с.: ил.

ISBN 978-5-9775-0748-6

Путеводитель знакомит читателя с Петербургом Достоевского: историческими районами города, где с 1837-го по 1881 годы жил писатель и где проживали герои почти всех его романов. Путеводитель состоит из 5 маршрутов, каждый из которых рассчитан на 2–3-часовую пешеходную экскурсию.

Для широкого круга читателей

УДК 379.8
ББК 26.89

Группа подготовки издания:

Главный редактор	<i>Екатерина Кондукова</i>
Зам. главного редактора	<i>Екатерина Трубей</i>
Зав. редакцией	<i>Елена Васильева</i>
Редактор	<i>Ирина Латыпова</i>
Компьютерная верстка	<i>Людмилы Чесноковой</i>
Корректор	<i>Екатерина Васильева</i>
Дизайн обложки	<i>Марины Дамбиевой</i>
Фото	<i>Кирилла Сергеева</i>

Подписано в печать 27.04.12.

Формат 84х108¹/₃₂. Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,48.

Тираж 5000 (1 — 3000) экз. Заказ №

«БХВ-Петербург», 190005, Санкт-Петербург, Измайловский пр., 29.

Первая Академическая типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия, 12/28

ISBN 978-5-9775-0748-6

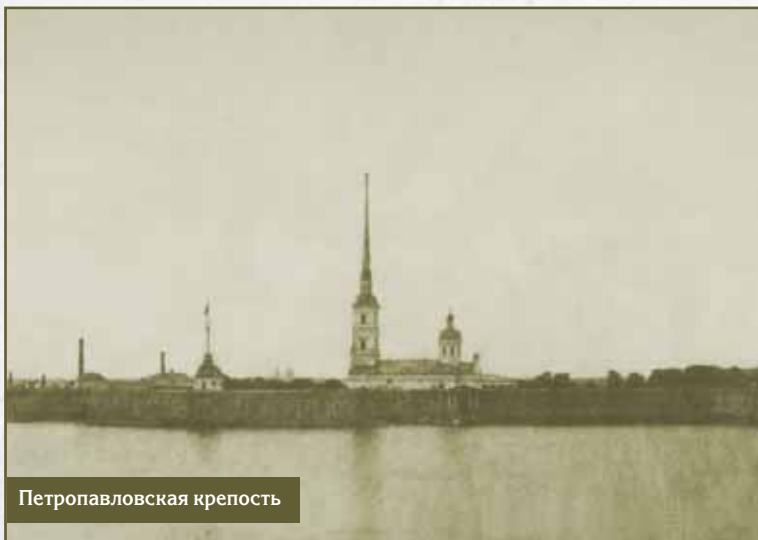
© Лурье Л. Я., 2012

© Оформление, издательство «БХВ-Петербург», 2012

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предумышленный город	6
Маршрут 1	
Город, который не любил Достоевский.....	36
Маршрут 2	
От замка к крепости.....	98
Маршрут 3	
С Раскольниковым по окрестностям Сенной	180
Маршрут 4	
Последнее десятилетие (по обе стороны Невского)	250
Маршрут 5	
Память о Достоевском.....	326
Пообедать в Петербурге Достоевского.....	346
За покупками в Петербург Достоевского	350

ПРЕДУМЫШЛЕННЫЙ ГОРОД

Петропавловская крепость

Достоевский называл Петербург «самым предумышленным городом в мире». Действительно, трудно назвать другой большой европейский город, который в той же степени, что столица Российской империи, возник бы не из потребностей общества, а как прихоть главы государства, не считающегося с подданными.

Место в устье Невы, где построен город, принадлежало русским с IX века — времени, когда легендарные братья-норманны Рюрик, Синеус и Трувор создали Русь. За 800 лет ни киевляне, ни новгородцы, ни москвичи, которым последовательно принадлежала нельская дельта, не решались построить на «мшистых, топких берегах», вдали от населенных пунктов, в местности, заливаемой водой при сколько-нибудь сильном ветре с Балтики, порт или крепость. И шведские Ландскрона и Ниеншанц, и русский Орешек строились много восточнее нельской дельты: первые — при впадении в Неву реки Охты, Орешек — в истоке Невы, у Ладожского озера.

Вольтер писал: Петербург построен на «мочке уха» России; Карл Маркс называл его «эксцентрической» столицей. Петербург — самый северный из крупных городов и самый крупный из северных городов мира. Шестидесятая параллель, на которой он стоит, проходит через Гренландию, Аляску (город Анкоридж), Магадан и столицу Норвегии Осло. Один из главных туристских соблазнов здесь — белые ночи.

Москва, Париж, Лондон — центры агломераций. При подъезде к ним на поезде или машине ощутимо возрастает число и величина населенных пунктов. Сельщина плавно переходит в предместья. Петербург вырастает как одинокий замок — ниоткуда. Лебеда, осока, болота и вдруг — Сортировочная, Обводный канал, Московский вокзал — приехали.

Для Петра Великого не существовало препятствий. Царь, собственноручно рубивший головы стрельцам и запытавший родного сына, построил новую столицу на краю державы, в приполярной тундре, заливаемой водой.

Словами Пушкина:

О, мощный властелин Судьбы!
Не так ли ты над самой бездной,
На высоте уздой железной
Россию поднял на дыбы?

Петербург не просто стал столицей, созданной царем всея Руси, но и городом, который демонстрировал миру всю мощь великого восточноевропейского государства. Санкт-Петербург изначально был не столько местом для обитания горожан, сколько

художественным жестом, политическим заявлением, авангардным артефактом, полностью разрывающимся с национальной традицией.

Петр строил его с чистого листа как Северную Венецию или Восточный Амстердам по заранее выработанному, строго соблюдавшемуся плану. Строительная площадка превратилась в огромную каторжную тюрьму. Десятки тысяч солдат, заключенных, военнопленных, крепостных крестьян замостили костью место возведения будущего города.

Деятельность последующих российских императоров, продолживших замысел Петра, находила в новой русской литературе, возникшей одновременно и параллельно с Петербургом, лишь восторженную апологию. Только фольклор отразил чуждость города национальной культуре. Легенда о царице Авдотье — первой, брошенной жене Петра, предрекшей, якобы, «Петербургу быть пусту» — опередила аналогичные тенденции в литературе лет на сто.

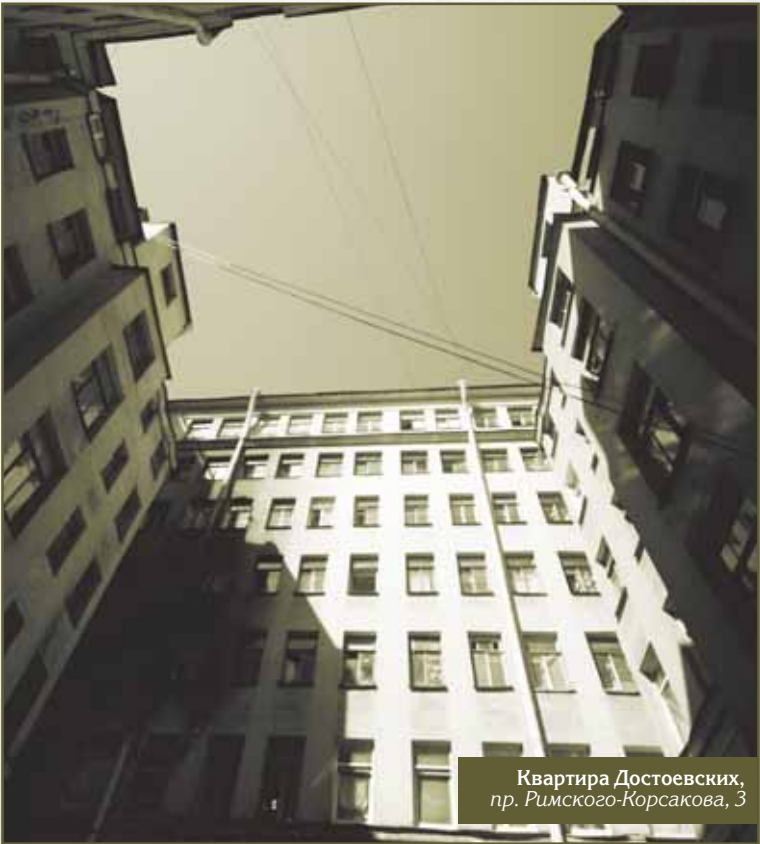
К началу XIX века «новый Рим», город блестящих архитектурных ансамблей, выразивших идею могущества страны, победившей Наполеона, был, в основном, закончен. Развившиеся в России центробежные силы постепенно уравнили центростремительные. Это заметно и в архитектуре города, и в характере его описания. Карл Росси остался последним великим архитектором города, Пушкин — последним его восторженным певцом.

С появлением «Медного всадника» и особенно «Петербургских повестей» Гоголя взгляд на Северную столицу в русской литературе стал решительно меняться. Русские последователи Шеллинга и Фихте все чаще вспоминали знаменитый афоризм Николая Карамзина о городе: «Бессмертная ошибка великого преобразователя». Славянофилы решительно противопоставляли холодному, антинациональному, искусственному Петербургу родную, круглую как бублик, растекшуюся, патриархальную матушку Москву. Петербург Достоевского воплотил этот поворот общественного сознания.

Достоевский — быть может, первый в русской литературе петербургский писатель по преимуществу. Он приехал в столицу пятнадцатилетним юношей и, исключая десятилетний период

каторги и солдатчины, провел здесь почти всю жизнь (34 года). В Петербурге происходит действие всех его важнейших произведений за исключением «Бесов» и «Братьев Карамазовых». Ни один из великих русских писателей не был так «петербургоцентричен». Но русская литература не знала и такого ненавистника Северной столицы.

Исследователь и знаток Петербурга Достоевского Николай Анциферов писал: «Осуждая вместе со славянофилами петербургский период, Достоевский в новой столице видит его символ и его выражение». Ему не нравится в городе решительно все: «...архитектура всего Петербурга... выражает всю его бесхарак-

Квартира Достоевских,
пр. Римского-Корсакова, 3

терность и безличность за все время существования... В архитектурном смысле он отражение всех архитектур в мире, всех периодов и мод; все постепенно заимствовано и все по-своему перековеркано».

Для Достоевского Петербург — «самый угрюмый город». Погода в его петербургских произведениях по преимуществу отвратительная. Или «утро гнилое, сырое и туманное», или «мутная мгла густо падающего мокрого снега», когда «пустынные фонари угрюмо мелькают в снежной мгле, как факелы на похоронах», или «холодный, темный и сырой вечер... когда у всех прохожих бледно-зеленые и больные лица», или «пропитанное ядовитыми испарениями городское лето...» Вот типичный пейзаж из «Двойника»: «На всех петербургских башнях, показывающих и бьющих часы, пробило ровно полночь... Ночь была ужасная — мокрая, туманная... Ветер выл в опустелых улицах, вздымая выше колец черную воду Фонтанки и задорно потрогивая тощие фонари набережной, которые в свою очередь вторили его завываниям...»

И те, кто имеет «несчастье обитать в Петербурге, самом отвлеченном и умышленном городе на всем земном шаре», невольно подчиняется разрушительному влиянию российской столицы. «Это город полусумасшедших. Если б у нас были науки, то медики, юристы и философы могли бы сделать над Петербургом драгоценнейшие исследования, каждый по своей специальности. Редко где найдется столько мрачных, резких и странных влияний на душу человека, как в Петербурге. Чего стоят одни климатические влияния! Между тем это административный центр всей России, и характер его должен отражаться на всем».

Персонажи Достоевского — самоубийцы, мечтатели, святые «идиоты», падшие женщины, скандалисты, люди, одержимые разнообразными маниями — живут и сталкиваются в этой чуждой человеку городской среде, где «у всякого своя угрюмая забота на лице и ни одной-то, может быть, общей, всесоединяющей мысли в этой толпе... все врознь».

Для Достоевского Петербург не только реальный город, но и таинственный фантом, декорация. В «Слабом сердце» герою Аркадию кажется, «что весь этот мир, со всеми жильцами его, сильными и слабыми, со всеми жилищами их, приютами нищих или раззолоченными палатами — отрадой сильных мира сего...

походит на фантастическую, волшебную грезу, на сон, который в свою очередь тотчас исчезнет и искурится паром к темно-синему небу». Пройдет тридцать три года, и у героя «Подростка» задается «странный, но навязчивая греза: «А что, как разлетится этот туман и уйдет кверху, не уйдет ли с ним вместе и весь этот гнилой, склизкий город, подыметесь с туманом и исчезнет как дым, и останется прежнее финское болото, а посреди его, пожалуй, для красоты, бронзовый всадник на жарко дышащем, загнанном коне?»

Почему же мы выбрали темой нашей книги Петербург Достоевского, то есть, в некотором смысле, антигород? Прежде всего, писатель создал на страницах своих произведений воистину новую реальность. Любой следующий Петербург, будь то Петербург Блока, Белого, Ахматовой, Мандельштама или Бродского обязан считаться с этой реальностью и не может быть понят вне ее контекста.

Как все ставшее предметом искусства, Петербург Достоевского приобрел новое качество и уже в начале XX века воспринимался ностальгически. Своеобразная экспрессионистическая красота узких дворов-колодцев, плоскости брандмауеров, пестрое разнообразие эклектических доходных домов опоэтизированы еще со времен знаменитых иллюстраций М. Добужинского к «Белым ночам».

Но Петербург Достоевского — это не только духовный и литературный факт, но и вполне определенная часть современного города. Любой сведущий петербуржец легко назовет вам ее местоположение и границы. Это Петербург 1840–1870-х годов, редко посещаемый сегодняшними туристами, но удивительно хорошо сохранившийся (в отличие от диккенсовского Лондона, Парижа Гюго или Москвы Толстого, разрушенных бомбардировками Второй мировой войны и строительной лихорадкой XX века).

Анна Ахматова писала:

...Но, впрочем, город мало изменился.
Не я одна, но и другие тоже
Заметили, что он подчас умеет
Казаться литографией старинной,
Не первоклассной, но вполне пристойной,
Семидесятих, кажется, годов...

ПЕТЕРБУРГ ПРИ ДОСТОЕВСКОМ

Петербург времени Достоевского — пятый в Европе по населению (после Лондона, Парижа, Берлина и Вены) и самый большой в России город. Вот как менялась численность населения российской столицы в годы, когда писатель здесь жил.

Год	Население	Год	Население
1837	468 625	1865	539 122
1839	471 400	1866	567 900
1840	472 800	1867	600 200
1841	474 300	1868	633 100
1842	475 700	1869	667 963
1843	477 100	1870	682 258
1844	478 500	1871	697 852
1845	480 000	1872	711 767
1846	481 100	1873	727 000
1847	482 900	1874	742 560
1848	484 300	1875	758 438
1849	485 800	1876	774 659
1860	506 600	1877	791 244
1861	513 000	1878	808 171
1862	519 000	1879	825 462
1863	525 300	1880	843 111
1864	532 300		

Легко увидеть, что, в сущности, Достоевский обитал как бы в двух разных городах. С 1837 по 1849 год, в пору юности и молодости Федора Михайловича, Петербург рос, но очень медленно: за 12 лет в нем прибавилось всего лишь 17 тысяч человек.

После того, как писатель вернулся с каторги, он оказался в совершенно другом, гораздо более динамичном Петербурге. За двадцать лет численность его населения выросла больше чем на половину — с 507 тысяч человек до 843 тысяч.

«Ни одна столица, ни один большой город Европы не представляет такого странного состава населения и такого наплыва чуждых элементов», — писал в 1868 году крупнейший русский статистик, старинный знакомый Достоевского, П. Семенов.

Результаты городской переписи населения 1864 года показали: 74% мужчин и 59% женщин, живших в городе, родились вне Петербурга. На 100 мужчин в городе приходилось 72 женщины. 60% взрослого населения состояло из неженатых мужчин и незамужних женщин. Только 57% мужчин и 47% женщин были грамотны. Только 2,5% составляли фабричные рабочие (6,5% — чиновники и офицеры, 0,3% — «лица, при богослужении состоящие»: священники, монахи, церковные служки, 3% — учащиеся, 5% — лица, занимавшиеся торговлей, 17% — ремесленники — больше всего извозчиков, портных и сапожников, 20,5% — прислуга, поденщики и чернорабочие, 6,1% — солдаты, 9,7% — «жены при мужьях», 18,6% — дети при родителях).

Браков в Петербурге на душу населения заключали меньше, чем в каком-либо из крупных российских или европейских городов. Мужчины женились примерно в том же возрасте, что и европейские горожане, а вот петербурженки становились женами в гораздо более юном возрасте (28% невест были моложе 20 лет, против 6% в Вене и 8% в Женеве). Рождаемость в городе была ниже, чем в любом российском городе, но выше, чем в большинстве западноевропейских.

Каждый третий родившийся ребенок — незаконнорожденный (больше, чем в Одессе, Киеве, Берлине, но меньше, чем в Москве, Вене, Париже). Смертность населения в Петербурге была значительно выше, чем в европейских столицах и крупных российских городах и ее уровень не уменьшался, а рос: каждый год умирал один из 24 горожан. В результате смертность в столице империи превысила рождаемость.

Вглядевшись в героев петербургских произведений Достоевского, мы заметим, что все эти одинокие, не имеющие корней в городе Девушкин, Мечтатель, Раскольников, Мышкин, Свиригайлов — не исключение здесь, а правило.

Петербург Достоевского — город нервный и пошлый. Впрочем, характер этой пошлости и этой нервности менялся.

Михайловская улица.
Аквабель. Ф.Ф. Баганц

1837—1849

Достоевский приехал в Петербург в 1837-м и жил в столице до 1849-го, затем был арестован и в 1850-м отправлен на сибирскую каторгу. Время все убыстряющейся агонии полицейского абсолютизма Николая I, его «гнилостного брожения» (как сказал Ю. Тынянов).

Петербург царствования Николая I походил на театральную декорацию, построенную для моноспектакля: актером был сам император. «Ты был не царь, а лицедей», — вспоминал о нем монархист Федор Тютчев. И действительно, жизнь императора напоминала представление, в котором весь мир, а петербуржцы в особенности, выступали в качестве зрителей или массовки.

Французский путешественник Астольф де Кюстин в своих путевых заметках писал: «В Петербурге все выглядит роскошно,

великолепно, грандиозно, но если вы станете судить по этому фасаду о жизни действительной, вас постигнет жестокое разочарование; обычно первым следствием цивилизации является облегчение условий существования; здесь, напротив, условия эти тяжелы; лукавое безразличие — вот ключ к здешней жизни».

Все, что было сценой для императора, отделялось с необычайным тщанием. Николай I, военный инженер, во всем любил строгий порядок. Этому порядку подчинялось все: и только что законченные ансамбли Карла Росси, и тщательно уложенные торцовые мостовые Невского и Большой Морской, и казармы Семенов и Рот, и безукоризненные перестроения гвардии на Марсовом поле, и тщательно обдуманые лично Николаем Павловичем мундиры военных и гражданских служащих.

Форма была даже у дворцовых мамок-кормилиц (благо император был счастливым отцом семерых детей): «головной прибор: кокошник, окаймляющий гладко причесанные волосы и сзади стянутый бантом широкой ленты, висящей двумя концами как угодно низко. Сарафан с галунами. Рукава прошивные».

Невский проспект, по которому проезжал на дрожках царь, должен был демонстрировать весь блеск Северной столицы. Полиция внимательно следила за порядком и опрятностью прохожих, дабы взор не был ничем смущен. «Однажды император Николай встретил француза, который по неведению или пренебрегая запретом курил чистейшую гаванскую сигару, со вкусом пуская плотные колечки дыма. Николай, по обыкновению, в одиночестве совершал свою прогулку на дрожках. Он велел французу сесть рядом, привез его в Зимний дворец и ввел в курительную великих князей. „Курите здесь, сударь, — сказал он. — Это единственное место в Санкт-Петербурге, где дозволено курить“».

Невский проспект был своеобразным подиумом, по которому, от кондитерской к кондитерской, фланировала праздная, по преимуществу мужская, публика. Как писал Иван Гончаров, задача столичного франта — «пройти весь Невский проспект, не сбившись с усвоенной себе франтами иноходи, не вынув ни разу руки из заднего кармана пальто и не выронив из глаза искусно вставленной лорнетки».

Огромная государственная машина, где служилый класс играл роль винтиков и шестеренок, только казалась идеально эффективной. Достаточно того, что Россия была насквозь пронизана коррупцией. Над страной нависал морок неизбежного всеобщего крестьянского бунта. И отец Федора Достоевского, и отец Льва Толстого — оба были убиты своими крепостными. Властная вертикаль, построенная Николаем, заржавела. Отданный могущественным императором приказ чаще всего исполнялся только формально.

Отполированные правительственные трассы Петербурга не имели ничего общего с городом Акакия Акакиевича и Макара Дежушкина. Города «маленьких людей» как бы и не существовало, потому что государь там не появлялся.

На этом явлении двух непересекающихся миров построен рассказ «Скверный анекдот», в котором действительный статский советник неожиданно нагрянул на свадьбу «своего подчиненного, регистратора»: «...в очень ветхом одноэтажном, но длинном деревянном доме задавался пир горой, гудели скрипки, скрипел контрабас и визгливо заливалась флейта на очень веселый кадрильный мотив. Под окнами стояла публика, больше женщины в ватных сапогах и в платках на голове; они напрягали все усилия, чтобы разглядеть что-нибудь сквозь щели ставен». Пребывание столичного чиновника в этом уездном мире заканчивается, естественно, полным конфузом.

Или мир Макара Дежушкина: «Вообразите, примерно, длинный коридор, совершенно темный и нечистый. По правую его руку будет глухая стена, а по левую все двери да двери, точно номера, все так в ряд простираются. Ну, вот и нанимают эти номера, а в них по одной комнатке в каждом; живут в одной и по двое, и по трое. Порядку не спрашивайте — Ноев ковчег! Впрочем, кажется, люди хорошие, все такие образованные, ученые. Чиновник один есть (он где-то по литературной части), человек начитанный: и о Гомере, и о Брамбеусе, и о разных у них там сочинителях говорит, обо всем говорит, — умный человек! Два офицера живут и все в карты играют. Мичман живет; англичанин-учитель живет».

Официальный императорский мир почти весь сводился к «золотому треугольнику» между Невским проспектом, Невой

и Фонтанкой. Здесь — императорские и великокняжеские дворцы, министерства, особняки вельмож, посольства. Но Достоевский — человек окраины.

И сам Достоевский, и большинство его героев принадлежали к тем, кого ангlosаксы называют «low middle class» — люди, не занимающиеся физическим трудом, находящиеся на самых нижних этажах чиновничества, «умственные пролетарии». Всю свою жизнь в Петербурге Федор Михайлович провел на границе между фешенебельными кварталами центра и трущобными окраинами: зафонтанная Московская часть, район, прилежащий к рынкам Садовой улицы, Лиговка.

В 1840-е за Фонтанкой, на северном берегу Невы, все еще преобладали профессиональные поселения — полковые городки, слободы Ямская, Дворцовая, небольшая Калинкина деревня, самостоятельное село Охта. Единственная каменная окраина — Коломна.

Впрочем, планировка — не деревенская: везде сетки улиц под прямым углом и дома, выходящие на красную линию. А пусто-порожные участки, огороды, выгоны прикрыты нескончаемыми заборами. Не московский живой муравейник, а петровская геометрия: регламентированная нищета.

Петербургская часть, прикрывавшая с севера стратегически важную Петропавловскую крепость, представляла собой отдельный деревянный городок, отрезанный от «Большой земли» вледоход из-за отсутствия постоянных мостов. Тут дачи, огороды, жилища микроскопических чиновников. Здесь запрещалось частное каменное строительство на случай войны. Если бы враг атаковал город и крепость, район подлежал бы сожжению, чтобы орудия Петропавловки могли простреливать территорию вплоть до Невы. Это места такие глухие, что в «Петербургских трущобах» Всеволода Крестовского в квартале Колтовской (так называется этот район в романе) прячут от всемогущих злодеев юную девицу: здесь точно не найдут.

Коломна, где жил Михаил Петрашевский (из-за участия в его «пятницах» Достоевский угодил на каторгу) — обжитая окраина, где жили персонажи пушкинских «Домика в Коломне» и «Медного всадника», — была комической страной отставных

или просто безденежных чиновников, актеров, людей «благородных», но бедных.

Как писал в своем «Портрете» Николай Гоголь, «...тут не столица и не провинция... Сюда не заходит будущее, здесь все тишина и отставка, все, что осело от столичного движения. Сюда переезжают на житье отставные чиновники, вдовы, небогатые люди, имеющие знакомство с сенатом и потому осудившие себя здесь почти на всю жизнь; выслужившиеся кухарки, толкающиеся целый день на рынках... и, наконец, весь тот разряд людей, который можно назвать одним словом: пепельный, — людей, которые с своим платьем, лицом, волосами, глазами имеют какую-то мутную, пепельную наружность, как день, когда нет на небе ни бури, ни солнца...»

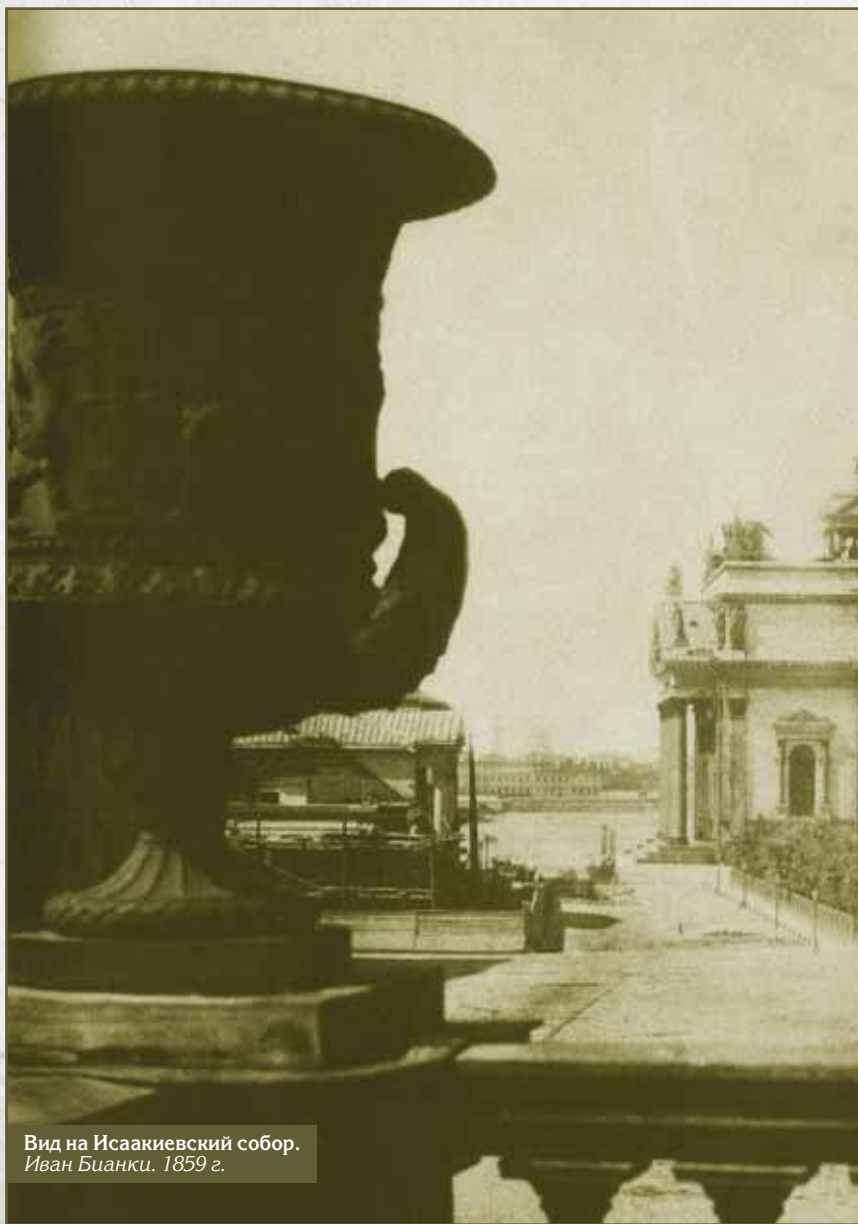
Предместьем были и Пески — район между Невой, Невским и Лиговским проспектами, по обе стороны нынешнего Суворовского проспекта (при Достоевском он назывался Слоновой улицей). Планировка здесь сохранилась с середины XVIII века, со времен слободы Канцелярии от строений. В этом районе жил герой «Идиота» чиновник Лебедев, а еще раньше Агафья Тихоновна из гоголевской «Женитьбы».

1859—1881

Наиболее продуктивный период творчества Достоевского пришелся на царствование Александра II (1855–1881), прошедшее между проигранной Крымской (1853–1856) и полупроигранной Русско-турецкой (1877–1878) войнами. «Век пороков и железных дорог», как определил его герой «Идиота» чиновник Лебедев.

Освобождение крестьян (19 февраля 1861 г.), восторженно встреченное обществом, имело непосредственным результатом резкое ухудшение материального положения большинства бывших крепостных и их помещиков. Выбитые из привычной деревенской жизни десятки тысяч хозяев и недавних рабов устремляются в неизвестную и неприятную столицу.

Возникает все возрастающий антагонизм отцов (помещиков, бюрократов, офицеров, священников) и детей (нигилистов, народников, народовольцев). В стране, с одной стороны — про-

Вид на Исаакиевский собор.
Иван Бианки. 1859 г.

кламации, зовущие Русь к топору, требующие отрубить миллион дворянских голов, террор и, наконец, царевбийство. С другой — взятки, пошлость, разврат, борьба за казенные подряды, чинопочитание, лицемерие.

В стихотворении «Предыстория» из цикла «Северные элегии» Ахматова воссоздает картину Петербурга 1870-х годов, времени юности своих родителей:

Россия Достоевского. Луна
Почти на четверть скрыта колокольной.
Торгуют кабаки, летят пролетки,
Пятиэтажные растут громады
В Гороховой, у Знаменья, под Смольным.
Везде танцклассы, вывески менял,
А рядом: «Генриетт», «Басиль», «Андре»
И пышные гроба: «Шумилов-старший»...
...Все разночинно, наспех, как-нибудь...
Отцы и деды непонятны. Земли
Заложены. И в Бадене — рулетка.

Такой же образ города в прозаических заметках Ахматовой: «Петербург Достоевского: он был с ног до головы в безвкусных вывесках — белье, корсеты, шляпы, совсем без зелени, без травы, без цветов, весь в барабанном бое... в хорошем столичном французском языке, в грандиозных похоронных процессиях...»

Императорские приемы по-прежнему поражают Европу своей роскошью. Сезон начинается в сентябре, когда император возвращается из Ливадии (сначала в Царское село или в Петергоф, потом в Зимний дворец) и заканчивается в апреле отъездом двора в Крым. «Большой свет» как законодатель вкуса переживает в сущности свой последний взлет, запечатленный в толстовской «Анне Карениной». Все большую роль играют деньги, все меньшую — титул и чин. В особняках на Миллионной и Английской набережных, рядом с великими князьями селятся нувориши, сделавшие состояние на железнодорожном строительстве и банковском деле. В деловые предприятия втягиваются министры, великие князья, чиновники... Столицу заполняют щедринские «провинциалы»: тратят выкупные деньги, стремятся сделать карьеру, дать взятку, устроить на службу сына. Распространяются судебные процессы, связанные с подделкой векселей и завеща-

ний, поджогом имущества для получения страховки. Деньги прокучивают в ресторанах (самые модные — на Большой Морской: «Борель», «Дюссо», «Пивато») и кафешантанах («Демидов сад» на Офицерской и «Орфеум» на Владимирском).

Для Достоевского «Великие реформы» — перестраивание России по западным лекалам, в которые она не укладывается. Общественное устройство — безнадежно. Он пишет об одном писателе: «печатает роман с особой претензией опровергнуть пессимистов и отыскать в нашем обществе здоровых людей и здоровое счастье. Ну и пусть его. Уже один замысел показывает дурака. Значит ничего не понимать в нашем обществе, коли так говорить».

Аристократия еще связана с литературой, это последнее десятилетие Алексея Толстого и Федора Тютчева. Но гвардейцы и великие князья больше увлечены Оффенбахом, триумфами парижской гастролерши Гортензии Шнейдер на сцене «Буффа» и Михайловским французским театром. Впрочем, успехом пользуется и балет, где царствует балетмейстер Мариус Петипа; 1870-е — время «Баядерки» и «Дон Кихота». Оперу публика предпочитает итальянскую. Хотя проходят премьеры русских «Бориса Годунова» Мусоргского и «Псковитянки» Римского-Корсакова.

«Большая политика» определяется на Балканах. Гвардия переходит горы, освобождает Болгарию и в 1878 году проходит церемониальным маршем под Московскими воротами. Обуховский (ныне — Московский) проспект переименован в Забалканский. В моде шляпки-«македонки», батальная живопись Верещагина, трактиры называют «Плевна» и «Шипка».

Молодежная контркультура десятилетия зиждется на идеях «русского социализма» — народничества: предпринимаются попытки поднять крестьян на восстание ради социального равенства. Провал этой затеи ведет к индивидуальному террору, потрясшему Петербург в конце десятилетия. Вера Засулич ранит градоначальника Федора Трепова, Сергей Кравчинский убивает шефа жандармов Мезенцева, Леон Мирский стреляет в следующего шефа — Дрентельна, Александр Соловьев на Дворцовой площади пытается убить государя. «Мы говорим прямо: это сумасшедшие, и между тем у этих сумасшедших своя логика, свое

учение, свой кодекс, свой Бог даже, и так крепко засело, как крепче нельзя», — Ф. М. Достоевский.

1 марта 1881 года народовольцы убивают Александра II, на престол вступает Александр III — император строгий, бережливый, убежденный русский патриот.

Стиль города середины XIX века — эклектика, то есть отсутствие «большого стиля». Это затянувшийся промежуток между поздним классицизмом николаевского царствования и стилем модерн, который появится в 1890-х. В интерьерах особняков, обильно украшенных экзотическими растениями и увешанных полотнами в стиле парижского салона, сочетаются мавританские курительные и ванны, готические библиотеки, ренессансные кабинеты, классические бальные залы и столовые в русском стиле. Фасады «штукатурной» архитектуры включают элементы стилей всех Людовиков, пучки колонн пышного барокко, «петушиный стиль» палат времен Алексея Михайловича, «полотенца» крестьянских изб, люкарны и сложные наличники рококо.

«Сезон» в городе приходится на зиму. После Пасхи начинается постепенный разъезд аристократов и грюндеров на курорты Германии, в Париж и на Лазурный берег, в имения. Обремененные семействами чиновники снимают дачи в ближайших окрестностях: от дорогого Павловска (где живут Епанчины из «Идиота») до демократичных Колтовской или Парголова (там снимали комнаты летом братья Достоевские).

После майского парада на Марсовом поле в Красносельские лагеря уходит гвардия, двор перебирается в Петергоф. Легко доставшиеся «бешеные» деньги так же быстро спускаются в «загородных садах» — ресторанах на открытом воздухе — под шансонетки Оффенбаха и цыганские хоры. В многочисленных танцклассах царствует канкан. Петербург наводнен кокотками со всей Европы, и в белые ночи на Острова, в тамошние модные рестораны, летят тройки лихачей.

В Петербурге остаются ремесленники, бедняки — те, кому, как героям «Преступления и наказания», ехать некуда. В это время десятки тысяч объединенных в артели и одиночных рабочих: каменщиков, плотников, столяров, штукатуров, мостовщиков — выходят на Знаменскую площадь (ныне — площадь Восстания) сдебаркадера Николаевского (ныне — Московского), Варшавского

и Петергофского (переименованного в Балтийский) вокзалов. Начинается время строительства домов и исправления мостовых. «...Петербург превращается в огромную мастерскую, заботливо поправляющую свою физиономию... все покойно киснувшие в продолжение зимы источники вони и удушливых испарений наполняют город и заставляют всех сколько-нибудь состоятельных обитателей столицы выезжать в ее окрестности с единственной целью скрыться от растревоженной духоты, а вследствие того и от заразы», — писал тогдашний газетный репортер. В этой пропитанной миазмами атмосфере летнего Петербурга существуют герои «Белых ночей», «Идиота», «Преступления и наказания».

А осенью снова съезжаются в город его постоянные обитатели, ломовые извозчики перевозят на новые квартиры мебель. Начинаются представления в театрах, кишат по двадцатым числам (день получения жалования чиновниками) посетителями трактиры и кафе-рестораны. Роскошные кареты дефилируют по Большой Морской, а Невский заполняется публикой самого разного рода.

Для Достоевского осень — «самое интересное во всех отношениях время... особенно если не очень ненастна. Осенью закипает новая жизнь на весь год, начинаются новые предприятия, приезжают новые люди, являются новые литературные произведения».

Петербургская культура этого времени литературоцентрична. Как писал Н. Некрасов: «В столице шум, гремят витии, кипит словесная война...»

Журнал в тогдашней России — суррогат политической партии. Главные толстые журналы выходят в столице: левые «Современник», а потом «Отечественные записки» Н. Некрасова и М. Салтыкова-Щедрина (11 тысяч подписчиков в 1881 году), «Русское слово», «Дело», респектабельный либеральный «Вестник Европы», славянофильские «Время», «Эпоха» и правый «Гражданин». В 1860–1870-е годы быстро набирают тиражи газеты. Особенно популярны западнический «Голос», ненавидимый Достоевским; националистическое «Новое время», издававшееся гениальным газетным дельцом А. Сувориным; бульварный «Петербургский листок». Ни Москва, ни тем более провинция не

могут конкурировать со столицей по количеству наименований и тиражам периодических изданий.

Хотя «золотым веком» русской литературы принято считать пушкинское время, для русской прозы 1840-е — 1870-е годы — величайший, уже больше никогда не повторявшийся в такой степени подъем. Большая часть наших домашних библиотек заполнена романами, повестями и рассказами, написанными в это время. В 1840-е уже на вершине славы Николай Гоголь и Виссарион Белинский, дебютируют и сразу становятся знаменитыми Иван Тургенев, Николай Некрасов, Иван Гончаров, Александр Островский, Михаил Салтыков-Щедрин, Лев Толстой и Федор Достоевский.

В 1850-е годы к этой «могучей кучке» добавляются Николай Лесков, Алексей Константинович Толстой, Николай Чернышевский. И все: до Всеволода Гаршина, Владимира Короленко и Антона Чехова, которые станут по-настоящему известны уже после смерти Достоевского, список закрыт.

Писатели занимают в общественном восприятии роль пророков, идеологов, вождей политических партий. В русской литературе, как никогда до того, много одновременно активно работающих «властителей дум».

Все они (за исключением Льва Толстого и Александра Островского) живут в Петербурге (хотя, заметим, никто здесь не родился). И для всех без исключения этот город — бездушен, жесток, суетлив и поверхностен. Такой он и в «Шинели» Гоголя, и в «Обыкновенной истории» Гончарова, и в «Дневнике провинциала в Петербурге» Салтыкова-Щедрина, и в «Анне Карениной» Толстого. Поэтому Петербург Достоевского — это и мегаполис, созданный современными ему писателями.

Петербург Достоевского — это собственно не один, а два города: столица Российской империи между 1837 и 1881 годом, когда здесь жил писатель, и город, созданный его воображением, где жили его герои.

Одна из особенностей творчества Достоевского — необычайно точная топографическая приуроченность его романов. В литературоведении на этот счет существуют разные точки зрения, но большинство исследователей полагают, что писатель действительно мысленно расселял героев по конкретным зданиям, отправлял их в бесконечные блуждания по вполне определен-

ным, реально существующим улицам. С этим обстоятельством связаны определенные трудности: вооружившись нашим путеводителем, вы все время вынуждены будете совершать мысленные переходы из одного плана — вымышленного, в другой — реально-исторический, и дома Раскольникова и Достоевского будут соседствовать.

Путеводитель состоит из пяти маршрутов, рассчитанных каждый примерно на двух-, трехчасовую пешеходную экскурсию (без учета времени на попутное посещение музеев).

Первая экскурсия охватывает центр города и рассказывает о Петербурге времен Достоевского как об административной, военной и культурной столице России, так сказать о Достоевском на фоне русской истории его времени. Она предусматривает осмотр панорамы города с колоннады Исаакиевского собора и посещение музея-квартиры Пушкина, вне творчества и биографии которого трудно понять биографию и творчество Достоевского.

Второй маршрут посвящен в основном Петербургу 1840-х годов — времени ученичества и литературного дебюта Достоевского. Он проходит вдоль Фонтанки и заканчивается осмотром Петропавловской крепости.

Третий маршрут — Петербург 1860-х годов и топография «Преступления и наказания». Это район Сенной площади.

Следующий, **четвертый маршрут** — середина 1870-х годов — 1881 год. Время, когда Достоевский наконец достиг настоящей славы. Супруги Достоевские живут в основном за Фонтанкой, сменив шесть квартир.

Наконец, последний, **пятый маршрут** посвящен музею-квартире Достоевского и месту его захоронения.

В экскурсии практически не затрагиваются здания и достопримечательности города, появившиеся после смерти Достоевского. Они упоминаются только постольку, поскольку связаны с творчеством писателя и его восприятием потомками. Понятно, что маршруты невозможно было построить в строгой хронологической последовательности. Для того чтобы легче ориентироваться в основных датах жизни и творчества писателя и в его петербургских адресах, далее приложена хронологическая таблица.

1821, 30 октября

В Москве в здании Мариинской больницы у штаб-лекаря Михаила Андреевича Достоевского родился второй сын Федор. Дети М. А. Достоевского: Михаил (1820–1864), Федор (1821–1881), Варвара (1822–1893), Андрей (1825–1897), Вера (1829–1896), Николай (1831–1883), Александра (1836–1889).

1831, лето

М. А. Достоевский приобретает в Каширском уезде Тульской губернии сельцо Даровое, и здесь семья Достоевских проводит летние месяцы.

1834, осень

Федор Достоевский и его старший брат Михаил поступают в московский пансион Л. Чермака.

1837, 27 февраля

Смерть матери, Марии Федоровны, урожденной Нечаевой (родилась в 1800-м, вышла замуж в 1819-м).

1837, май

Переезд с братом Михаилом в Петербург для поступления в Инженерное училище.

1837, май — декабрь

Пребывание в пансионе К. Костомарова (Лиговский проспект, участок дома № 65, дом не сохранился) для подготовки к экзаменам в Инженерное училище.

1838, 16 января

Поступление в Инженерное училище (Садовая улица, 2. Инженерный замок).

1839, 8 июня

Смерть отца, Михаила Андреевича (родился в 1786-м).

1841, 5 августа

Производство в офицеры. Живет на Караванной улице близ Михайловского манежа (точный адрес неизвестен).

1842, весна

Живет на Владимирском проспекте в доме К. Пряничникова (Владимирский проспект, 11).

1843, 12 августа

Окончание курса Инженерного училища и зачисление в петербургскую инженерную команду, в чертежную инженерного департамента.

1843, декабрь

Достоевский переводит «Евгению Гранде» Оноре де Бальзака (напечатано в журнале «Репертуар и пантеон», 1844).

1844, 19 октября

Уходит в отставку.

1844, декабрь

Начинает писать повесть «Бедные люди».

1845, март

Окончены «Бедные люди».

1845, май

«Бедные люди» читают Некрасов и Белинский.
Знакомство с ними Достоевского.

1845, лето

Работа над повестью «Двойник».

1846, 15 января

Вышел в свет «Петербургский сборник»,
где напечатаны «Бедные люди».

1846, 1 февраля

Вышел в свет номер «Отечественных записок» с «Двойником».

1846, начало года

Живет в Кузнечном переулке, в доме У. Кучиной
(ныне д. 5, частично перестроен).

1846, весна

Знакомство с М. Петрашевским.
Живет в Кирпичном переулке
между Большой и Малой Морскими.

1846, сентябрь

Переезжает на большую Мещанскую улицу
в дом В. Кохендорфа (ныне — Казанская, 2).

1846, октябрь

Пишет повести «Хозяйка» и «Неточка Незванова».

1846, ноябрь

Поселется вместе с братьями Алексеем и Николаем
Бекетовыми на Васильевском острове в доме В. Соловича
(Большой проспект, 4, дом надстроен 4-м этажом).

1847, февраль

Начинает посещать кружок Петрашевского.

1847, весна

Переезжает в дом Я. Шиля на Вознесенский проспект (Вознесенский, 8).

1847, октябрь — декабрь

Выход в свет «Отечественных записок» с «Хозяйкой».

Повесть вызывает отрицательные отзывы критиков.

1848, декабрь

В «Отечественных записках» опубликованы «Белые ночи».

1849 январь — февраль

Выход в свет «Отечественных записок»

с повестью «Неточка Незванова».

1849, 23 апреля

Арест Ф. Достоевского.

1849, 1 мая

Выход в свет «Отечественных записок» с последними главами «Неточки Незвановой», без подписи автора.

1849, 16 ноября

Приговорен судом к смертной казни.

1849, 22 декабря

Приготовления к смертной казни на Семеновском плацу.

Отмена казни и объявление окончательного приговора:

4 года каторги и затем разжалование в солдаты.

1850, 23 января

Доставлен на каторгу в Омск.

1854, зима

Выход с каторги.

1854, 2 марта

Зачислен рядовым в Семипалатинск.

1856, 1 октября

Произведен в прапорщики.

1857, 6 февраля

Женитьба на Марии Дмитриевне Исаевой

(урожденная Констант, родилась в 1824 году).

1859, 18 марта

Выход в отставку.

1859, март

В «Русском слове» напечатан «Дядюшкин сон».

1859, август

Переезд в Тверь.

1859, ноябрь — декабрь

В «Отечественных записках» напечатано «Село Степанчиково».

1859, декабрь

Переезжает из Твери в Петербург. Живет в меблированных комнатах (адрес неизвестен).

1860, 29 января

Разрешено цензурой собрание сочинений Достоевского (в 2-х томах, изд. Основского).

1860, март

Поселяется в 3-й роте Измайловского полка в доме Полибина (3-я Красноармейская улица, 5)

1861, 7 января

Выход в свет первого номера журнала «Время» под редакцией М. Достоевского.

1861, январь — ноябрь

Печатаются «Записки из «Мертвого дома», сперва в «Русском мире», а потом во «Времени».

1861, январь — июль

Во «Времени» печатается роман «Униженные и оскорбленные».

1861, сентябрь

Переезжает на Малую Мещанскую улицу, в дом А. Астафьевой (Казначейская улица, 1).

1862, июнь — август

Первая поездка за границу (Париж, Лондон, Швейцария, Италия и др.).

1863, 3 апреля

В журнале «Время» опубликованы «Зимние заметки о летних впечатлениях».

1863, май

Запрещение журнала «Время».

1863, август — октябрь

Вторая поездка за границу (Париж, Италия, др.).

1864, январь

М. Достоевскому разрешено выпускать журнал «Эпоха».

1864, 21 марта

Вышел в свет первый номер «Эпохи» с началом повести «Записки из подполья» (окончание в номере, вышедшем в свет 6 июня).

1864, 15 апреля

Смерть Марии Дмитриевны, жены Достоевского.

1864, апрель

Переезжает на Малую Мещанскую улицу, в дом Евреинова (Казначейская, 9, надстроен 4-й этаж).

1864, 10 июля

Смерть брата Михаила.

1864, август

Переезжает на Малую Мещанскую улицу, в дом И. Олонкина (Казначейская, 7).

1865, 22 марта

Выход в свет последней (февральской) книги «Эпохи». Журнал прекращен за отсутствием средств к его продолжению. Долги по этому журналу Достоевский выплачивал почти до конца своей жизни.

1865, 2 июля

Заключает с издателем Ф. Стелловским контракт на переиздание своих сочинений, обязуясь до 1 ноября 1866 года доставить ему новое произведение не менее 10 печатных листов.

1865, июль

Третья поездка за границу (Висбаден).

1865, сентябрь

Предлагает редактору «Русского вестника» М. Каткову новый задуманный им роман («Преступление и наказание»).

1865, октябрь

Возвращение из-за границы.

1866, январь — декабрь

«Преступление и наказание» выходит в «Русском вестнике».

1866, 4–29 октября

Пишет для издательства Ф. Стелловского роман «Игрок», для чего приглашает стенографистку Анну Григорьевну Сниткину.

1867, 15 февраля

Венчание с А. Сниткиной (30.08.1846 — 9.06.1918) в Троицко-Измайловском соборе.

1867, февраль

Переезжает на Вознесенский проспект в дом Ширмера (Вознесенский проспект, 29).

1867, апрель

Четвертая поездка за границу (Дрезден, Баден, Женева, Веве, Милан, Флоренция).

1867, сентябрь

Начинает работать над романом «Идиот».

1868, январь — декабрь

В «Русском вестнике» печатается «Идиот».

1868, 22 февраля

Рождение дочери Софьи.

1868, 12 мая

Смерть дочери Софьи.

1869, 14 сентября

Рождение дочери Любви (умерла 10.11.1926).

1870, январь — февраль

В «Заре» печатается повесть «Вечный муж».

1870, февраль

Начало работы над романом «Бесы».

1871, январь — ноябрь

«Бесы» выходят в «Русском вестнике».

1871, 10 июля

Возвращается в Петербург. Поселяется на Екатерингофском проспекте (ныне — проспект Римского-Корсакова, 3, надстроена мансарда).

1871, 16 июля

Рождение сына Федора (умер 23.12.1921).

1871, сентябрь

Переезжает на Серпуховскую улицу в дом Архангельского (участок улицы между домами 13 и 17, дом не сохранился).

1872, 15 мая

Едет в Старую Руссу, где с этого времени он и его семья живут часто и подолгу.

1872, сентябрь

Переезжает на 2-ю роту Измайловского полка, в дом Мевеса (2-я Красноармейская, 11; дворовый флигель, где жили Достоевские, не сохранился).

1872, ноябрь — декабрь

Последние главы «Бесов» печатаются в «Русском вестнике».

1873, январь — декабрь

Редактирует журнал «Гражданин»,
где печатает «Дневник писателя».

1873, зима

Переезжает на Лиговский проспект в дом Сливчанского
(Лиговский проспект, 25).

1874, январь — февраль

Редактирует журнал «Гражданин»

1874, май

Начинает писать роман «Подросток».

1874, 10 июня

Поездка в Эмс.

1874, август

Возвращается в Старую Руссу и живет там.

1874, октябрь

Редактор «Отечественных записок» Н. Некрасов предлагает
Достоевскому напечатать в своем журнале роман «Подросток».

1875, январь — декабрь

«Подросток» печатается в «Отечественных записках».

1875, 25 мая — 6 июля

Поездка в Эмс.

1875, 10 августа

Рождение сына Алексея.

1875, сентябрь

Переезжает на Греческий проспект в дом Струбинского
(Греческий проспект, 6).

1876, январь — декабрь

Издает «Дневник писателя».

1876, июль — август

Поездка в Эмс.

1877, январь — декабрь

Издает «Дневник писателя».

1878, 16 мая

Смерть сына Алексея.

1878, июнь

Начало работы над романом «Братья Карамазовы».

1878, октябрь

Переезжает в Кузнечный переулоч в дом Р. Клинкстрема (Кузнечный переулоч, 5).

1879, январь — ноябрь

В «Русском вестнике» печатаются «Братья Карамазовы».

1879, июнь — сентябрь

Поездка в Эмс.

1880, январь — ноябрь

В «Русском вестнике» печатается продолжение «Братьев Карамазовых».

1880, 6 июня

Речь о Пушкине на торжествах по поводу открытия памятника поэту в Москве.

1880, 1 августа

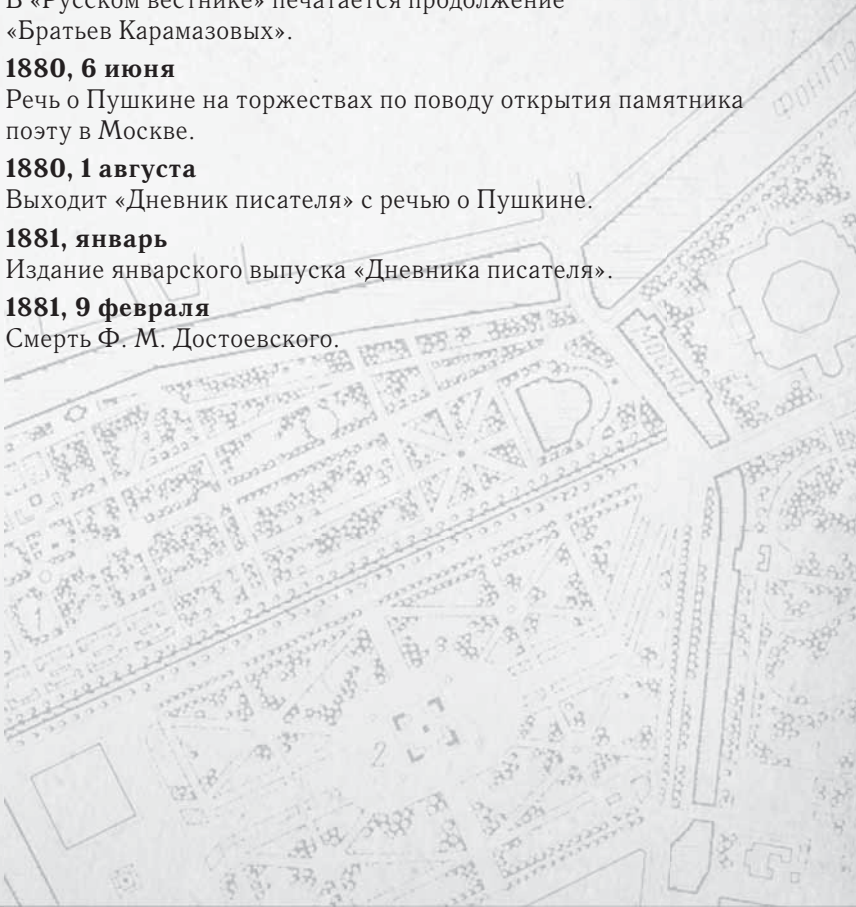
Выходит «Дневник писателя» с речью о Пушкине.

1881, январь

Издание январского выпуска «Дневника писателя».

1881, 9 февраля

Смерть Ф. М. Достоевского.

МАРШРУТ 1

ГОРОД, КОТОРЫЙ НЕ ЛЮБИЛ ДОСТОЕВСКИЙ

Медный всадник,
Сенатская площадь

МЕДНЫЙ ВСАДНИК

Сенатская площадь

Памятник основателю города Петру Великому, с легкой руки Александра Пушкина получивший название «Медный всадник», — центральный символ Петербурга в русской литературе. «Все мы находимся в вибрациях его меди», — писал в 1910 году Александр Блок.

Установка первого в России памятника Петру стала частью кампании, предпринятой Екатериной II для упрочения своего положения на троне. София Фредерика Августа Ангальт-Цербстская в 1745 году стала супругой будущего Петра III — наследника русского престола, внука основателя Петербурга. В 1762-м, через полгода после его воцарения, она возглавила государственный переворот.

Петр III был низложен и убит, а она, под именем Екатерины II, волею генеалогической случайности 34 года правила Российской империей. Именно при ней культ Петра Великого был возведен в ранг государственной идеологии. На постаменте надпись на латыни и на русском: «Петру Первому — Екатерина Вторая».

Французский скульптор Этьен Морис Фальконе, рекомендованный Екатерине Дидро и Вольтером, работал над монументом с 1768 по 1778 год.

Ему помогали француженка М. Колло и русский ваятель Ф. Гордеев. Окончательно памятник был открыт в 1782 году в присутствии двора и гвардии.

Конь, вздыбленный могучей рукой Петра, на обрыве естественной гранитной скалы (она была найдена под Петербургом и с огромными сложностями доставлена на площадь для дальнейшей обработки) — аллегория петровского переворота в русской истории. Клубящаяся под копытами коня змея олицетворяет противников петровской реформы. Сам по себе памятник характерен для классицистического Петербурга. По остроумному замечанию француза Кюстина, «эта человеческая фигура на коне ни антична, ни современна: это римлянин времен Людовика XV». Медный всадник как ни одно архитектурное сооружение города оброс литературными и историческими ассоциациями.

1. Медный всадник
2. Здание Сената и Синода
3. Манеж Конногвардейского полка
4. Исаакиевский собор: Колоннада

Вид на:

- панораму Васильевского острова
- Николаевский (ныне — Благовещенский) мост
- здание Академии художеств
- Академическую пристань
- Румянцевский сквер
- Меншиковский дворец
- Манеж кадетского корпуса
- Дворец Петра II
- здание Двенадцати коллегий
- Памятник М. В. Ломоносову
- здание Академии наук
- Кунсткамеру

5. Дом Шила
6. Гостиница «Наполеон» (ныне — «Англетер»)
7. Дом Мятлевых
8. Министерство государственных имуществ
9. Памятник Николаю I
10. Синий мост
11. Марининский дворец
12. Дом Лобанова-Ростовского
13. Александровский сад
14. Адмиралтейство
15. Зимний дворец
16. Александровская колонна
17. Здание Главного штаба
18. Штаб Гвардейского корпуса
19. Дом Чичерина
20. Кондитерская Вольфа и Беранже
21. Петрикирхе — церковь Святых Петра и Павла
22. Кафе «Доминик»
23. Казанский собор
24. Гостиный двор
25. Пассаж
26. Дом Виельгорских
27. Михайловский театр
28. Михайловский дворец
29. Храм Спаса-на-Крови
30. Дом Андрея Штакеншнейдера

Михайловская улица; западная сторона
(1956–1957)

Дом Боссе на Литейном проспекте
у Пантелеймоновской улицы
(ныне — ул. Пестеля), 1854

Преображенская ул. (ныне — ул. Радищева)
вблизи ул. Итальянской (1859)

В октябре 1833 года Пушкин написал «Медного всадника» — короткую поэму с подзаголовком «Петербургская повесть». Поэма эта на 150 лет вперед определила итог полемики о месте Петербурга в русской истории.

Вступление в «Медный всадник», известное наизусть каждому образованному русскому, — гимн великому городу, апология Петра и его столицы.

...Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгий, стройный вид,
Невы державное течение,
береговой ее гранит...
Красуйся, град Петров и стой
Неколебимо, как Россия,
Да умирится же с тобой
И побежденная стихия...

Сюжет самого повествования прост. Евгений, бедный петербургский чиновник, любит девушку по имени Параша. Они живут по разные стороны Невы: Евгений — в Коломне, Параша — в Гавани. Страшное наводнение 19 ноября 1824 года отрезает их друг от друга. Евгений переживает его у Медного всадника. Параша гибнет, Евгений сходит с ума от горя. В безумном кружении по городу он снова оказывается около памятника «того, чьей волей роковой под морем город основался», вспоминает случившееся и прокликает Петра, построившего город на гиблом месте. Ему кажется, что памятник срывается с пьедестала и преследует его по улицам Петербурга.

...И, озарен луною бледной,
Простерши руку в вышине,
За ним несется Всадник Медный
На звонко скачущем коне...

Поэма, как и большинство сочинений Пушкина, не имеет однозначного толкования. Автор не принимает ни сторону Петра, ни сторону Евгения.

Но с тех пор в русской литературе, более всего в поэзии, конфликт поэмы трактуется, как минимум, трояко: маленький че-

ловек (Евгений) — государство (Петр); цивилизация (Петр, Петербург) — природа; Московская Русь, Москва — Российская империя, Петербург.

В ряд символов русские поэты позже включили и змею из-под копыт Медного всадника.

...А что было у нас на земле,
Чем вознесся орел наш двуглавый,
В темных лаврах гигант на скале, —
Завтра станет ребячьей забавой.
Уж на что был он грозен и смел,
Да скакун его бешеный выдал,
Царь змеи раздавить не сумел,
И прижатая стала наш идол.

(И. Анненский)

Многозначность Медного всадника и порождаемых им ассоциаций многократно возрастает и оттого, что у подножия памятника 14 декабря 1825 года произошло событие, ставшее переломным в русской истории, — восстание декабристов.

В ноябре 1825 года на юге России, в Таганроге, умер победитель Наполеона — Александр I. Он был бездетен, и, по закону, ему должен был наследовать следующий по старшинству брат — Константин. Но император, минуя Константина, завещал престол другому брату — Николаю. Константин, в отличие от Николая, был популярен в гвардии.

Междоусобица послужило сигналом членам тайных обществ, существовавших в гвардии. Сторонники конституции и равенства подданных перед законом (а значит, освобождения крепостных), они черпали свою идеологию у Монтескье и Адама Смита, использовали опыт прусского «Тугендбунда» (тайное общество для борьбы с французскими оккупантами) и русские традиции дворцовых переворотов.

Когда стало очевидно — Константин престола не примет (на 14 декабря намечена присяга Николаю), — заговорщики решили захватить Сенат, располагавшийся рядом с Медным всадником, и заставить сенаторов провозгласить конституцию. Однако, заранее оповещенный о готовящемся заговоре, Николай собрал сенаторов накануне в Зимнем дворце.

С утра 14 декабря сторонники переворота (3 тысячи офицеров и солдат) встали в каре между Медным всадником и Сенатом. Постепенно их окружили 12-ю тысячами верных правительству войск. Многочасовое стояние на холодном декабрьском ветру закончилось тремя залпами правительственной артиллерии. Восставшие (по месяцу события их называли декабристами) были рассеяны и арестованы. Пятерых после суда повесили, более сотни заговорщиков сослали на каторгу и в ссылку.

С петровского времени просвещенное дворянство и императорская власть были, в общем, едины в своих устремлениях. С 1825 года судьбы государства и интеллигенции, Медного всадника и Евгения в Российской империи начинают расходиться.

Достоевский постоянно возвращался к проблематике, ассоциируемой с Медным всадником. Петровская реформа находилась в центре главного, на десятилетия, спора двух направлений российской общественной мысли — славянофилов и западников.

Первые полагали, что петровские реформы (и основание Петербурга) — насилие над прирожденными свойствами русского народа, его культурой и государственностью. Петербург — чужеродный нарост на теле России:

Настало время зла и горя,
И с чужеродною толпой
Твой град, пирующий у моря,
Стал Руси тяжкою бедой.
Он соки жизни истощает,
Названный именем твоим.
О, русской он земли не знает
И духом движется чужим.

(К. Аксаков)

Вторые, напротив, считали: только с Петром Россия вышла из тупика изоляции на большак европейской культуры, а Петербург — зримое свидетельство этого выхода: «Петербург... новый город в старой стране, следовательно, есть новая надежда, прекрасное будущее этой страны» (В. Белинский).

Достоевский был ближе к славянофилам: «Петровские реформы создали у нас своего рода *statum in statu* (государство в государстве). Они создали так называемое образованное общество, переставшее... мыслить о Руси... изменявшее народным

интересам, совершенно разобщенное с народной массой, мало того, ставшее во враждебное к ней отношение», «Культуры у нас нет (что есть везде), а нет — через нигилиста Петра Великого».

Но если Петру он не отказывает по крайней мере в стремлениях по усилению русского государственного величия, обещающего в будущем алкаемое им торжество славянства, то Петербург для писателя всегда оставался городом искусственным.

«Народ... Ведь это море, которого мы не видим, запершись и оградясь от народа в чухонском болоте. Люблю тебя, Петра творенье. Виноват, не люблю его — окна, дырья и монументы».

ЗДАНИЕ СЕНАТА И СИНОДА

Сенатская площадь, 1—3

Западную часть Сенатской площади занимает грандиозный ансамбль, построенный в 1829–1834 годах Карлом Росси.

Это соединенные аркой, перекинутой через узкую Галерную улицу, здания двух важнейших правительственных сооружений Российской империи — Сената и Синода.

Сенат, основанный Петром в 1711 году, к середине XIX века служил высшей кассационной инстанцией России. При Николае I,

Здание Сената и Синода,
Сенатская площадь

когда, по выражению поэта-славянофила Алексея Хомякова, империя была «в судах черна неправдой черной», Сенат воспринимался как всероссийский центр издоимства. После судебной реформы 1864 года, введшей суд присяжных, он стал оплотом правительственного либерализма. Достоевский к судебной реформе отнесся с сомнением: «учреждение гласного присяжного суда все же ведь не русская, а скопированная с иностранного мера». В последнем романе Достоевского присяжные засудили невиновного Митю Карамазова.

Синод, появившийся на свет в 1721 году, стал венцом петровской религиозной реформы, отменившей самоуправление православной церкви и саму должность патриарха. Синод — государственное учреждение во главе с обер-прокурором — светским человеком, правительственным чиновником, управлявшим церковью как государственным учреждением. В результате, по мнению Достоевского, «Русская церковь в параличе с Петра Великого». Впрочем, один из обер-прокуроров, Константин Победоносцев (назначен в 1880 году), был хорошим знакомым и политическим единомышленником Достоевского. И политическая программа позднего Достоевского, идея «государства-церкви», своеобразной теократии, была навеяна общением с этим наставником двух последних русских императоров.

Архитектурное решение здания Сената и Синода обычно для петербургского зодчества времен николаевского царствования. Стиль заимствован у наполеоновской Франции, которая заимствовала его, в свою очередь, у императорского Рима. Такая разновидность классицизма называется стилем ампир.

Николай Гоголь и его современники дружно осуждали здание за монотонность и вненациональность. «Что за странная прихоть — возводить храмы во славу чиновников?» — писал о таких зданиях Кюстин. Герцен осуждал «стройность одинаковости, отсутствие разнообразия, личного, капризного, своеобразного» в архитектуре города: «все это в высшей степени развито в казармах». Этого взгляда придерживался и Достоевский: «...Архитектура всего Петербурга чрезвычайно характеристична и оригинальна и всегда поражала меня, — именно тем, что выражает всю его бесхарактерность и безличность за все время существования». А об архитектуре ампира он выражался так:

«Огромно, псевдовеличественно и скучно до невероятности, что-то натянутое и придуманное тогда нарочно, вместе с пчелами на наполеоновской порфире, для выражения величия вновь наступившей тогда эпохи и неслыханной династии, претендовавшей на бесконечность».

Только в начале XX века литература и живопись разглядели величественную красоту «желтизны правительственных зданий» (О. Мандельштам). «О, эти гигантские просторы площадей, где можно делать смотр целым армиям. Тяжелые глыбы дворцов. Каменные всадники на памятниках — императоры и полководцы. Тусклое золото куполов Исаакия над мраморными громадами колонн, разве вся эта пышная красота не говорит о величии власти? „Город казарм“, — скажет язвительный враг. Да, казарм. Город гвардии и преторианцев. Но разве власть когда-нибудь опиралась на что-нибудь иное, как на штыки солдат?» — писал близкий к акмеистам прозаик С. Ауслендер.

«Петербург воплотил мечты Палладио у полярного круга, замостил болота гранитом, разбросал греческие портики на тысячи верст среди северных берез и елей. К самоедам и чукчам донес отблеск греческого гения, прокаленного в кузнице русского духа», — так в статье «Три столицы» говорил о петербургском ампире философ Г. Федотов.

Сейчас в здании Сената и Синода заседает Конституционный суд и находится Президентская библиотека.

МАНЕЖ КОННОГВАРДЕЙСКОГО ПОЛКА

Конногвардейский бульвар, 2

Манеж лейб-гвардии Конного полка отделен от здания Сената и Синода Конногвардейским бульваром. Здание предназначалось для занятия выездкой в зимнее время. Его построил в 1807 году Д. Кваренги, в характерном для него стиле строгого греческого классицизма, господствовавшем в Петербурге с 1770-х годов. Перед манежем — доставленные из Италии мраморные скульптурные группы работы И. Трискорни. Ныне в Манеже — Центральный выставочный зал.

«Военной столицей» называл Петербург Пушкин. Со времен Петра это город-гарнизон, самая милитаризованная столица

мира. При Николае I почти 15% населения Петербурга составляли офицеры и солдаты 16 полков гвардии.

Созданная Петром, гвардия первоначально целиком состояла из дворян. В XVIII веке она играла роль вооруженного дворянского парламента, решая судьбу императорского трона. При ее участии свергались (Иван VI, Петр III, Павел I) и назначались (Екатерина I, Анна, Елизавета, Екатерина II, Александр I) цари.

Гвардейские офицеры — элита аристократии, в гвардии начиналась карьера большинства военачальников и государственных деятелей. Смотры и парады гвардейских полков — самые красочные праздники в Петербурге. Обдумывание фасонов гвардейских мундиров — любимое занятие большинства русских императоров.

Лейб-гвардии Конный полк — один из старейших и наиболее аристократических в гвардии. Конногвардейцы-кирасиры — крупные кони, высокие, физически сильные солдаты, своеобразное обмундирование: каски, кирасы, палаши.

Каждый кавалерийский полк имел коней определенной масти, определявшейся лично Николаем. Конный — вороные кони, Кирасыры Его Величества — караковые, Кирасыры Ея Величества — рыжие, Кавалергарды — гнедые и т. д. Лошадей и обмундирование офицеры гвардии покупали за свой счет. В тяжелой кавалерии (к которой относились кавалергарды, конногвардейцы и кирасыры) оно было особенно дорогим. Поэтому служба в Конной гвардии была доступна только весьма состоятельным людям. Традиционно в Конногвардейском полку офицеры были по преимуществу из остзейских баронов.

Гвардейский полк — это не только, и даже не столько воинская часть, сколько сплоченная офицерская каста, поддерживающая честь и традиции, способствующая карьерному успеху сослуживцев. В Конном полку круглый год устраивались знаменитые четверговые обеды, уйти «живым» с которых было нелегко. Там назначались губернаторы, раздавались казенные заводские жеребцы, заполнялись высшие правительственные должности вплоть до директора Императорских театров. Полк этот поставил из своей среды почти все окружение последних императоров.

Конногвардейские офицеры предпочитали селиться рядом с полковыми казармами. Великий князь Николай Николае-

вич, третий сын Николая I, начинавший военную карьеру прапорщиком-конногвардейцем, приказал архитектору Штакеншнейдеру построить свой дворец на углу Конногвардейского бульвара и Благовещенской площади (ныне площадь Труда). После этого почина великие князья, связанные с полком годами службы и приятельскими связями, облюбовали местность к западу от Исаакиевского собора. Со времен Александра II эти кварталы почти не изменились: роскошные эклектичные особняки и дворцы на Английской набережной. В обиталище знати не было ни рынков, ни магазинов, ни ресторанов. По Большой Морской не спеша прогуливалась избранная публика. «Все, что было в городе праздного и вылощенного, медленно двигалось туда и обратно по тротуарам, раскланиваясь и пересмеиваясь: звяк шпор, французская и английская речь, живая выставка английского магазина и жокей-клуба» (О. Мандельштам).

Гвардеец — излюбленный и естественный герой петербургской литературы. В одном из кирасирских полков служит, например, Алексей Вронский (герой романа Л. Толстого «Анна Каренина»). Для Достоевского — писателя антидворянского («помещик» для него почти ругательство) — гвардеец всегда фигура сомнительная. В рассказе «Кроткая» гвардейский офицер — «светская, развратная, тупая тварь»; на страницах «Дневника писателя» эпизодический «кавалерийский офицер из одного известного кавалерийского полка... держит себя в каком-то надменном уединении и молчит свысока». Есть у Достоевского (в «Подростке») и два конногвардейца. Оба они отвратительны: барон Бьоринг и барон Р., явные немцы, — народ, в представлении Достоевского, неприятный.

ИСААКИЕВСКИЙ СОБОР: ИНТЕРЬЕР, КОЛОННАДА

Исаакиевская площадь, 4

Знакомство с Петербургом лучше всего начинать с колоннады Исаакиевского собора. Самый большой в России православный собор строился 40 лет — с 1818 по 1858 год. Выбор названия не случаен — день, отведенный в православном календаре

Вид на Синий мост
и Исаакиевский собор

преподобному Исаакию Далматскому — 30 мая — это по воле случая день рождения Петра Великого. На месте нынешнего собора существовала с 1707 года одноименная церковь, где Петр венчался со своей второй женой Екатериной I.

Этот храм в XVIII веке трижды перестраивали: каждый следующий император находил, что проект не соответствует задаче главного православного собора в столице, основанной Петром, и воздвигаемого в его память. Наконец за дело взялся француз Огюст Монферран. В самом решении поручить строи-

тельство православного собора никому не известному юному католику, к тому же не архитектору, а рисовальщику, было что-то типично петербургское. Это знаменовало полное господство космополитической, западнической идеи над национальной традицией.

Необычайные размеры храма символизируют мощь Российской империи, ее могущество. Собор высотой 101,5 метра, вмещающий 12 тысяч человек (площадь пола — 3250 квадратных метров) завершен огромным куполом (наружный диаметр — 26 метров). Общий вес сооружения — 300 тысяч тонн. Для того чтобы оно не ушло в болотистый петербургский грунт, в землю вколотили 10 762 просмоленные сосновые сваи. 112 колонн, вырубленных из гранитных скал в Финляндии, доставили на строительную площадку для окончательной доделки на специальных барках. От пристани на Неве к собору для транспортировки колонн проложили железную дорогу. Возводили собор несколько десятков тысяч крепостных крестьян, живших в бараках, сколоченных рядом со стройкой.

Собор вообще не похож на православный храм. В его убранстве множество горельефов и скульптур (жанр в допетровской церковной архитектуре неупотребимый). Иконы и фрески, характерные для православных церквей, заменили мозаика, скульптура, витражи (витраж в алтаре с изображением Христа — работа Г. М. фон Хесса и М. Э. Айнмиллера).

При всей монументальности, собор непропорционален — купол чрезмерно велик и как бы придавливает и основной массив храма, и четыре небольшие звонницы по его углам; претендуя на пятиглавие московских церквей, он скорее напоминает собор Святого Павла в Лондоне.

И тем не менее неуклюжий, странный его силуэт вписался в архитектурную панораму города и стал, наряду со шпилями Петропавловского собора и Адмиралтейства, одной из трех высотных доминант столицы. «Темная, огромная масса Исакия, неясно отделявшаяся от мрачного колорита неба» присутствует и в романах Достоевского.

С колоннады собора перед нами предстает Петербург, почти не изменившийся со времен Достоевского. Таким мог видеть его и писатель. В отличие от Москвы, центр Петербурга в советское

время, можно сказать, не перестраивали: не хватало денег. Блокада сыграла в жизни Ленинграда роль нейтронной бомбы: уничтожила население, но почти не коснулась архитектуры.

Впрочем, новый капитализм, как и во времена Достоевского, обезобразил город множеством уродующих исторические панорамы сооружений, таков купол гостиницы «Ренессанс Балтик» на Почтамтской улице, 4, грубо искаживший панораму Исаакиевской площади.

Панорама Васильевского острова

Биржевая площадь

На север от нас, через Большую Неву, лежит Васильевский остров — самый большой из 42 (во времена Достоевского их было больше сотни) островов Невской дельты. Планировка острова абсолютно геометрична: идущие с юга на север параллельные улицы, каждая сторона которой называется линией и имеет свой порядковый номер, пересекают под прямым углом Большой, Средний и Малый проспекты. Когда-то Петр думал построить здесь центр своей столицы, вдоль линий он собирался прорыть каналы. Из замысла ничего не вышло, но на Университетской набережной, лежащей как раз напротив собора, видны учреждения, задуманные и возведенные при Петре.

«Негоцианты, моряки, кадетские офицеры, художники, учителя и самый бедный класс петербургского чиновничества составляют главное народонаселение Васильевского острова», — писал современник Достоевского, очеркист И. И. Панаев.

Несколько месяцев на острове на углу 1-й линии и Большого проспекта в юности снимал квартиру Достоевский. На Васильевском жили и некоторые его герои: мать Нэлли из «Униженных и оскорбленных»; тут, на 13-й линии, в доме Ихменевых, умерла и сама Нэлли. У Тучкова моста ютился университетский приятель Раскольников, Разумихин. «В третьей линии на Малом проспекте» жила невеста Свидригайлова, к ней он ходил прощаться в ночь самоубийства. Но Васильевский в целом — не «достоевское» место.

«Самая регулярная часть регулярного города», по выражению историка Н. П. Анциферова, — район, имевший репута-

цию немецкого (здесь немцы составляли почти пятую часть населения), — Васильевский как-то не подходил для обитания героев Достоевского.

Николаевский (ныне — Благовещенский) мост

Первый в Петербурге постоянный Николаевский мост через Неву построен при Николае I (1850, инженер С. Кербедз). По Николаевскому мосту возвращался домой с лекций в университете студент Родион Раскольников. У начала моста со стороны Васильевского острова находилась разобранный в 1930-е годы часовня. Здесь Раскольников обычно останавливался.

«Небо было без малейшего облачка, а вода почти голубая, что на Неве так редко бывает. Купол собора, который ни с какой точки не обрисовывается лучше, как смотря на него отсюда, с моста, не доходя шагов двадцати до часовни, так и сиял, и сквозь чистый воздух можно было отчетливо разглядеть даже каждое его украшение... Необъяснимым холодом веяло на него всегда от этой великолепной панорамы; духом немой и глухим полна была для него эта пышная картина».

Этот вид — с Николаевской набережной (ныне — набережная Лейтенанта Шмидта) на Исаакиевский собор — вообще привлекал Достоевского, он есть и в рассказе «Слабое сердце», и в «Петербургских сновидениях в стихах и в прозе». По мнению иллюстратора «Белых ночей» Достоевского, художника Мстислава Добужинского, с этого места вся масса собора располагается по диагонали и получается полная симметрия в расположении частей.

На самом мосту, возвращаясь от Разумихина в день убийства процентщицы и ее сестры, Раскольников стал жертвой «одного весьма неприятного для него случая. Его плотно хлестнул... кучер одной коляски, за то что он чуть-чуть не попал под лошадей, несмотря на то что кучер раза три или четыре ему кричал...

Но в ту минуту, как он стоял у перил и все еще бессмысленно и злобно смотрел вслед удалявшейся коляске, потирая спину, вдруг он почувствовал, что кто-то сует ему в руки деньги. Он посмотрел: пожилая купчиха, в головке и козловых башмаках, и с нею девушка, в шляпке и с зеленым зонтиком, вероятно дочь.

„Прими, батюшка, ради Христа“. Он взял, и они прошли мимо. Денег двугривенный. По платью и по виду они очень могли принять его за нищего...»

Здание Академии художеств

Университетская набережная, 17

Слева от Николаевского моста — монументальное трехэтажное здание Академии художеств с небольшой башенкой над центральным четырехколонным портиком.

При Петре заботы о развитии пространственных искусств лежали на Академии наук. В царствование его дочери Елизаветы была основана самостоятельная Академия художеств. При Екатерине II архитектор Жан-Батист Валлен-Деламот построил существующее здание Академии. После почти шестидесяти лет господства барокко в архитектуре оно стало провозвестником нового стиля — классицизма.

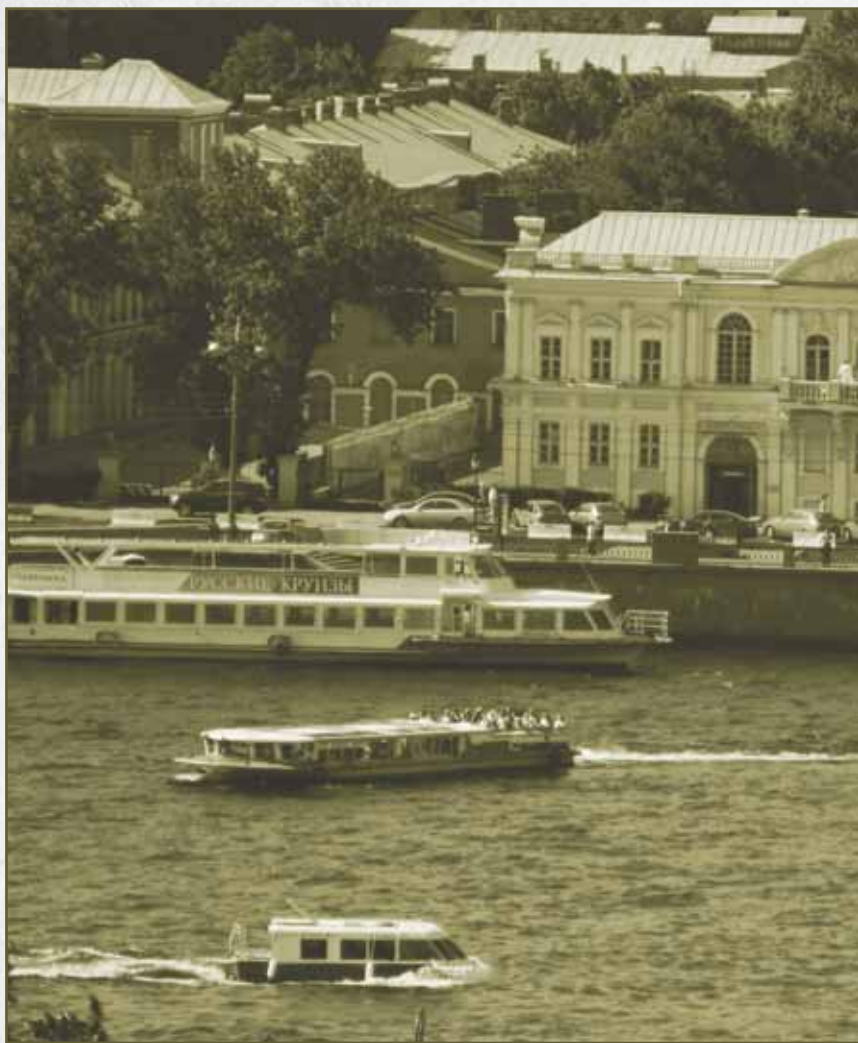
Академия — высшее учебное заведение, подготовившее большинство русских художников и архитекторов. Достоевский, знаток и любитель живописи, дважды писал обширные рецензии на ежегодные академические выставки.

Академическая пристань

Активная имперская политика на ближнем Востоке и Балканах — одна из главных тем, волновавших Достоевского-публициста. Архитектурный памятник этой политики — пристань, сооруженная перед Академией художеств по проекту Константина Тона, любимого архитектора Николая I, в 1832–1834 годах. Подлинные сфинксы привезены из египетских Фив.

Румянцевский сквер

За Академией художеств на восток по набережной — небольшой сад, в центре которого обелиск с надписью «Румянцева победам». Фельдмаршал П. А. Румянцев, по словам Пушкина, один «из стаи славной екатерининских орлов» — победитель турок в войне 1768–1774 годов и выпускник расположенного рядом Первого кадетского корпуса.

Меншиковский дворец

Университетская набережная, 15

Кадетский корпус с 1732 года помещался в бывшем дворце Меншикова.

Манеж кадетского корпуса,
Университетская набережная, 13

А. Д. Меншиков — «птенец гнезда Петрова», «полудержавный властелин», ближайший сподвижник Петра, президент Военной коллегии и генерал-губернатор Петербурга. Один из колоритнейших государственных деятелей России, он сочетал талант военачальника, административную хватку, обаяние

с чудовищным казнокрадством и служебными злоупотреблениями. Его дворец, строившийся в 1710–1714 годах архитекторами Д. Фонтана и Г. Шеделем, — первое каменное здание Петербурга. Он был богаче, чем дворец самого императора. При Екатерине I и Петре II Меншиков по существу управлял Россией, но в 1727 году в результате интриг придворных оказался в ссылке на Урале, где и умер. Сейчас во дворце — одном из лучших памятников так называемого петровского барокко (протестантский, северный вариант этого стиля) — филиал Эрмитажа, музей русской культуры петровского времени.

Манеж кадетского корпуса

Университетская набережная, 13

Дальше по набережной — первый на нашем пути памятник пышного, близкого к итальянскому, елизаветинского барокко — Манеж кадетского корпуса (1757–1759, архитектор И. Борхард).

Дворец Петра II

Университетская набережная, 11

Дворец Петра II — зеленое здание с трехэтажной центральной частью и двухэтажными крыльями. Оно построено в середине XVIII века неизвестным архитектором. Петр II — сын казненного царевича Алексея по приказу собственного отца, императора Петра Великого, не жил в этом дворце. Не желая находиться в городе, где был убит его отец, он переехал со своим двором в Москву.

Сейчас в здании располагаются филологический и восточный факультеты Петербургского университета.

Здание Двенадцати коллегий

Университетская набережная, 7–9

Восточнее этих зданий, торцом к набережной, расположен знаменитый комплекс Двенадцати коллегий. Петр Великий заменил построенную по аристократическому принципу систему продвижения по службе, существовавшую в Древней Руси, на

чиновничью иерархию, открытую для простолюдинов. Прогресс по карьерной лестнице теперь зависело не от знатности, а от профессиональной годности. Начал образовываться (особенно в Петербурге) класс чиновников. Двенадцать коллегий — центральных ведомственных учреждений — надолго стали основой этой новой системы управления. Двенадцать их корпусов, соединенных двухэтажной галереей, были построены в 1724–1741 годах по проекту Д. Трезини. С 1835 года здесь помещается Петербургский университет, где учился герой романа Достоевского Родион Раскольников, а также Владимир Ленин, Александр Керенский, Владимир Путин и Дмитрий Медведев.

Памятник М. В. Ломоносову

За зданием Двенадцати коллегий — Менделеевская линия, названная в честь знаменитого химика, в 1857–1890 годах бывшего профессором Петербургского университета. В торце улицы, выходящем на набережную, — памятник основоположнику новой русской литературы и русской науки М. В. Ломоносову (1986, скульпторы Б. А. Петров и В. Д. Свешников). Достоевский, противник петровского культурного переворота, Ломоносова не любил и считал «мертворожденным дитем Петра».

Здание Академии наук

Университетская набережная, 5

На углу Менделеевской линии и Университетской набережной в классицистическом здании с треугольным фронтоном и восьмиколонным портиком (архитектор Джакомо Кваренги) с 1785 по 1934 год помещалась Российская академия наук. Во второй половине XIX века Академия была мало популярна. Особенно возмущалась общественность, в том числе и Достоевский, тем, что академики забаллотировали Д. Менделеева, уже обладавшего мировой известностью. Но в 1876 году самого писателя избрали членом-корреспондентом Академии наук, чем он был весьма польщен.

Позже, в начале XX века, в этом же здании находился Пушкинский дом — хранилище рукописей поэта.

Кунсткамера,
Университетская набережная, 3

Кунсткамера

Университетская набережная, 3

С 1728 по 1775 год Академия наук помещалась в трехэтажном здании с башней, известном под названием Кунсткамеры (1718–1734, архитектор М. Г. Земцов). Кунсткамера — первый в России музей, созданный по указу Петра. Экспонаты музея, различные «монстры и натуралии», отражают представления основателя города о предмете научных исследований. Среди выставленного здесь — заспиртованные тельца младенцев-уродов, анатомические аномалии, чучела императорских собак, оружие. В трехъярусной башне — большой академический (Готторпский) глобус. Под ним — академическая библиотека, а сама академия занимала правое крыло здания. Здесь набережная переходит в стрелку Васильевского острова.

Вид с колоннады Исаакиевского собора на юг города

Теперь обойдем колоннаду по часовой стрелке. К югу от собора — Петербург Достоевского. Практически всю свою жизнь он прожил в треугольнике, вершины которого — колоннада, на которой мы находимся, и видимые с нее две высотные доминанты — колокольни соборов Владимирской иконы Божией Матери и Троице-Измайловского. Застройка здесь особенно густа, а население скущено.

Это объясняется прежде всего строительными особенностями города. Со времен Петра строительство здесь шло «единой фасадом», то есть торцовая стена одного дома должна была примыкать к торцовой стене соседнего. Между тем, земля в центре города быстро дорожала. Ограниченные этажностью (никакой дом в столице не должен был быть выше Зимнего дворца), домовладельцы старались увеличить общую площадь застройки и занимали как можно большую часть принадлежавшего им участка. Лицевые фасады доводились до максимальной высоты. В результате улицы превращались в своеобразные каменные коридоры с равными по высоте «стенами» — домами, пронизанными узкими дворами-колодцами.

В гигантских прямоугольных призмах кварталов, чье однообразие нарушалось лишь прихотливо изогнутыми каналами и реками да колокольнями церквей, и протекала жизнь Достоевского и его героев.

ДОМ ШИЛЯ

Вознесенский проспект, 8

На углу Исаакиевской площади, Малой Морской и Вознесенского проспекта, торцом к площади стоит четырехэтажный дом, принадлежавший в середине XIX века некому Якову Христиановичу Шилу. Достоевский снимал комнату в квартире Бреммера на третьем этаже. Здесь были написаны рассказы и повести «Ползунков», «Слабое сердце», «Честный вор», «Елка и свадьба», «Чужая жена и муж под кроватью», «Белые ночи».

Исследователи жизни писателя давно заметили любопытную закономерность: Достоевский почти всегда селился в угловых домах, неподалеку от церкви. Таков и этот дом.

Два года в доме Шила — не самые счастливые в жизни писателя. После сенсационного, шумного успеха первой повести Достоевского «Бедные люди», следующие его произведения «Двойник», а особенно «Господин Прохарчин» и «Хозяйка», провалились. Он стал объектом злословия и насмешек кружка писателей, группировавшегося вокруг главного литературного авторитета российской читающей публики, — критика Виссариона Белинского. Этот внезапный поворот от единодушного восторга (Белинский писал об авторе «Бедных людей»: «...новый Гоголь, явление необыкновенного таланта... так начать — это... что-то уж слишком необыкновенное... в публике только и толков, что о Достоевском») к обидным эпиграммам и оскорбительным сплетням был чрезвычайно болезнен для чудовищно самолюбивого автора.

Одним из следствий стала начавшаяся эпилепсия.

Порвав с кругом Белинского (что во многом определило его дальнейшие отношения с Тургеневым, Григоровичем, Некрасовым, Панаевым), Достоевский сблизился с участниками кружка петрашевцев — молодыми поклонниками Фурье и утопического социализма. По пятницам на окраине города в Коломне

у чиновника Михаила Петрашевского, человека образованного, яркого и эксцентричного, они собирались на скромный ужин в складчину.

Один из постоянных посетителей, Дмитрий Ашхарумов, вспоминал: «Это был интересный калейдоскоп разнообразнейших мнений о современных событиях, распоряжениях правительства, о произведениях новейшей литературы по различным отраслям знаний; произносились городские сплетни, говорилось обо всем без всякого стеснения. Иногда кем-либо из специалистов делалось сообщение вроде лекции».

Все это мало походило на организацию заговорщиков, скорее молодежный кружок, хотя и с оппозиционным оттенком. Сам Достоевский прочел на собрании 15 апреля 1849 года неопубликованное, ходившее в списках письмо Белинского Гоголю с его тоже весьма умеренной политической программой: «уничтожение крепостного права, отменение телесного наказания, введение строгого выполнения хотя бы тех законов, которые уже есть».

Между тем, в кружок уже внедрился полицейский агент, некий Антонелли. Только что Европа была потрясена революцией 1848 года; Николай I ждал заговоров и в России и жаждал их пресечь. Услужливые деятели политической полиции представили посетителей «пятниц» у Петрашевского опасными революционерами. Николай распорядился: «Дело важное... оно в высшей степени преступно и нестерпимо... приступить к арестованию. С Богом! Да будет воля Его».

Дождливый вечер 23 апреля 1849 года Достоевский провел у приятеля по кружку, на обратном пути зашел еще к одному, и вернулся домой глубокой ночью. По его позднейшим воспоминаниям, он лег спать и тотчас же заснул. «Не более как через час я сквозь сон заметил, что в мою комнату вошли какие-то подозрительные и необыкновенные люди. Брякнула сабля, нечаянно за что-то задевшая. Что за странность? С усилием открываю глаза и слышу мягкий симпатический голос: „Вставайте!“ Смотрю: квартальный или частный пристав с красивыми бакенбардами. Но говорил не он, говорил господин, одетый в голубое (цвет жандармских мундиров. — *Л. Л.*) с подполковничьими эполетами. „Что случилось?“ — спросил я, привставая с кровати. — „По повелению...“ ...Смотрю: действительно, „по повелению“.

...Пока я одевался, они потребовали все книги и бумаги; не-многое нашли, но все перерыли... Нас провожала испуганная хозяйка и человек ее Иван, хотя и очень испуганный, но державшийся с какой-то тупой торжественностью...У подъезда стояла карета...»

Достоевского повезли на Фонтанку в III отделение — тогдашнюю политическую полицию. Там он встретил арестованных товарищей, с которыми за несколько часов до этого сидел за столом у Петрашевского.

Дом Шиля остался в памяти Достоевского навсегда и, видимо, не случайно в «Преступлении и наказании» он дал дому, в котором жил Раскольников (находящемуся довольно далеко отсюда), такое же название.

ГОСТИНИЦА «НАПОЛЕОН» (НЫНЕ — «АНГЛЕТЕР»)

Малая Морская, 24

Пока в доме Шиля шел обыск на квартире у Достоевского, на Малой Морской, в гостинице «Наполеон», сладким сном спал молодой человек двадцати одного года — граф Лев Толстой. Неудачник, выгнанный из Казанского университета «за неуспешность», он начал было держать экстерном экзамен за курс Петербургского университета, но вскоре раздумал и решил вступить юнкером в Конную гвардию (из этого, впрочем, тоже ничего не вышло). Через три года в «Современнике» будет напечатано «Детство», и имя Толстого станет известно всей читающей России. С любопытством будут следить за успехами друг друга два крупнейших русских прозаика — Толстой и Достоевский, но встретиться лично им так и не удастся.

ДОМ МЯТЛЕВЫХ

Исаакиевская площадь, 9

Нарышкины — свойственники Романовых: Наталья Нарышкина — мать Петра Великого. Из этого рода и внучатый племянник Петра — Лев Александрович Нарышкин — блестящий

вельможа Екатерининских времен, первый хозяин дома на Исаакиевской площади, 9. Построен дом был в 1750-е годы, и со времен последней реконструкции в 1810 году его внешний вид остался неизменным.

От Нарышкиных дом перешел к представителям другого знаменитого дворянского рода — Мятлевым. Иван Петрович Мятлев был богат и знатен: его крестная — Екатерина II; от отца, сенатора, он унаследовал 12 тысяч душ. Современник и приятель Пушкина, участник войны 1812 года, просвещенный барин, светский человек, служил он только для приличия. В 1836-м камергером и действительным статским советником Мятлев вышел в отставку. Дом его на Исаакиевской площади был наполнен картинами, статуями и разными редкостями из Италии. Тут императорское семейство (царствовал Николай I) запросто сходилось на светских вечерах с дипломатическим корпусом, литераторами и артистами. Хозяин — прелестный, милый, талантливый — служил главной приманкой: «его появление вводило радость в общество; его ум оживлял беседу, его разговор прогонял скуку».

Человек, светский по преимуществу, Мятлев остался в истории русской литературы как основоположник специального жанра, предназначенного скорее для устного исполнения, нежели для чтения. Между собственно литературой и юмористикой существует переходная зона. Например: стенгазета, сценарий капустника, стихотворение на случай. Путь этого материала — в полное забвение или, в редчайшем случае, в полное собрание сочинений. В этой переходной зоне — множество имен: от Ивана Горбунова до Аркадия Аверченко и от Михаила Кольцова до Семена Альтова. Один из первых литераторов такого типа — Иван Мятлев, автор множества юмористических стихов, написанных не для печати, а чтобы повеселить себя и приятелей.

Самое знаменитое сочинение Мятлева — поэма «Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границею, дан л'этранже» — описание европейских приключений тамбовской помещицы от ее имени. Такой стихотворный сказ. Госпожа Курдюкова к месту и без места вставляет в свой и так смешной рассказ о Европах французские слова и выражения: получается этакая смесь французского с нижегородским. Пушкин считал стихи Мятлева «уморительными». Юмористический эффект произведений Мят-

лева отчасти предопределяет стихи капитана Лебядкина (героя «Бесов»), рассказы Михаила Зощенко, с его героями, любящими выражаться «культурно».

Потомки Мятлевых растрачивали постепенно семейное достояние, а дом свой на Исаакиевской площади сдавали с 1870-х до 1914 года Евгению Васильевичу Богдановичу. Генерал-лейтенант, участник Крымской войны и освобождения Болгарии, он более всего был знаменит как многолетний староста Исаакиевского собора. Организовал лучший в Петербурге церковный хор, издательство, выпускавшее множество дешевой душеполезной литературы для массового читателя. Человек богатый, светский, ловкий, генерал Богданович три последних царствования держал в своем доме важнейший столичный политический салон. Умер он в 85 лет, начинал службу при Николае I, оставался на виду и при его правнучке Николае II.

Привлекательно местоположение жилища Богдановичей: два шага от большинства министерств, дворца, Государственного совета, Сената, посольств. Отличная кухня, безупречная политическая репутация хозяина, взгляды которого всегда соответствовали последним идеологическим веяниям при дворе, — все это делало салон привлекательным для высшего чиновничества. Здесь узнавали последние новости, здесь создавались и разрушались репутации, делались карьеры. Тут провинциалы обращали на себя внимание важных сановников, получали места губернаторов и столоначальников; происходили «утечки информации» в прессу. Здесь высшая бюрократия встречалась с большим бизнесом: булат со златом.

Отличие салона Богдановича от прочих в том, что жена хозяина дома писала подробнейший дневник. Александра Викторовна — подлинная «душечка», жившая постоянно менявшимися вкусами и предпочтениями мужа. Поэтому дневник ее (последний раз переизданный в 1990 году) отражает не политические взгляды гостей салона, а их текущий вес в глазах двора. Не слишком разбираясь в политике, Александра Богданович была увлечена по преимуществу сплетнями о пороках и слабостях впавших в немилость большого света царедворцев.

Перед нами проходит целая вереница взяточников, дураков, прелюбодеев (всех родов и склонностей), казнокрадов, льсте-

цов, карьеристов. Пожалуй, ни один враг императорской России не создал документа столь разоблачительного. Меж тем, генеральша Богданович — сторонница неограниченной монархии и торжествующего православия. Дневник Богданович — это «Kompromat.ru» с 11 февраля 1879 по 20 июня 1912 года. Есть и про похороны Достоевского.

МИНИСТЕРСТВО ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИМУЩЕСТВ

Большая Морская улица, 42—44

Дальше к югу, через Большую Морскую улицу, Исаакиевскую площадь фланкируют два дома, построенных в 1853 году архитектором Н. Е. Ефимовым для Министерства государственных имуществ. Фасады оформлены в стиле венецианского ренессанса.

Министерство государственных имуществ, возникшее в 1837 году, было одним из центральных государственных учреждений, созданных в 1802-м вместо петровских коллегий. Ко времени Ф. М. Достоевского министерств было 10: военное, морское, иностранных дел, внутренних дел, финансов, юстиции, народного просвещения, императорского двора, путей сообщения, государственных имуществ. Вместе с многочисленными отделениями Собственной Его Величества Канцелярии они создавали запутанную систему управления огромной империей, раскинувшейся от Лодзи до Амура на шестой части земной суши. Правительственные канцелярии давали заработок тысячам петербургских чиновников, ранжированным с петровских времен по четырнадцати классам «Табеля о рангах» от коллежского регистратора (14-й класс) до канцлера (1-й класс). Бюрократическая, полицейская империя, основанная Петром, с ее полным преобладанием государства над обществом, достигла своего апогея в царствование Николая I, памятник которому стоит в центре Исаакиевской площади.

ПАМЯТНИК НИКОЛАЮ I

Исаакиевская площадь

Николай I царствовал 30 лет: с 1825 по 1855 год. Боязнь бунта, борьба с вольномыслием стали главным содержанием этого

периода русской истории. Не было ни одного сколько-нибудь самостоятельного мыслителя в стране, не испытывавшего страшную силу его гнева: опальный Пушкин погиб на дуэли, Лермонтов был сослан на Кавказ, величайший украинский поэт Тарас Шевченко — отдан в солдаты без права писать; вынужден был эмигрировать Герцен, в ссылке побывали Тургенев и Салтыков-Щедрин, Чаадаева официально объявили сумасшедшим. Достоевский стал одной из многих жертв политики императора.

Памятник государю, всю жизнь не слишком удачно пытавшемуся подражать своему великому предку Петру («в нем много прапорщика и немного от Петра Великого», как писал А. С. Пушкин), является подражанием Медному всаднику. Петербуржцы шутили, что Николай вечно гонится и не может догнать Петра.

Памятник Николаю I сооружен в 1859 году скульптором П. Клодтом и архитектором О. Монферраном. Насколько Медный всадник монументален и обобщен, настолько памятник Николаю I подробен и литературен. Николай — император-рыцарь в парадной форме Кавалергардского полка.

Памятник Николаю I,
Исаакиевская площадь

Пьедестал из мрамора, красного порфира, красного финского и серого сердобольского гранитов украшен аллегорическими фигурами Правосудия, Силы, Веры и Мудрости, а также оружием кавказских горцев, древнерусским оружием и оружием николаевской армии. По бокам постамента — барельефы, изображающие четыре важнейших события Николаевского царствования: подавление восстания декабристов, холерный бунт 1831 года, награждение императором Николаем знаменитого русского законоведа М. Сперанского по случаю составления первого Свода законов (1832) и осмотр Веребинского моста через только что построенную железную дорогу Петербург–Москва (1851).

СИНИЙ МОСТ

Синий мост — один из 342 мостов Петербурга, и один из 15, переброшенных через реку Мойку. Это самый широкий мост города (97 метров). Современный вид приобрел в 1844 году.

Городское происшествие начала 1840-х годов — будочник у этого моста ночами грабил и убивал прохожих — имело неожиданное следствие для русской литературы. Александр Герцен — пожалуй, лучший стилист русской литературы, остролов и вольнодумец, — сообщил об этом событии письмом в Москву. Письмо было вскрыто, Герцен оказался в ссылке.

На левой стороне моста в набережную Мойки врезан водомерный столб, увенчанный трезубцем Нептуна (1971, архитектор В. А. Петров). На нем отмечены уровни подъема воды в Неве во время самых значительных наводнений, в том числе и того, что описано в «Медном всаднике». В тот день вода поднялась на 4 метра выше обычного уровня.

МАРИИНСКИЙ ДВОРЕЦ

Исаакиевская площадь, 6

Петербург — резиденция российского императорского дома. Все разраставшееся в XIX веке семейство Романовых включало во времена Достоевского помимо императоров и императриц (соответственно Николая I и Александру Федоровну и Александра II и Марию Александровну) еще несколько великокняже-

ских кланов, каждый из которых находился на государственном содержании и претендовал на политическую роль. В эпитафии того времени Россия характеризуется как «страна невеликих царей и великих князей».

Семейство младшего брата Николая I — великого князя Михаила Павловича и его жены Елены Павловны — занимало Михайловский дворец. Младшие сыновья Николая, братья Александра II — Константин, Николай и Михаил Николаевичи — жили соответственно в Мраморном, Николаевском и Новомихайловском дворцах. Старший сын Александра II, будущий Александр III, после брака с Марией Федоровной (Дагмарой Датской) переехал в Аничков дворец.

Большая часть императоров и великих князей женились на немецких принцессах, переезжавших в Россию. Великие княжны, напротив, как правило, уезжали за границу к своим титулованным мужьям. Одним из немногих исключений была любимая дочка Николая I, Мария Николаевна. Ее муж, сын Евгения Богарне, пасынка Наполеона, герцог Максимилиан Лейхтенбергский, переехал в Россию. Для этой супружеской четы и был возведен Мариинский дворец. Его построил в 1844 году хороший знакомый Достоевского, придворный архитектор А. Штакеншнейдер, в стиле флорентийского ренессансного палаццо.

ДОМ ЛОБАНОВА-РОСТОВСКОГО

Адмиралтейский проспект, 12

Массивное здание, занимающее целый квартал между Вознесенским, Адмиралтейским проспектами и Исаакиевской площадью, построено О. Монферраном для знаменитого петербургского богача и хлебосола князя Лобанова-Ростовского. Позже здесь находились департаменты Военного министерства и, в частности, высший военный суд — генерал-аудиториат, приговоривший в 1849 году 21 петрашевца, в том числе и Достоевского, к расстрелу (впрочем, генерал-аудитор ходатайствовал о смягчении наказания до 8 лет каторги).

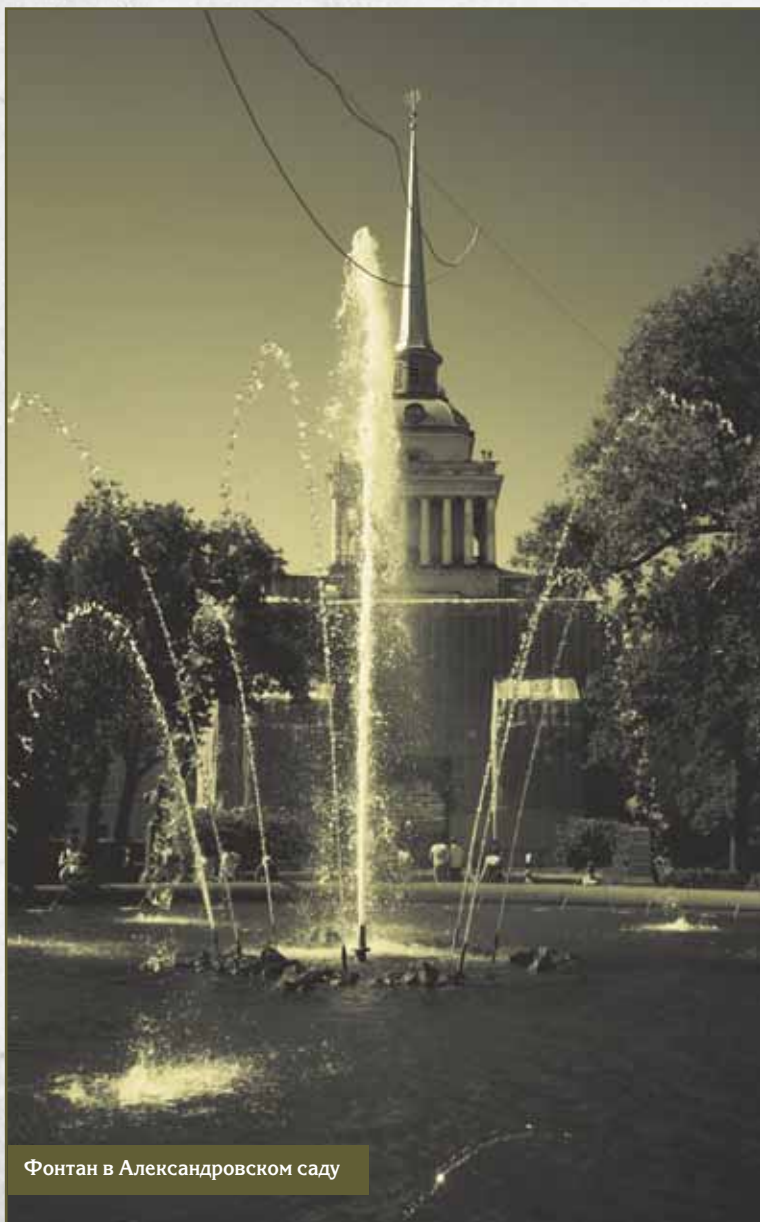
На высоком крыльце, по обе стороны от входа в дом, расположены «львы сторожевые», на одном из которых герой «Медного всадника» Евгений переживал наводнение. В то время никакие

строения не отделяли этих львов от Медного всадника. Сейчас Адмиралтейство загораживает Александровский сад, а между Исаакиевским собором и памятником Петру разбит партерный сквер. Раньше же на этом месте лежала Адмиралтейская площадь, соединявшая Дворцовую, Разводную, Сенатскую и Исаакиевскую. Об этом огромном незастроенном пространстве в центре города И. Анненский писал: «пустыни немых площадей». Такое пространственное решение представляло собой и одну из уникальных особенностей центра города, и часть основной градостроительной идеи: трехлучие главных городских магистралей должно сходиться у Адмиралтейства.

АЛЕКСАНДРОВСКИЙ САД

Попытки Петра построить регулярный город увенчались успехом лишь отчасти. Стихийная застройка, несмотря на жесткие указы, тихой сапой подрывала широкие градостроительные замыслы. В 1737 году, в царствование Анны Иоанновны, в Петербурге произошел разрушительный пожар, уничтоживший центр города. Именно он позволил на образовавшемся пожарище заново трассировать улицы и до конца осуществить восходившую еще к петровскому времени радиально-лучевую планировку континентальной части города. Руководимая Б. Минихом и П. Еропкиным (характерно для времени: первый через три года окажется в Сибири, второй будет колесован) «Комиссия о каменном строении» проложила три луча, ориентированных на Адмиралтейскую иглу: Невский проспект, Гороховая улица, Вознесенский проспект. Сейчас все они сходятся к Александровскому саду.

На широкой площади, находившейся на месте теперешнего сада, с 1827 по 1872 год на масленичной и пасхальной неделях проходили традиционные народные гуляния. Строились деревянные балаганы, ставились исторические пьесы для народа с огромным количеством действующих лиц, действовали карусели и качели, снеговые горы. Шла торговля пряниками и орехами, играли шарманщики и рожечники. Публику развлекали специальные зазывалы — балаганные деды, раешники, петрушечники. Это был единственный в году период единения всех классов

Фонтан в Александровском саду

петербургского населения: на гулянии бывал и высший свет, и беднейшие горожане.

В столице не хватало зелени, и Городская дума устроила несколько скверов, среди которых, в 1872–1874 годах, и Александровский сад. Разбивка сада значительно испортила замысел Миниха и Еропкина. Его деревья разрослись и заслонили главный фасад Адмиралтейства.

«Скверы чрезвычайно способствуют быстрому сочинению петербургских летних романов. Некоторые на бойких местах скверы, как, например, Александровский, приобрели такую же скандальную репутацию, какою пользуются в известные часы дня и ночи Невский и Вознесенский проспекты» (то есть стали рассадниками проституции), писал один из самых внимательных бытописателей Петербурга 1860–1870-х годов В. Михневич.

В 1879 году в центре сквера установили фонтан. Идея устройства фонтанов на городских площадях, которые освежали бы воздух, в то время была весьма модной. «Мыслью об устройстве высоких фонтанов» был занят и Раскольников.

В 1880–1890-е годы вокруг фонтана установили бюсты русских классиков Гоголя, Жуковского, Лермонтова, композитора Глинки и памятник путешественнику Пржевальскому. Уже в наше время поставили памятник канцлеру Александру Горчакову.

АДМИРАЛТЕЙСТВО

Адмиралтейский проезд, 1

Адмиралтейство было заложено Петром I 5 ноября 1704 года на южном берегу Невы, наискосок от того места, с которого за год до этого начал основываться Санкт-Петербург (нынешняя Петропавловская крепость). Вплоть до 1844 года (когда верфь прекратила существование), в огромном П-образном сооружении, раскрытом на Неву, было построено 256 кораблей для балтийского флота.

В башне со шпилем в центре главного, обращенного к югу фасада с 1718 года располагалась Адмиралтейств-коллегия — центральный орган управления флотом. В 1728 году архитектором И. Коробовым здание Адмиралтейства было перестроено в камне. Когда коллегия вошла в состав Морского министерства,

после министерской реформы, архитектору А. Захарову была поручена новая перестройка строения, законченная к 1823 году.

А. Захаров блестяще справился с порученной задачей. Постройка получилась грандиозной: периметр адмиралтейского здания — 1200 метров, длина главного фасада — 406 метров. Центральная 72-метровая башня увенчана позолоченным флюгером-корабликом (длина — около 2 метров, высота — чуть больше 1,5 метров). Крепость-верфь воплощает идею величия России как морской державы. Обильная скульптура работы таких мастеров, как В. Демут-Малиновский, Ф. Шедрин, И. Теребенев, умело выдержанный ритм колонных портиков придали строгое величие и живописность симметричному ампиричному зданию.

А. С. Пушкин упомянул о здании во вступлении к «Медному всаднику» («адмиралтейская игла»), с тех пор башня Адмиралтейства вошла в число основных символов города, морской мощи России, родства русской и античной культур.

И в темной зелени фрегат или акрополь
Сияет издали, воде и небу брат...
...Нам четырех стихий приязненно господство,
Но создал пятую свободный человек.
Не отрицает ли пространства превосходство
Сей целомудренно построенный ковчег?

(О. Мандельштам, «Адмиралтейство»)

Или даже так: «Кто усомнится в том, что Захаров самобытнее строителей римских форумов и что русское слово, раскованное Пушкиным, несет миру весть благодатнее, чем флейты Горация и медные трубы Вергилия?» (философ Григорий Федотов).

ЗИМНИЙ ДВОРЕЦ

Дворцовая площадь, 2

Нынешний Зимний дворец, главная резиденция российских императоров, — уже пятый дворец, возведенный на этом месте с основания столицы. Он строился крупнейшим архитектором елизаветинского времени Б. Растрелли в 1754–1762 годах для

Елизаветы Петровны. Здесь жили все русские императоры, начиная с Екатерины II.

Это самое грандиозное дворцовое сооружение в России. Отсутствие выраженного главного входа (фасады, обращенные к Неве, Адмиралтейству и Дворцовой площади равнозначны), ризалиты, колонны, собранные в пучки, чередование лучковых и треугольных фронтонов, сложная рельефная орнаментика наличников, декоративная скульптура над парапетами типичны для барокко — архитектурного стиля, пережившего расцвет в XVII веке.

Пользуясь тем, что Россия была глубокой периферией Европы, Растрелли строил в Петербурге то, что в Париже и Лондоне уже было к середине XVIII века глубоким анахронизмом. Это даже не классическое барокко Италии или Южной Германии, а нечто вычурное, напоминающее скорее Латинскую Америку.

При Достоевском в Зимнем дворце проходили торжественные «выходы» императоров, приемы, балы, маскарады, придворные спектакли, большие церковные праздники и другие церемонии. В сокровищнице хранились императорские регалии (корона, скипетр, держава), драгоценности и реликвии. Помещения дворца

Зимний дворец,
Дворцовая площадь, 2

были разделены на три основные части: парадную, служебную и жилую. Вход во дворец и в каждую его часть строго регламентировался. Не все императоры любили дворец, но и Николай I (предпочитавший Аничков), и Александр II зимнее время проводили, как правило, здесь. Их покои находились во втором этаже и выходили на Дворцовую площадь.

В их царствования блеск русского двора достиг апогея. Теофиль Готье так описывал бал в Георгиевском зале дворца в 1865 году: «Когда вы впервые вглядываетесь в эту ослепительную картину, вас охватывает головокружение. В сверкающей массе свечей, зеркал, золота, брильянтов, драгоценных камней, шелка трудно различить отдельные очертания. Затем глаз несколько привыкает к ослепительному блеску и охватывает гигантских размеров зал, украшенный мрамором и лепными украшениями... Всеми цветами радуги переливаются военные мундиры, расшитые золотом, эполеты, украшенные брильянтовыми звездами, ордена и нагрудные знаки, осыпанные драгоценными камнями. Одевания мужчин так блестящи, богаты и разнообразны, что дамам в их легких и изящных туалетах трудно бороться с этим тяжелым блеском. Не имея возможности превзойти мужчин богатством своих туалетов, они побеждают их своей красотой: их обнаженные плечи стоят всех блестящих мужских украшений».

Мир дворца в XIX веке все дальше отдалялся от мира русской культуры. Ни один из крупных русских писателей конца XIX века после Федора Тютчева и Алексея Толстого не был принят при дворе, тем более знаком лично с императором. Тут не были ни Лев Толстой, ни Антон Чехов, ни Александр Куприн, ни Александр Блок.

Достоевский долгое время не был исключением. Скорее всего, Николай I не прочел ни строчки его произведений, хотя писатель полагал, что некоторому смягчению своего приговора по делу петрашевцев он был обязан участием государя к подающему надежды молодому литератору.

Александр II обратил внимание на Достоевского, когда тот уже был в зените славы. Этому вниманию Достоевский обязан, вероятнее всего, профессору К. Победоносцеву, воспитателю наследника, позже обер-прокурору Синода. По своим политическим воззрениям они были весьма близки и оба ориентирова-

лись на «партию цесаревича», националистическую и склонную считать ряд реформ Александра II чрезмерными.

Во всяком случае, с 1878 года Достоевскому несколько раз подавали придворные кареты для поездок во дворец, с тем чтобы он своими беседами во время великокняжеских обедов благотворно повлиял на великих князей Сергея (ему тогда было 21 год) и Павла (18 лет) — младших сыновей императора. По словам вдовы писателя: «Свидание с великими князьями произвело на Федора Михайловича самое благоприятное впечатление: он нашел, что они обладают добрым сердцем и недюжинным умом». На обедах кроме великих князей Сергея и Павла присутствовали их кузены — Константин и Дмитрий Константиновичи, К. Победоносцев и Д. Арсеньев, наставник великих князей.

Дворец составлял лишь небольшую часть огромного хозяйства, администрируемого министерством императорского двора в Петербурге. В его ведение входили: императорские и великокняжеские дворцы (их было несколько десятков), театры, Академия художеств, придворные конюшня, охота, оркестр, госпиталь и, наконец, удовлетворение нужд самого двора, обслуживаемого тысячами служащих. В одном Зимнем дворце жило около трех тысяч человек.

Жила здесь и камер-фрейлина императорского двора Александра Толстая — двоюродная тетка Л. Н. Толстого. Племянник ее, великий русский писатель, в конце 1870-х годов переживал религиозный поворот, приведший его к полному отрицанию всякой церкви, в том числе и православной. Александра Толстая познакомилась с Федором Достоевским в январе 1880 года. Она решила посоветоваться с ним, придерживавшимся строгих религиозных взглядов, о «ереси» своего родственника. Достоевский навестил камер-фрейлину в Зимнем дворце. Она показала ему свою переписку со Львом Николаевичем.

А. Толстая вспоминала: «Вижу еще и теперь перед собой Достоевского, как он хватался за голову и отчаянным голосом повторял: „Не то! Не то!“ Он не сочувствовал ни одной мысли Льва Николаевича; несмотря на то, забрал все, что лежало писаное на столе: оригиналы и копии писем Льва. Из некоторых его слов я заключила, что в нем родилось желание оспаривать ложные мнения Льва Николаевича. Я несколько не жалею потерянных

писем, но не могу утешиться, что намерение Достоевского осталось невыполненным: через пять дней после этого разговора Достоевского не стало».

В начале 1880-х годов дворец выглядел осажденной крепостью. Объявленная террористами «Народной воли» «охота на царя», серия предпринятых ими покушений на жизнь Александра II привели к тому, что Зимний дворец (во избежание подкопа) был окружен траншеями. Во всех помещениях располагалась стража. Но это не упало дворец от взрыва. В сентябре 1879 года под видом столяра во дворце поселился народоволец Степан Халтурин, по специальности столяр-краснодеревщик. Мебель более чем тысячи комнат требовала постоянного ремонта. Жил Халтурин в подвале дворца, в крыле, выходящем на Адмиралтейство. Ему удалось пронести во дворец по частям около 30 килограммов динамита. 5 февраля 1880 года Халтурин поджег бикфордов шнур и покинул подвал. Взрыв оглушительной силы убил нескольких солдат в помещении первого этажа и повредил императорскую столовую, где как раз в это время должен был начаться по счастью отложенный обед в честь принца Гессенского.

Взрыв в Зимнем Дворце до крайности взволновал Достоевского. По воспоминаниям знаменитого журналиста и книгоиздателя А. Суворина, писатель говорил ему: «Представьте себе, что мы стоим у окон магазина „Дациаро“ и смотрим картины (магазин этот находился неподалеку от дворца на Невском проспекте, и около него руководитель «Народной воли» Желябов встречался с Халтуриным — Л. Л.). Около нас стоит человек, который притворяется, что смотрит. Он чего-то ждет и все оглядывается. Вдруг поспешно подходит к нему другой человек и говорит: „Сейчас Зимний дворец будет взорван. Я завел машину“. Мы это слышим... Как бы мы с вами поступили? Пошли ль бы мы в Зимний дворец предупредить о взрыве или обратились ли к полиции, к городовому, чтобы он арестовал этих людей? Вы пошли бы? — Нет, не пошел бы. — И я не пошел бы... Разве это нормально? У нас все ненормально, оттого все это происходит, и никто не знает, как ему поступить не только в самых трудных обстоятельствах, но и в самых простых...»

Мысль Достоевского в том, что власть и общество настолько враждебны друг другу, что даже он, монархист по убеждениям,

не может однозначно стать законопослушным гражданином. Удивительна однако и топографическая точность его рассказа, заставляющая некоторых исследователей предполагать: писатель излагает истинное происшествие и действительно был случайным свидетелем встречи Желябова с Халтуриным.

Сейчас в Зимнем дворце — музей Эрмитаж, одно из лучших в Европе собраний произведений искусства. Любитель западноевропейской живописи, Достоевский не мог не бывать здесь. В его время коллекции, бесплатно открытые для публики ежедневно с 11 до 15 часов без выходных, занимали здания Малого (1775, архитектор Ж. Валлен-Деламот) и Старого Эрмитажа (1787, архитектор Ю. Фельтен), выходящих на Дворцовую набережную, и Нового Эрмитажа (1852, архитектор Л. Кленце), выходящего на Миллионную улицу.

АЛЕКСАНДРОВСКАЯ КОЛОННА

Дворцовая площадь

В центре Дворцовой площади — Александровская колонна. Ее проект принадлежит О. Монферрану. Два года сотни каменотесов обрабатывали на площади привезенный сюда из-под Выборга гранитный монолит. 30 августа 1834 года после торжественного парада гвардии, в присутствии Николая I, колонна была открыта.

Колонна — памятник Александру I и победе России над Наполеоном. Поэтому она сознательно сделана выше Вандомской колонны в Париже, сооруженной в честь побед Бонапарта. И Александровская, и Вандомская колонны являют паравраз Троянской колонны в Риме.

На полушаре, венчающем колонну, — фигура ангела с крестом; его лику придано сходство с лицом Александра I (скульптор Б. Орловский). Фигура Александра сделана намеренно чуть более высокой, чем фигура Наполеона на Вандомской колонне. Ангел попирает ногами змею, символизирующую побежденного врага. На лицевой стороне пьедестала, обращенной к Зимнему дворцу, изображены аллегорические фигуры мужчины, олицетворяющего Неман, и женщины — Вислы (по этим рекам проходили западные границы России). Их окружают изображения

старинных русских доспехов: шлем Александра Невского, латы царя Алексея Михайловича, кольчуга покорителя Сибири Ермака, щит Вещего Олега, прибитый к воротам Константинополя. Воинская атрибутика и на других гранях пьедестала. Замысел колонны отражает идеологию Российской империи в зените ее могущества — империи, не знавшей поражений со времен Петра.

Монумент воспринимался многими современниками скептически. Александр I, подчеркнуто пренебрегавший Россией в конце своего царствования, «кочующий деспот», «плешивый щеголь, враг труда, нечаянно пригретый славой» (А. Пушкин) был нелюбим и западниками как неудачливый реформатор, и славянофилами (в частности Достоевским) как космополит.

Ходила рискованная шутка: «Столб столба столбу». Пушкину приписывали эпиграмму:

В России дышит все военным ремеслом,
И ангел делает на караул крестом.

Но более всего ассоциируется с колонной знаменитый пушкинский «Памятник»:

Вознесся выше он главою непокорной
Александрийского столпа.

ЗДАНИЕ ГЛАВНОГО ШТАБА

Дворцовая площадь, 6—10

Полукилометровый полукруг здания Главного штаба, венчающий Дворцовую площадь с юга, — лучшее достижение К. Росси и один из великолепнейших памятников ампира, построено в 1829 году. Строго напротив трехпролетного парадного въезда в Зимний дворец расположена увенчанная колесницей Победы триумфальная арка. Арка ведет на Большую Морскую улицу, ось которой образует острый угол с линией фасада Зимнего дворца.

Но Карл Росси изогнул проход между двумя частями арки, выходящей на площадь и на Большую Морскую. Постепенно открывающийся вид с Большой Морской на Дворцовую площадь дает почти кинематографический эффект. «Квадриги черные вставали на дыбы на триумфальных поворотах», — писал

Ангел, венчающий
Александровскую колонну,
Дворцовая площадь

О. Мандельштам, имея в виду, конечно, этот необычный поворот арки Главного штаба.

В здании Главного штаба при Достоевском помещались: в крыле, выходящем на площадь и Невский проспект, собственно Главный или Генеральный штаб и Военное министерство; в другом, на Мойку, — Министерство финансов и иностранных дел. Достоевский, издававший в 1870-е годы острополитический «Дневник писателя», внимательно следил за работой этих ведомств. Их руководители — министр иностранных дел канцлер А. Горчаков, министры финансов М. Рейтерн, С. Грейг и А. Абаза и, особенно, военный министр Д. Милютин, принадлежали к деятелям Великих реформ — либерально-бюрократической группе сановников, смещенных уже после смерти писателя, когда к власти пришла идеологически близкая ему группа во главе с К. Победоносцевым.

Собственно Генеральный штаб состоял из офицеров, получивших специальное образование, и предназначался для военного планирования в военное и мирное время. Особую достопримечательность этой части города придавали многочисленные писари Главного штаба, молодые и смелые, непревзойденные танцоры с умело закрученными усами, считавшиеся среди прислуги и лавочниц выгодными женихами.

Здание Главного штаба,
Дворцовая площадь, 6–10

ШТАБ ГВАРДЕЙСКОГО КОРПУСА

Дворцовая площадь, 4

Здание Штаба Гвардейского корпуса было построено на глазах молодого Достоевского в 1837–1843 годах архитектором А. Брюлловым. Гвардейским корпусом командовал, как правило, один из великих князей.

9 пехотных и 4 кавалерийских полка гвардии, 2 артиллерийские бригады, стрелковый артиллерийский дивизион и саперный батальон стояли в самом Петербурге, остальные гвардейские части квартировали в окрестностях: Петергофе, Царском селе, Гатчине, Павловске, Стрельне.

ДОМ ЧИЧЕРИНА

Невский проспект, 15

Дом Чичерина (1771, архитектор не установлен) находился в самом фешенебельном месте города XIX — начала XX века, на перекрестке Невского и Большой Морской. Обе главные улицы аристократического центра Петербурга: и Невский, и Большая Морская — с 1830-х годов имели покрытие из шестиугольных

Дом Чичерина,
Невский проспект, 15

деревянных шашечек (торцов), и экипажи двигались по ним, как по паркету.

В доме Чичерина с 1860-х годов находилось благородное собрание — фешенебельный клуб с превосходным театральным залом. В 1878–1880 годах здесь несколько раз на различных благотворительных вечерах выступал Достоевский с чтением своих и пушкинских сочинений.

КОНДИТЕРСКАЯ ВОЛЬФА И БЕРАНЖЕ

Невский проспект, 18

Дом купца Котомина перестроен из ранее существовавших на этом месте домов в 1815 году архитектором В. Стасовым. С начала 1800-х годов здесь действовала самая популярная в городе кондитерская, основанная двумя швейцарцами — Вольфом и Беранже. Именно тут 27 января 1837 года Пушкин выпил последний в своей жизни «стакан оршаду», дожидаясь секунданта — Константина Данзаса. Отсюда он поехал на дуэль с Дантесом. Через два дня после того как смертельно раненый Пушкин скончался, за столиками заведения Вольфа и Беранже переписывалось от руки в десятках экземпляров посвященное этому

Кондитерская Вольфа и Беранже,
Невский проспект, 18

событию стихотворение Лермонтова «Смерть поэта», сделавшее молодого поэта знаменитым в один день.

У Вольфа и Беранже всегда были свежие иностранные газеты, и это делало кондитерскую своеобразным клубом любителей печатного слова. Весной 1846 года Достоевский, бывший завсегдатаем кондитерской, читал здесь газеты со своим приятелем, поэтом А. Плещеевым. Сюда же зашел чиновник цензурного ведомства, выпускник лицея М. Петрашевский.

Знавший обоих, Плещеев представил их друг другу. Так состоялось роковое для Достоевского знакомство, приведшее его через три года к сибирской каторге.

У Вольфа и Беранже любивший сладости Достоевский бывал и позже, после возвращения в Петербург, обедал здесь, когда жена — Анна Григорьевна — бывала в отъезде. Заходил он и в другое заведение, размещавшееся в этом доме, — ресторан Лерха. Сейчас в бывшей кондитерской — кафе «Литературное».

ПЕТРИКИРХЕ — ЦЕРКОВЬ СВЯТЫХ ПЕТРА И ПАВЛА

Невский проспект, между домами 22 и 24

По проекту архитектора А. Брюллова в 1838 году была построена на Невском главная лютеранская церковь Петербурга. В ее архитектуре использованы элементы романского стиля. С конца XVIII века (после указа Петра III о веротерпимости, уравнившего в правах православие с другими направлениями христианства) церковь Святых Петра и Павла — последняя в ряду христианских храмов неправославных исповеданий, возведенных в начале Невского проспекта и на соседних Большой и Малой Конюшенных улицах. Здесь, на Невском, находятся Голландская и Армянская церкви, костел Святой Екатерины и православный Казанский собор, на Большой Конюшенной — Финская и Реформатская церкви, на Малой Конюшенной — Шведская.

В районе между Мойкой и Екатерининским каналом (ныне — канал Грибоедова) — Казанской части, где сосредоточено пода-

Петрикирхе – церковь Святых Петра и Павла,
Невский проспект, между домами 22 и 24

вляющее большинство инославных храмов, — жило много немцев, французов, поляков, финнов, шведов (около трети населения Казанской части).

Немцы — прихожане церкви Святых Петра и Павла — крупнейшее национальное меньшинство дореволюционного Петербурга. В 1869 году их 46 тысяч человек (7% населения), в 1881 году — 50 тысяч (5,8%). Особенно много немцев было среди ремесленников (булочники, слесари, механики, ювелиры, оптики), врачей, инженеров, промышленников.

КАФЕ «ДОМИНИК»

Невский проспект, 24

В мае 1841 года специальным законом Сенат разрешил открытие первого в России кафе. До этого поесть вне дома можно было только в гостиницах, кондитерских, харчевнях, ресторанах. Содержателем первого заведения, где соединились удобства кондитерской (игры, газеты, разнообразные вина и десерт) и сытные обеды гостиницы, был швейцарец из Давоса Доминик Риц-а-Порта. По его имени и назвали кафе.

Здесь всегда было многолюдно: кафе помещалось в самом оживленном месте Невского, а кормили — дешево и сравнительно неплохо.

Главным яством «Доминика» считались пирожки и кулебяка. Санитарный врач Казанской части, в которой находилось кафе, писал: «Несмотря на 4 камина и 7 вентиляторов, обмен воздуха... недостаточен, зависит это от того, что ресторан посещается такой массой публики, заходящей сюда исключительно наскоро, не снимая даже верхнего платья закусить и позавтракать, что дым от куренья и пар от кушанья не успевают уноситься... почему к 12 часам ночи в столовых точно пар стоит. Ресторан, торгуя в день от 550 до 600 рублей, составляет эту сумму из, средним числом, 40 копеек на посетителя».

Достопримечательностью «Доминика» считались шахматисты (здесь начинали свою карьеру будущий чемпион России М. Чигорин и чемпион мира А. Алехин), шашкисты, бильярдисты и игроки в домино. Игра шла на деньги.

В феврале 1844 года Достоевский, вечно страдавший безденежьем, получил от опекуна из Москвы 1000 рублей (сумма, на которую можно было относительно безбедно просуществовать год). Достоевский, никогда не умевший тратить деньги, раздал долги, и к вечеру у него оставалась последняя сотня.

Вспоминает тогдашний его приятель А. Ризенкамф: «На беду, отправившись ужинать к „Доминику“, он с любопытством стал наблюдать за бильярдной игрой. Тут подобрался к нему какой-то господин, обративший его внимание на одного из участвующих в игре — ловкого шулера, которым была подкуплена вся прислуга в ресторане. „Вот, — продолжал незнакомец, — домино так совершенно невинная, честная игра“. Кончилось тем, что Федор Михайлович тут же захотел выучиться новой игре, но за урок пришлось заплатить дорого: на это понадобилось целых двадцать пять партий, и последняя сторублевая Федора Михайловича перешла в карман партнера-учителя».

Кафе-ресторан посещался и другими писателями: Чеховым, Щедриным, он запечатлен на картине К. Маковского и офорте И. Репина.

КАЗАНСКИЙ СОБОР

Казанская площадь, 2

Казанский собор построен архитектором А. Воронихиным в 1811 году для перенесения в него одной из главных святынь русской православной церкви — Казанской иконы Божией Матери, именем которой он и назван.

Имеющее в плане форму латинского креста, здание обращено к Невскому проспекту вытянутым боковым фасадом, к которому примыкает грандиозная полукруглая колоннада из 96 поставленных в 4 ряда коринфских колонн и с шестиколонным портиком в центре. В соборе в 1813 году похоронен М. Кутузов, командующий русской армией, победившей в 1812 году Наполеона.

Перед собором в 1837 году установлены памятники М. Кутузову и М. Барклаю-де-Толли работы скульптора Б. Орловского.

Казанский собор был начальным пунктом одного из главенствующих православных праздников российской столицы: в день Святого Александра Невского (12 сентября) отсюда совершался крестный ход в Александро-Невскую лавру и обратно.

Посреди Невского проспекта устраивался широкий деревянный помост, по которому медленно двигался крестный ход,

Казанский собор,
Казанская площадь, 2

сверкая золочеными крестами и древками хоругвей. За духовными лицами тянулись золоченые кареты с императорским семейством. Праздник этот был особенно значим в семействе Достоевского: в этот день в 1846 году родилась Анна Григорьевна.

Достоевский любил Казанский собор. 12 апреля 1877 года он в сопровождении жены отправился на извозчике в банк. На Невском от газетчиков он узнал о начале войны с Турцией. Жена вспоминала: «...Федор Михайлович велел извозчику вести нас к Казанскому собору. В соборе было немало народу и служили непрерывные молебны перед Казанской иконой Божьей Матери... Я только полчаса спустя отыскала его в уголке собора, до того погруженного в молитвенное и умиленное настроение, что в первое мгновение он меня не признал».

ГОСТИНЫЙ ДВОР

Невский проспект, 35

Большой Гостиный двор (1785, архитектор Ж. Валлен-Деламот) во времена Достоевского считался самым большим в Европе зданием для магазинной торговли. Он занимает целый квартал, по периметру длина его фасадов больше километра.

К концу XIX века в нижней и верхней галереях Гостиного двора, в прилегавших к нему Малом Гостином дворе, Перинной и Банковской линиях было почти 600 разнообразных магазинов.

Гостиный двор называли в Петербурге «империей купцов». Здесь постоянно работало около 5 000 приказчиков, «мальчиков», кладовщиков, весовщиков, кассиров, бухгалтеров, грузчиков. Это был своеобразный замкнутый социум: подавляющее большинство гостинодворцев происходило из Ярославской губернии и было связано земляческими и родственными отношениями.

Гостиный двор считался самым дорогим и фешенебельным из петербургских торговых рядов, а гостинодворцы — своеобразной торговой аристократией. Он был не только торговым заведением, но и городской достопримечательностью, любимым местом прогулок потенциальных покупателей и, особенно, покупательниц. Отсюда начиналось большинство маршрутов омнибусов и линий конно-железной дороги.

Больше всего посетителей бывало здесь во время вербной недели и на Рождество, когда все классы населения покупали подарки для близких. Вот как описана рождественская торговля в Гостином дворе у Достоевского: «Под арками кишела толпа людей, сквозь которую даже трудно было пробиться. Все это покупало и запасалось на праздники. Под арками же преимущественно продавались игрушки и стояли готовые елки всех сортов, и бедные и богатые. Пред грудой игрушек стояла одна толстая дама с лорнетом и с лакеем в какой-то невозможной ливрее. Даму сопровождал курносый и чрезвычайно потертый молодой человек. Дама щебетала и выбирала игрушки; в особенности ей понравилась фигурка в синем мундире и красных панталонах...

Недалеко от них, у другого вороха игрушек, в толпе покупателей стояли господин и госпожа и долго выбирали, что бы купить, чтоб и хорошо было и подешевле.

— Посмотри, душенька, ведь щелкает, — говорил он своей подруге жизни, показывая ей деревянную пушечку, которая действительно щелкала. — Смотри, видишь — щелкает!

И господин несколько раз щелкнул перед глазами своей озабоченной барыни. Но той хотелось игрушку получше; она с недоумением смотрела на пушку.

Гостинный двор,
Невский проспект, 35

— Лучше бы вот хоть эту куклу, — сказала она, безнадежно указав на нее пальцем.

— Эту куклу? Гм... — проговорил господин. — Отчего же, душенька, смотри — ведь щелкает?

Его нахмуренное раздумье, серьезное, озабоченное каждым гривенником лицо свидетельствовало, что деньги доставались ему не даром. Он не решался и, с нахмуренным видом, молча, продолжал щелкать из пушечки. Я не знаю, что они купили...»

Сам Достоевский из всех праздников больше всего любил Рождество и в гостинодворском магазине Лесникова (знаменитом на всю Россию) покупал игрушки своим детям и племянникам. Здесь же покупались елка и елочные украшения. На Рождество 1872 года, по воспоминаниям жены писателя, им была куплена дочери Любе «прелестная кукла и чайная кукольная посуда, сыну — большая труба, в которую он тотчас же и затрубил, и барабан. Но самый большой эффект... произвели две гнедые из папки лошади, с великолепными гривами и хвостами. В них были впряжены лубочные санки, широкие, для двоих».

В Гостином дворе размешались и самые известные в Петербурге книжные магазины. С 1794 года здесь торговали книгопродавцы Глазуновы (из этой семьи вышел известный композитор А. Глазунов), с 1829 года — Исаковы, с 1853-го — знаменитый книготорговец и книгоиздатель Вольф. Во всех этих магазинах Достоевский часто бывал: через них распространялись его сочинения и принималась подписка на издававшиеся им журналы, здесь же он покупал книги для своей обширной домашней библиотеки.

В книжном магазине Вольфа существовал своеобразный писательский клуб, куда заходил и Достоевский, однако, по воспоминаниям приказчика, «сидел недолго и говорил мало. Полемический задор обычных бесед, очевидно, не нравился Достоевскому, и он точно старался всегда подчеркнуть свое изолированное положение».

ПАССАЖ

Невский проспект, 48

В самой широкой и оживленной части Невского, напротив Гостиного двора, в 1848 году архитектором Р. Желязевичем

был построен многофункциональный торговый центр — Пассаж, соединивший крытой галереей Невский проспект и Итальянскую улицу.

«Внутри его три этажа: в нижнем — магазины и помещения для небольших выставок. Во втором этаже разные мастерские и беловшейные, к которым применимы слова Некрасова из „Убогой и нарядной“: „Не очень много шили там, и не в шитье была там сила“. В третьем этаже помещаются частные квартиры, хозяева которых вывешивают под близкий стеклянный потолок клетки с птицами, пением которых постоянно оглашается Пассаж, служащий почему-то любимым местом прогулки для чинов конвоя в их живописных восточных костюмах», — писал А. Кони.

При «Пассаже», со стороны Итальянской улицы, был построен театральный зал, где пели цыгане, выступали фокусники. С 1858 года товарищество «Общественная польза» организовало в зале «Пассажа» публичные лекции по естественным и гуманитарным наукам. Эти первые, еще робкие шаги гласности, после мертвящей цензуры николаевского времени воспринимались публикой восторженно.

В 1859 году создано было «Общество пособия нуждающимся литераторам» (его чаще называли «Литературный фонд»), призванное оказывать помощь писателям, впадшим в бедность. Достоевский — его активный участник. Одним из главных способов добывания средств для Литературного фонда стали сборы от публичных выступлений известных русских писателей.

Первое появление Достоевского перед широкой публикой после возвращения с каторги произошло 21 ноября 1860 года в зале «Пассажа» на вечере, где кроме него читали свои произведения А. Майков, Н. Некрасов, А. Писемский, Я. Полонский. Гвоздь вечера — только что вернувшийся с солдатской службы поэт Т. Шевченко (отправленный при Николае I в солдаты без права писать и рисовать за участие в украинском национальном движении). Достоевского приняли с симпатией, по словам свидетелей, «ему была сделана самая трогательная встреча», но скорее не как писателю (его к тому времени стали забывать), а как «недавнему страдальцу». Шевченко же встретили настоящими овациями. Достоевский не раз выступал в «Пассаже» и после,

каждый раз с нарастающим успехом: чтец он был гениальный. Но относительный неуспех первой встречи с читателем запомнился ему надолго.

Здесь же в «Пассаже», в передвижном зверинце, происходит действие гротескного рассказа Достоевского «Крокодил. Необыкновенное событие, или пассаж в „Пассаже“». Главный герой, либеральный чиновник, проглочен крокодилом немца — содержателя зверинца в «Пассаже» — и из чрева пресмыкающегося продолжает делиться с покупателями своими воззрениями на современность.

ДОМ ВИЕЛЬГОРСКИХ

Площадь Искусств, 4

С 1844 года в этом доме (1832, архитектор К. Росси) жили музыканты и покровители искусств — графы Михаил и Матвей Виельгорские. Братья занимали важные придворные должности (старший, Михаил, — гофмейстер, младший, Матвей, — шталмейстер двора). Виельгорские принимали раз в неделю — по средам. Их салон соединял большой свет и русскую литературу. Зятем Михаила Виельгорского был модный литератор, автор нескольких повестей из жизни большого света — В. Соллогуб. Сам император Николай I согласился стать посаженным отцом на свадьбе дочери графа Михаила.

Вплоть до 1830-х годов литература, в особенности поэзия, — дело дворянское, аристократическое. У Виельгорских бывали М. Лермонтов (впечатление от здешних музыкальных вечеров нашло отражение в его повести «Штосс»), воспитатель наследника престола — будущего Александра II — поэт и переводчик В. Жуковский, П. Вяземский, Н. Гоголь, популярнейший художник, автор нашумевшего «Последнего дня Помпеи» К. Брюллов. Все знаменитые западные музыканты, приезжавшие в Петербург (Г. Берлиоз, Ф. Лист, Р. Шуман и т. д.), непременно музицировали в гостинной Виельгорских.

Дом Виельгорского — один из последних салонов пушкинского круга литераторов. Здесь предпринималась закончившаяся неудачно попытка сближения этого круга с писателями

«натуральной школы», шедшими на смену Пушкину и его современникам, писателями, далекими от двора и большого света.

После успеха «Бедных людей» Соллогуб поспешил познакомиться с Достоевским и пригласить его в салон своего тестя. По-видимому, тогда же туда был приглашен и В. Белинский. Вечер закончился чудовищным конфузом, напоминающим сцены из романов Достоевского. Вот что пишет об этом А. Герцен: «...хозяин вздумал варить жженку... Белинский непременно бы ушел, но перед ним стояла большая баррикада мебели, он как-то забился в угол, и перед ним поставили небольшой столик с вином и стаканами. Жуковский, в белых форменных штанах с золотым „позументом“, сел наискось от него. Долго терпел Белинский, но, не видя улучшения своей судьбы, он стал несколько подвигать стол. Стол сначала уступал, потом покачнулся и грохнул на-земь, бутылка бордо пресерьезно начала поливать Жуковского. Он вскочил, красное вино струилось по его панталонам; сделался гвалт, слуга бросился с салфеткой домарать вином остальную часть панталон, другой подбирал разбитые рюмки... Во время этой суматохи Белинский исчез и, близкий к кончине, пешком прибежал домой».

Не меньший афронт случился и с Достоевским. Представленный светской красавице Сенявиной, он от волнения упал в обморок. Дочь Достоевского писала: «Федор Михайлович мне говорил, что он собственными ушами слышал, как дочь Вильгорского, графиня Соллогуб, произнесла следующие слова: „Они не только неловки и дики, но и не умны“». Весь этот эпизод найдет позже отражение в романе «Идиот».

МИХАЙЛОВСКИЙ ТЕАТР

Площадь Искусств, 1

В Петербурге, во времена Достоевского, существовала монополия императорских театров, находившихся в придворном ведомстве. Действовали три драматические труппы: русская, французская и немецкая; две оперные: итальянская и русская и одна балетная.

В Михайловском театре (1833, архитектор А. Брюллов, перестроен в 1859 архитектором А. Кавосом) давали представления

французы и немцы, Большой театр (позже — Мариинский) был предназначен для оперы и балета, Александринский — для русской драмы.

Эти три главных театральных здания различались, между прочим, цветом театральных кресел и занавеса — малинового в Михайловском, голубого в Мариинском, пунцового в Александринском.

Состав зрителей театров в 1840–1870-е годы менялся, но в Александринском он оставался наиболее демократичным, с сильным вкраплением купцов, приказчиков, мелких чиновников.

Балет и французская драма считались зрелищем аристократическим и посещались двором и гвардией. Михайловский театр вскоре после открытия стал, по выражению современников, «рандеву большого света». По словам чиновника Лебедева, героя «Идиота», «Настасья Филипповна... вечером в Большом али во Французском театре в своей собственной ложе сидит». Это значит — ведет себя как аристократка.

На опере зритель был смешанным, часто по преимуществу студенческим. Наконец, немецкая труппа привлекала в основном многочисленных в Петербурге немецких кондитеров, булочников, докторов, оптиков, остзейских дворян, которых много было среди столичных чиновников.

Достоевский увлекался посещением театров и музыкальных концертов (в 1840-е годы они проходили, в основном, на сцене Михайловского театра) в молодые годы, после окончания Главного инженерного училища.

Живший одно время вместе с Достоевским А. Ризенкампф вспоминал: «В 1841 году публика восхищалась концертами известного скрипача Уле Булля. С 9 января 1842 года начались концерты гениального Листа и продолжались до конца мая. Несмотря на неслыханную до тех пор цену билетов (сначала до 25, после до 20 рублей ассигнациями), мы с Федором Михайловичем не пропускали почти ни одного концерта... Во время великого поста Достоевский посещал концерты... знаменитого тенора Рубини и кларнетиста Блаза». Часто бывал Достоевский и на представлениях немецкой и французской трупп (оба эти языка он знал в совершенстве). Именно игра Лиллы Леве в «Марии Стюарт» Шиллера вдохновила молодого Достоевского, по сло-

вам Ризенкамппа, на попытку переработки этого сюжета для русской сцены (не в виде подражания, а как самостоятельное сочинение).

МИХАЙЛОВСКИЙ ДВОРЕЦ

Инженерная улица, 4

Дворец построен К. Росси для младшего брата Николая I, великого князя Михаила Павловича, в 1825 году. Великий князь Михаил, начальник военно-учебных заведений, генерал-инспектор по инженерной части, «человек, может, от природы одаренный добрым сердцем, но которого вся жизнь прошла в каком-то ненужном недосуге, в бесцельной суете», стал одной из причин отставки Достоевского с военной службы.

По словам Анны Григорьевны, вдовы писателя, Достоевский был послан ординарцем к великому князю. Подходя к Михаилу Павловичу, он сделал на караул, но оробел и вместо того чтобы обратиться к великому князю: «Ваше императорское высочество», сказал: «Ваше превосходительство». «Посылают же таких дураков», — заметил великий князь. Для Достоевского, и без того тяготившегося службой, это оскорбление стало последней каплей.

После смерти великого князя (1849-й) дворцом владела его вдова Елена Павловна, покровительница искусств, хозяйка либерального салона. С 1873 года дворец принадлежал дочери Михаила Павловича, великой княгине Екатерине. В 1894 году он был выкуплен в казну и с 1898 года здесь открылся Русский музей — крупнейшее собрание русского искусства в Петербурге. В экспозиции музея видное место занимает живопись современников Достоевского — Перова, Репина, Крамского, Ге, о которых он писал и чьим творчеством интересовался. Это по преимуществу художники-передвижники, мастера социального жанра.

ХРАМ СПАСА-НА-КРОВИ

Набережная канала Грибоедова, 2а

Храм Воскресения Христова на Крови, чаще называемый Спасом-на-Крови, был построен уже после смерти Достоев-

ского. Он был освящен после 24 лет строительства в 1907 году (архитекторы И. Макаров и А. Парланд). Это совершенно чуждый классицистическому Петербургу собор, архитектурное решение которого основано на мотивах московского и ярославского зодчества XVI–XVII веков. Храм возведен на том месте, где 1 марта 1881 года народоволец И. Гриневецкий разрывным снарядом смертельно ранил императора Александра II.

Отношение Достоевского к народолюбцам было отрицательным, но не столь однозначным, как к их предшественникам по революционному движению — нигилистам. Его не могла не смущать та популярность, какой он, несмотря на разность убеждений, пользовался у революционной молодежи.

В адресе Славянского благотворительного общества Александру II, написанном Достоевским в 1880 году, сказано, что народолюбцы искренне верят: «какая бы гибель, какой бы хаос ни произошли от этих кровавых злодейств, но все-таки происшедшее будет лучше, чем то, что они теперь разрушают. Эти юные русские силы, увы, столь искренне заблудившиеся, попавшие во власть силы темной, подземной, во власть врагов имени русско-го и всего христианства».

ДОМ АНДРЕЯ ШТАКЕНШНЕЙДЕРА

Набережная реки Мойки, 9

В 1855–1865 годах дом придворного архитектора Андрея Штакеншнейдера был одним из известнейших литературно-художественных салонов Петербурга. На «субботах» бывали Я. Полонский, В. Бенедиктов, И. Гончаров, Ф. Достоевский, И. Тургенев и др.; дом посещали молодые художники, архитекторы, актеры; в помещении столовой часто устраивались любительские спектакли. Парадные комнаты дома, отделанные по проекту хозяина, располагались со стороны Мойки и выходили окнами в небольшой двор. Со двора парадное крыльцо вело в оранжерею — зимний сад, за ним следовала диванная; легкая арка отделяла ее от соседнего помещения, к которому примыкала гостиная.

К сожалению, впоследствии все это было перестроено, описание того, как выглядели парадные комнаты, осталось лишь в дневнике дочери архитектора Елены Андреевны Штакеншнейдер. «Подъезд был с Мойки. Входили через зимний сад, и эффект был совсем очаровательный. Зимний сад был освещен, но местами листья бананов бросали гигантскую тень, и эта тень была какая-то таинственная, и таинственен казался шум падающих капель... Из сада входили в нашу любимую комнату, названную почему-то диванной; в ней всего два дивана, а то все стулья. Здесь прямо против широких дверей сада стоит театр, окаймленный легкой, грациозной аркой — предметом восхищения всех, и художников, и не художников».

Федор Михайлович, вообще сторонившийся больших собраний, сохранил дружбу с Еленой Штакеншнейдер до конца жизни.

КОНЮШЕННАЯ ЦЕРКОВЬ

Конюшенная площадь, 1

В 2 часа 45 минут 10 февраля 1837 года умер Александр Пушкин. Правительство, боясь политических демонстраций, только в последний момент назначило место отпевания, тело тайком перенесли к ближайшей к квартире поэта (набережная реки Мойки, 12) маленькой церкви Конюшенного ведомства. Она размещается в центре огромного здания императорских конюшен (1823, архитектор В. Стасов).

Дочь писателя и историка Николая Карамзина, присутствовавшая при отпевании, писала: «Конюшенная церковь не велика, и туда впускали только тех, у кого были билеты, т. е. почти исключительно высшее общество и дипломатический корпус... Вся площадь была запружена огромной толпой, которая устремилась в церковь, едва только кончилось богослужение и открыли двери; и ссорились, давили друг друга, чтобы нести гроб в подвал, где он должен был оставаться, пока его не повезут в деревню».

В ночь на 17 февраля гроб в сопровождении друга Пушкина, Александра Тургенева, и жандармов был отправлен в Святогорский монастырь, расположенный неподалеку от псковского имения Пушкина.

Дом Андрея Штакеншнейдера,
набережная реки Мойки, 9

Смерть Пушкина впервые так явственно обнаружила значение поэта для русского общества. Мифологизированная фигура поэта, противостоящая с одной стороны — власти, а с другой — черни, пророка, гения, выразителя общественных чаяний отныне становится в центре русской культуры. Пушкинская тема — важнейшая в творчестве Достоевского.

Смерть Пушкина поразила шестнадцатилетнего Достоевского. Младший брат писателя Андрей вспоминал: «Братья чуть с ума не сходили, услышав об этой смерти и о всех подробностях ее. Брат Федор... несколько раз повторял, что ежели бы у нас не было семейного траура (незадолго до этого умерла мать Достоевского. — Л. Л.), то он просил бы позволения отца носить траур по Пушкину».

МАРШРУТ 2

ОТ ЗАМКА К КРЕПОСТИ

ИНЖЕНЕРНЫЙ ЗАМОК

Садовая улица, 2

Императора Павла I называют «русским Гамлетом». Его мать, Екатерина II, вступила на престол, свергнув мужа, Петра III — отца Павла. Вскоре, не без ее участия, Петра III убили. Отношения Павла с матерью всегда были напряженными. Она отняла у него старших сыновей, своих внуков, Александра и Константина, и воспитывала их сама. Ходили слухи, что своим наследником, минуя Павла, она объявит Александра.

Внезапная смерть Екатерины сделала Павла императором. Все в его короткое царствование было перевернуто с ног на голову: екатерининские вельможи находились в глухой опале, установления императрицы пересматривались, сам уклад материнского царствования был невыносим ее сыну. Он не хотел жить и в ее резиденции — Зимнем дворце — и повелел построить новую, на месте пришедшего в ветхость деревянного дворца императрицы Елизаветы.

«Романтический наш император» (как писал А. Пушкин) распорядился возвести посреди Петербурга рыцарский замок. Павел бредил средневековьем. Известен его проект заменить войны турнирами владетельных особ враждующих держав. Православный человек, семьянин и отец, он сделался гроссмейстером католического мальтийского ордена, предполагающего безбрачие.

За три года (1797–1800) архитектор В. Бренна возвел на острове между Фонтанкой, Мойкой и двумя специально прорытыми каналами (засыпаны в 1820 году) новую императорскую резиденцию. По имени апостола Михаила, которого Павел считал своим небесным покровителем, замок назвали Михайловским.

Здание, квадратное в плане, с внутренним восьмиугольным двором, имеет сложные по конфигурации внутренние помещения (круглые, овальные, многоугольные, прямоугольные, с нишами). Боковые фасады снабжены закругленными выступами. В одном из них, выходящем на Садовую улицу, помещалась Михайловская церковь, в другом, на Фонтанку, — Овальный зал.

Замок имеет два равнозначимых фасада: один в сторону Липовой аллеи с въездом во внутренний двор, другой в сторону

Малая Итальянская улица
(ныне — ул. Жуковского) напротив дома № 18

Кабак на Итальянской улице между
Литейной и Надеждинской улицами (1862)

Невский проспект
у Литейного проспекта (1848)

Невский проспект между Литейным
и Надеждинской улицей (1855)

1. Инженерный замок
2. Памятник Петру I
3. Павильоны кордегардии
4. Михайловский манеж
5. Манежная площадь
6. Сырная лавка Кобозевых
7. Екатерининский сквер
8. Аничков дворец
9. Аничков мост
10. Дворец Белосельских-Белозерских
11. Ресторан Палкина, типография Траншеля
12. Дом Пряничникова
13. Петербургское собрание художников
14. Дом Дубяных
15. Подворье Троице-Сергиевой лавры
16. Дом Лопатина
17. Дом Гурьевых
18. Дом Абазы
19. Дворец Нарышкиных-Шуваловых
(Дом дружбы)
20. Дом Паниных
21. Дом Фокина
22. Екатерининский институт
23. Шереметевский дворец
24. Церковь Симеона и Анны
25. III отделение
26. Соляной городок
27. Летний сад
28. Марсово поле
29. Памятник А. В. Суворову
30. Мраморный дворец
31. Троицкий мост
32. Петропавловская крепость
 - Петровские ворота
 - Инженерный дом
 - Памятник Петру I
 - Комендантский дом
 - Комендантское кладбище
 - Петропавловский собор
 - Монетный двор
 - Ботный дом
 - Секретный дом Алексеевского равелина

Летнего сада с обширной террасой-балконом. Красно-розовая окраска замка выбрана галантным императором по цвету перчатки его фаворитки А. Гагариной. Саксонский посланник при русском дворе К. Розенцвейг писал: «У дворца имя архангела и краски любовницы».

В Михайловский замок Павел въехал 1 февраля 1801 года. Штукатурка еще не просохла, и в огромных залах стоял густой туман. Сквозь него в ночь на 12 марта 1801 года в спальню императора крались убийцы — недовольные его сумбурным царствованием гвардейские офицеры. Они забили несчастного насмерть. С тех пор, по распространенному поверью, привидение императора ночами появляется в окнах его спальни — это два окна второго этажа по Садовой, ближайшие к Фонтанке.

Наследник, Александр I, немедленно переселился в Зимний дворец. Замок долгое время стоял пустым и никому не нужным: «Пустынный памятник тирана, забвенью брошенный дворец» (А. Пушкин).

Некоторое время в одной из зал у подполковницы Татариновой собирались приверженцы мистико-экстатической секты хлыстов, «вертелись и пророчествовали» (Ф. Достоевский). Все это создало замку мрачную и таинственную репутацию.

В 1823 году в Михайловском замке разместили Главное инженерное училище для подготовки фортификаторов и саперов. По училищу замок с 1823 года стал именоваться Инженерным.

Николай I с детства любил фортификацию, не случайно в 1817 году, когда ему исполнился 21 год, он стал генерал-инспектором инженерных войск.

Первой воинской частью, вызванной им к Зимнему дворцу накануне 14 декабря 1825 года, был лейб-гвардии Саперный батальон, которому он доверил в тот роковой день маленького наследника. Уже будучи на престоле, государь частенько говаривал: «Мы, инженеры...», «Наша инженерная часть». Император страстно интересовался Главным инженерным училищем: лично знал профессоров, преподавателей и даже воспитанников. Карьера военного инженера в его царствование считалась весьма почтенной и обещала блестящую будущность. К тому же она открывала возможности быстрого обогащения: при расчетах за строительные материалы и плату рабочим всегда существова-

ла возможность договориться с подрядчиком и положить часть казенных денег в собственный карман.

Все это и определило выбор московского врача М. М. Достоевского, решившего определить двоих своих старших сыновей — пятнадцатилетнего Федора и шестнадцатилетнего Михаила в Инженерное училище. После нескольких месяцев подготовки к вступительным экзаменам в частном пансионе Костомарова младший брат Федор поступил в училище, а старшего Михаила забраковали по состоянию здоровья.

С 16 января 1838 года по август 1841-го Федор Михайлович жил и учился в замке в младших, так называемых кондукторских классах. Еще два года, до 12 августа 1843 года, поселившись на снятой квартире, он посещал здесь старшие, офицерские классы.

Закрытые военные учебные заведения николаевского времени обладали рядом общих пороков. Муштра, тяжелейшая учебная программа, издевательства старших воспитанников над младшими (в Инженерном училище младших называли «рябцами» и нещадно били за неисполнение любого, самого абсурдного приказа старших по возрасту), педерастия.

«Крайне забавным считалось налить воды в постель новичка, влить ему за воротник ковш холодной воды, налить на бумагу чернил и заставить их слизать, заставить говорить непристойные слова, когда замечали, что он конфузлив и маменькин сынок», — вспоминал один из выпускников. С другой стороны, училище отличали своеобразный корпоративный дух, довольно высокий уровень преподавания специальных дисциплин, математики и языков, отсутствие телесных наказаний.

Одновременно с Достоевским в Инженерном училище проходили курс будущие военные знаменитости — генералы Э. Тотлебен, Ф. Радецкий, К. Кауфман, художник К. Трутовский (автор самого раннего, из сохранившихся, портретов Достоевского), писатель Д. Григорович. Ближайшими приятелями Достоевского в эти годы были его соученик, аристократ и почитатель Шиллера И. Бережецкий и молодой чиновник министерства внутренних дел, начинающий поэт, романтик и экзальтированный православный христианин И. Шидловский.

Достоевский чувствовал себя в училище неуютно и одиноко. Позже он писал: «Меня с братом Мишей свезли в Петербург в Инженерное училище... и испортили нашу будущность. По-моему, это была ошибка». Не нравились ему и сотоварищи: «Я видел мальчиков тринадцати лет, уже рассчитавших в себе всю жизнь: где какой чин получить, что выгодно, как деньги загребать».

В письме отцу жаловался: «Нас посылают на фрунтовые учения, нам дают уроки фехтования, танцев, пения, в которых никто не смеет не участвовать. Наконец, ставят в караул, и в этом проходит все время. О товарищах ничего не могу сказать хорошего». Отвратительные соученики «подпольного парадоксалиста» из «Записок из подполья», скорее всего, имеют реальных прототипов в однокашниках Достоевского по Инженерному училищу.

Достоевский пережил в училище множество несчастий. Загадочно погиб отец, по-видимому, убитый собственными крепостными. Постоянное безденежье, особенно мучившее его в контрасте с материальным преуспеванием соучеников. Разлука с любимым братом, служившим в Ревеле. Провал на переводном экзамене и второгодничество. Мучительные болезни, переносимые стоически.

Делясь заветными думами с одним-двумя конфидентами, подерживая ровные, формальные отношения с остальными соучениками, Достоевский чаще всего предавался одиноким мечтаниям, чтению, а позже и собственному творчеству. Как писал Д. Григорович, один из его немногих приятелей: «При всей теплоте, даже горячности сердца, он... в нашем тесном... кружке, отличался не свойственной возрасту сосредоточенностью и скрытностью, не любил особенно громких, выразительных изъяснений чувств». Воспитатель училища вспоминал: «Всегда сосредоточенный в себе, он в свободное время постоянно задумчиво ходил взад и вперед где-нибудь в стороне, не видя и не слыша, что происходило вокруг него. Такое изолированное положение... вызывало со стороны товарищей добродушные насмешки, и почему-то ему присвоили название „Фотия“» (Фотий — имя архимандрита новгородского Юрьева монастыря; у Пушкина сказано о нем и его духовной дочери Анне Орловой: «Душою Богу предана, / А грешной плотию / Архимандриту Фотию» — Л. Л.).

Восторженные, романтические письма Достоевского брату (и ближайшему другу) Михаилу в Ревель свидетельствовали об огромной роли книг в его тогдашней жизни. Он перечитал всего Шекспира, Шиллера, Корнеля, Гомера, Бальзака, Гюго, Байрона, Сервантеса, не говоря уже о русских писателях, прежде всего Гоголе и Пушкине.

Он писал брату: «Бальзак велик! Его характеры — произведения ума вселенной! Не дух времени, но целые тысячелетия приготовили борениями своими такую развязку в душе человека... Теперь о Корнеле... Да знаешь ли ты, что он по гигантским характерам, духу романтизма — почти Шекспир... Пади в прах перед Корнелем... Гомер может быть параллелен только Христу...» и т. д.

Этот литературоцентризм не случаен. Мечта о карьере писателя отныне становится главной для Достоевского.

На закругленном выступе Инженерного замка, выходящем на Фонтанку, есть окно. Здесь помещалась спальня роты — 45 учеников. Среди них был и Достоевский. В амбразуре окна стоял столик. Воспитатель училища А. Савельев позже вспоминал: «В этом, изолированном от других столиков, месте сидел и занимался Ф. М. Достоевский; случалось нередко, что он не замечал ничего, что кругом него делалось... Достоевский только тогда убирал в столик свои книги и тетради, когда проходивший по спальням барабанщик, бивший вечернюю зорю, принуждал его прекратить свои занятия. Бывало, в глубокую ночь можно было заметить Ф. М. у столика сидящим за работою. Набросив на себя одеяло сверх белья, он, казалось, не замечал, что от окна, где он сидел, сильно дуло...». Здесь были написаны позже уничтоженные драмы «Мария Стюарт» и «Борис Годунов», навеянные Шиллером и Пушкиным.

ПАМЯТНИК ПЕТРУ I

Павел I хотел противопоставить Медному всаднику свой монумент Петру. Для этого как нельзя лучше подходила отлитая еще в 1746 году и с того времени заброшенная конная статуя императора работы Растрелли-старшего. Напротив входа в замок, оформленного не без оглядки на колоннаду Лувра и ворота Сен-

Памятник Петру I

Дени, на площади Коннетабля (позже превратившейся в Кленовую улицу), где Павел принимал разводы гвардейских полков, конный монумент и был установлен в 1800 году.

Постамент украшают барельефы, изображающие две знаменитые победы над шведами — под Полтавой (1709) и Гангутом (1714) — работы нескольких скульпторов под руководством М. Козловского и лаконичная надпись: «Прадеду — правнук» (явно — ответ на екатерининское: «Петру Первому — Екатери-на Вторая»).

ПАВИЛЬОНЫ КОРДЕГАРДИИ

Инженерная улица, 8 и 10

Два симметричных павильона, выходящих на Кленовую и Инженерную (названную так в честь училища) улицы, предназначались первоначально для караула замка и были построены одновременно с ним и тем же архитектором. Барельефные панно выполнены скульптором Ф. Гордеевым. Во времена Достоевского здесь находились гимнастические залы Главного инженерного училища, содержавшиеся шведом де Роном. Достоевский, будучи в училище, посещал их еженедельно.

МИХАЙЛОВСКИЙ МАНЕЖ

Манежная площадь, 2

По Кленовой улице, мимо боковых стен Михайловских конюшен, мы выходим на Манежную площадь. Как и другие манежи города, этот был предназначен для вольтижировки и выездки в плохую погоду. Михайловский манеж был замечателен тем, что здесь происходило распределение новобранцев по гвардейским полкам. Гвардейцы предназначались у императора в большей степени для парадов, чем для войны, поэтому распределение шло по внешности.

Высокие шатены с правильными носами отбирались в Преображенский полк; блондины — в Измайловский (народ называл их «хлебопеки»); рыжие — в Московский полк (их петербургское простонародье дразнило «жареными раками»); высоких брюнетов со стройной фигурой — в кирасирские полки; с усами — в гусарские или другие кавалерийские; с бородой — в «вензельные роты» пехотных полков гвардии; высоких с широкой грудью — в Гвардейский флотский экипаж.

Манеж построен архитектором В. Бренной как часть замкового комплекса, но его фасады сильно перестроены К. Росси в 1824 году.

МАНЕЖНАЯ ПЛОЩАДЬ

Напротив Манежа в 1870-е годы городские власти разбили Старо-манежный сквер, образующий центр Манежной площади. Где-то здесь, на углу Караванной улицы, располагалась первая самостоятельная квартира молодого офицера Ф. Достоевского.

В августе 1841 года Достоевский перешел в «офицерский класс» и был произведен в первый офицерский чин инженер-прапорщика. Он должен был еще два года посещать офицерские классы Инженерного училища и поэтому выбрал квартиру неподалеку от него. Провел здесь он около года. Некоторое время он жил вместе с младшим братом Андреем, приехавшим в Петербург в надежде поступить в одно из военных училищ. Андрей позже вспоминал: «Он занимал квартиру в две комнаты с передней, при которой была и кухня, но квартиру эту он занимал не

Манежная площадь

один, а у него был товарищ-сожитель Э. Тотлебен... Каждая комната была с двух окон, но они были очень низенькие и мрачные, к тому же дым от жукову табаку постоянно облаками поднимался к потолку и делал верхние слои комнаты наполненными как бы постоянным туманом».

Пользуясь свободой, Достоевский бросился использовать те многообразные возможности, которые давал Петербург молодому человеку: театры, музыкальные концерты, публичные балы. Но чаще всего, по воспоминаниям много раз посещавшего его доктора А. Ризенкампа, «после обеда... отдыхал, изредка принимал знакомых, а затем вечер и большую часть ночи посвящал любимому занятию литературой... Когда были деньги, он брал из кондитерской последневыведшие книжки „Отечественных записок“, „Библиотеки для чтения“ или другого журнала, нередко абонировался в которой-нибудь библиотеке на русские и французские книги».

Мечты о литературной деятельности плохо сочетались с подготовкой к выпускным экзаменам в училище, и письма Достоевского этого времени заполнены жалобами: «О, брат, милый брат! Скорее к пристани, скорее на свободу! Свобода и призвание — дело великое... Как-то расширяется душа, чтобы понять вели-

кость жизни... Веришь ли, я тебе пишу в 3 часа утра, а прошлую ночь и совсем не ложился спать. Экзамены и занятия страшные. Все спрашивают — и репутации потерять не хочется, — вот и зубришь, с отвращением — а зубришь».

СЫРНАЯ ЛАВКА КОБОЗЕВЫХ

Малая Садовая улица, 8

На месте этого дома в 80-х годах XIX века находилось казарменного типа четырехэтажное строение, принадлежащее графу Менгдену. В первом этаже помещался трактир «Екатерининский», содержавшийся купцом Париковым. Здесь в марте 1881 года располагалась лавка — «Склад русских сыров Е. Кобозева». Настоящими ее хозяевами были члены Исполнительного комитета «Народной Воли» А. В. Якимова и Ю. Н. Богданович. Оба «супруга» уже лет десять занимались противоправительственной деятельностью.

2 декабря 1880 года народовольцы под именем супругов Кобозевых заключили контракт с управляющим домом Менгдена. «Купец» Кобозев заплатил 1200 рублей за год вперед (деньги — немалые) и арендовал полуподвальное помещение окнами на Малую Садовую. Он собирался открыть на бойком месте сырную лавку.

7 января «Кобозев с женой» поселились на Малой Садовой и занялись ремонтом помещения. Пол потрескался, в обеих комнатах стояла вода. Улица была правительственной трассой, каждое воскресенье император Александр II выезжал из Зимнего дворца и по Невскому проспекту и Малой Садовой улице следовал в Михайловский манеж. Здесь в присутствии высочайшего двора происходили в зимнее время смотры кавалерийских полков и конкурсы по выездке. Поэтому полиция тщательно проверила паспорта арендаторов. Выяснилось: документы Кобозевым были выданы в Воронеже, что подтверждалось местной полицией.

Между тем подвал в действительности арендовали опасные террористы. Руководство «Народной воли» выбрало этих людей не случайно. Внешность у обоих была простонародная: Богда-

нович походил на купца, а Якимова, родом из Вятки, при разговоре «окала».

Из дома на Малой Садовой улице народовольцы вели подкоп, куда собирались заложить мину. Копали ночью, окно тщательно занавешивалось, снимали деревянную обшивку стены. К утру, когда работа заканчивалась, обшивку ставили на место. Пробили каменную стену и начали пробивать лаз. Работа была сложная: под Малой Садовой проходили водопроводные и канализационные трубы. В подкопе участвовали несколько народовольцев-мужчин. Четверо из них позже были повешены, двое погибли в заключении, двое (Меркулов и Дегаев) стали предателями, только один — Михаил Фроленко — благополучно дожил до старости и умер в Советском Союзе в 30-е годы.

Вначале полиция не обращала ни малейшего внимания на происходившее в доме. Однако к концу февраля, когда работы были уже почти закончены, дворники дома Менгдена заподозрили неладное. Станным показалось: к купеческой парадной по вечерам приходит множество физически крепких мужчин. А утром, с открытием лавки — расходятся.

Кто-то из домовой прислуги заметил: купчиха Кобозева курит — вещь в тогдашнем патриархально-торговом мире немислимая. Филеры, следившие за народовольцами, обнаружили: один из наблюдаемых регулярно посещает лавку Кобозевых.

12 марта лавку Кобозевых посетил генерал инженерных войск Мравинский и в присутствии полиции осмотрел помещение. Мравинский заметил деревянную обшивку, за которой помещалась вынутая из подкопа земля. Сверху ее покрывали сыры.

На полу лавки отчетливы были пятна сырости от свежевырытого грунта. Кобозев-Богданович объяснил: пятна от пролитой сметаны (разговлялись — разбили бочонок), перегородка предохраняет от сырости.

Окончательно спас террористов кот. Удивительно ласковое животное приглянулось генералу, и он, вместо выполнения прямых своих обязанностей, стал его гладить.

Мравинский (дед будущего великого дирижера Евгения Мравинского) и его свита ушли, мину не обнаружили, но народовольцы решили форсировать события. Была суббота; на следующий день император должен был проехать по Малой Садовой. Срочно

подготовили мину: два сосуда с черным динамитом, с капсулами общим весом сорок килограммов. Запал был соединен с проводами, ведущими к гальванической батарее.

В лавке оставались двое: Анна Якимова и Михаил Фроленко. Якимова следила за улицей и должна была дать сигнал Фроленко, а тот привести в действие мину. Четверо метальщиков, вооруженных разрывными снарядами, стояли по углам Малой Садовой: они должны были атаковать карету императора в том случае, если бы взрыв не достиг цели.

Однако в двенадцать часов дня стало ясно: император по Малой Садовой не поедет. На улице сняли охрану. Позже выяснилось: полиция все же подозревала, что на улице что-то неладно, и изменила маршрут — через Конюшенную площадь, по Итальянской.

Как известно, в тот же день Александр II был убит разрывным снарядом Игнатия Гриневицкого на набережной Екатерининского канала (ныне — канал Грибоедова). Народовольцы покинули лавку, «Кобозевы» уехали из Петербурга.

16 марта их исчезновение было обнаружено. Полиция вскрыла двери и обнаружила на прилавке деньги с запиской: «Эта сумма полагается мяснику за мясо, забранное для кота». Нашли подкуп, галерею, на следующий день извлекли мину.

Проглядевший подготовку к террористическому акту генерал Мравинский был разжалован военным судом.

ЕКАТЕРИНИНСКИЙ СКВЕР

Площадь Островского

Екатерина Великая была дамой эпохи Просвещения: греховной, циничной, провозгласившей равенство подданных перед законом (пусть и чисто формально). С ней была связана неприятная семейная история, вызывающая много вопросов. Внуки — стеснялись, особенно Николай I. Почитать безнравственную бабку и ее бурное царствование не полагалось.

При Александре II все переменялось: Екатерина стала популярна, как Хрущев в перестройку. Ее царствование рифмовалось с Великими реформами.

Памятник императрице в центре сквера освящен к 25 ноября 1873 года — ее именинам. В викторианское время монумент воспринимался как комикс, плакат. И сваял его лучший мастер этого жанра в стране — Михаил Микешин. Пьедестал — из 270 килограммов лучшего натурального финского гранита.

Бронзовая Екатерина II, лицом к Невскому проспекту, держит скипетр и лавровый венок. Вокруг девять сподвижников: фельдмаршал Петр Румянцев-Задунайский; главный фаворит Григорий Потемкин-Таврический; Александр Суворов; Гавриил Державин; наперсница императрицы, директор Академии наук Екатерина Дашкова; главный дипломат, канцлер Александр Безбородко; основатель института благородных девиц Иван Бецкой; адмирал Василий Чичагов и победитель турок Алексей Орлов-Чесменский.

На фасаде памятника — бронзовая доска, где написано ключевое для времени Александра-Освободителя слово «Закон» и надпись: «Императрице Екатерине II в царствование Императора Александра II».

АНИЧКОВ ДВОРЕЦ

Невский проспект, 39

К 1754 году Б. Растрелли построил на углу Невского и Фонтанки огромный дворец с садом, предназначавшийся фавориту императрицы Елизаветы графу А. Разумовскому. По расположенному рядом мосту через Фонтанку дворец получил название Аничкова. С середины 1866 года дворец принадлежал цесаревичу Александру Александровичу и его семье. Александр III остался жить во дворце и после того, как стал императором.

С цесаревной Марией Федоровной (в девичестве — Марией-Софией-Фредерикой-Дагмарой Датской) Достоевский познакомился в апреле 1880 года. На одном из благотворительных вечеров он читал сцену из «Братьев Карамазовых», ту, где одна из пришедших к старцу Зосиме посетительниц убивается по недавно умершему своему младенцу. Сцена эта потрясла цесаревну, недавно потерявшую собственного ребенка. Встречался он с будущей императрицей и на другом чтении — в Мраморном дворце.

16 декабря 1880 года Достоевский был приглашен цесаревичем и цесаревной в Аничков дворец. В мемуарах дочери писателя Л. Ф. Достовской об этой встрече написано: «Его и Ее Высочества приняли его вместе и были восхитительно любезны по отношению к моему отцу. Достоевский вел себя во дворце, как он привык вести себя в салонах своих друзей. Он говорил первым, вставал, когда находил, что разговор продолжается слишком долго... Это был единственный раз в жизни Александра III, когда с ним обращались, как с простым смертным. Он не обиделся на это и впоследствии говорил о моем отце с уважением и симпатией».

Через месяц Достоевский умер, через три Александр стал императором, при котором писатель мог бы занять место идеолога, так как их политические позиции, основанные на русском национализме, православии и неограниченном самодержавии, были весьма близки.

«Укрощение коня» П. Клодта,
Аничков мост

АНИЧКОВ МОСТ

Это первый постоянный мост через Фонтанку. Назван в честь подполковника М. Аничкова, солдаты которого в Петровское время построили мост. Он многократно перестраивался, но ничем не выделялся среди других мостов через реку, пока в 1850 году на нем не установили 4 скульптурные группы работы П. Клодта «Укрощение коня», ставшие городской достопримечательностью.

ДВОРЕЦ БЕЛОСЕЛЬСКИХ-БЕЛОЗЕРСКИХ

Невский проспект, 41

На глазах Достоевского по проекту архитектора А. Штакеншнейдера строился этот дворец (1846–1848) для одного из самых аристократических семейств Петербурга. Он создан в стиле «второго барокко» и является репликой растреллиевского дворца Строгановых, расположенного на углу Мойки и Невского. Не этот ли дворец имел в виду Достоевский, когда писал: «...дома или... дворцы иных наших дворянских фамилий... на манер иных

итальянских палаццо или не совсем чистый французский стиль дореволюционной эпохи. Но там, в венецианских или римских палаццо, отжили или еще отживают жизнь свою целые поколения древних фамилий, одно за другим, в течение столетий. У нас же поставили наши палаццо всего только в прошлое царствование, но тоже, кажется, с претензией на столетия: слишком уж крепким и ободрительным казался установившийся тогдашний порядок вещей, и в появлении этих палаццо как бы выразилась вся вера в него: тоже века собирались прожить. Пришлось, однако же, все это почти накануне Крымской войны, а потом и освобождения крестьян... Мне очень грустно будет, если когда-нибудь на этих палаццох прочту вывеску трактира с увеселительным садом или французского отеля для приезжающих».

Закрепившееся название дворца — Белосельских-Белозерских — не просто случайное, прямо неверное. Действительно, князь, Юрикович, генерал свиты Эспер Белосельский-Белозерский, заказал это палаццо в духе Растрелли, но умер в 1846 году, когда только рыли фундамент.

Его супруга Елена Павловна (урожденная Бибикова) недолго горевала, вышла замуж за князя Василия Кочубея и переехала в его особняк на Литейном проспекте. Будучи особой светской и кокетливой, она использовала роскошный дворец для собственной авторитетности. Расположенный напротив Аничков дворец традиционно принадлежал наследникам престола, туда часто заезжали императоры, и балы у Кочубеев на другой стороне Фонтанки были популярны при дворе.

По словам еще одного соседа Елены Павловны, графа Сергея Шереметева, в 1860-е годы «хозяйка дома, почти уже маститая, еще не уклонялась от роли поглотительницы сердец, хотя именно сердце здесь было ни при чем. Внешнее благоприличие, доведенное до последнего предела, даже до чопорности, прикрывало внутреннее ничтожество». «Аленка, мишурная сестрица», — злобно называла ее Ольга Скобелева. А уж она-то знала Елену Павловну, ведь ее родная сестра (а братом Скобелевых был знаменитый полководец Михаил Дмитриевич Скобелев) Надежда Дмитриевна стала невесткой графини Кочубей. С 1865 года она поселилась во дворце как жена сына Елены Павловны от первого брака — флигель-адъютанта Константина Белосельского-

Белозерского. Дворец продолжал считаться самым тонным местом столицы, хозяева говорили на русском с легким английским акцентом — последний писк моды 1880-х.

Меж тем капитализация главных активов хозяина — металлургических предприятий Урала — стремительно падала. Князь набрал кредитов у государства, но в конце концов вынужден был рассчитаться с казной путем продажи дворца на углу Невского и Фонтанки. Вскоре после смерти Достоевского его купила казна для великого князя Сергея Александровича. Это был своеобразный подарок к свадьбе князя Сергея с Елизаветой Гессен-Дармштадтской (после принятия православия — Елизаветой Федоровной). Сергей Александрович в семье Романовых — один из самых неприятных персонажей. Надменный, вспыльчивый, нелюдимый, он предпочитал общество сослуживцев по Преображенскому полку, отличался нелюбовью к инородцам и редким невежеством. К тому же, несмотря на женитьбу, слабому полу он во всех смыслах решительно предпочитал мужчин. Как писала известная столичная сплетница генеральша Александра Богданович, «Сергей Александрович живет со своим адъютантом Мартыновым». Жена его Элла (так называли ее при дворе), родная сестра императрицы Александры Федоровны, напротив, была необычайно любима за ангельский нрав и непритворную набожность. В 1891 году великий князь стал генерал-губернатором Москвы; с этого времени дворец практически пустовал.

После того как в 1905-м Сергея Александровича убил эсербоевик Иван Каляев, Елизавета Федоровна стала монахиней, игуменьей московской Марфо-Мариинской обители. Елизавета Федоровна была бездетна, ее приемными детьми стали племянники мужа Дмитрий и Мария. Их мать умерла при родах, отец — великий князь Павел Александрович — отбил у генерала Пистолькорса красавицу жену Ольгу и женился на ней. За это великого князя на долгие годы выслали из России. Мария Павловна вышла замуж за шведского принца, а Дмитрий Павлович получил от тети ее петербургский дворец на Невском. Дмитрий — любимец последнего государя, покоритель женских сердец, мастер джигитовки и выездки (он возглавлял российских конников на Олимпиаде 1912 года в Стокгольме), автогонщик. В последние годы империи он охладел к государю и государы-

Фасад Дворца Белосельских-Белозерских,
Невский проспект, 41

не и примкнул к великокняжеской фронде: Феликс Юсупов вовлек его в покушение на Григория Распутина. После убийства «старца» последовала знаменитая царская резолюция «В России убивать никому не дозволено», и Дмитрия Павловича выслали в Персию. Он сумел продать дворец промышленнику Стахееву, благополучно пережил в Тегеране лихолетье 1917-го, жил с Коко Шанель в Париже, женился на американке-миллионерше Одри Эмери, развелся и умер в 1942 году от туберкулеза на швейцарском курорте.

РЕСТОРАН ПАЛКИНА, ТИПОГРАФИЯ ТРАНШЕЛЯ

Невский проспект, 47

Угол Владимирского и Невского некогда был окраиной города, где цирюльники стригли крестьян-отходников. Перекресток прозвали в Петербурге «вшивой биржей» (педикулез — бич деревни времен Достоевского). Когда столица продвинулась далеко за Фонтанку, место сохранило сомнительную репутацию. Проститутки, приезжие с вокзала, празднующие гуляки составляли обычную толпу на этом бойком месте.

В Петербурге осталось не много ресторанов, сохранивших местоположение с дореволюционных времен: «Метрополь» на Садовой, рестораны гостиниц «Астория» и «Европейская» и «Палкин».

В старом Петербурге общественное питание было монополизировано четырьмя тесно сбитыми группами земляков: швейцарцами из кантона Граубюнден (там находится знаменитый Давос), татарами из городка Касимов на реке Оке, уроженцами Ярославской губернии и подмосковной Коломны. Каждая из этих групп имела свою специализацию. Уроженцы альпийских ущелий владели дорогими фешенебельными ресторанами с французской кухней и коллекционными винами, посещавшимися великими князьями, офицерами гвардии, нуворишами («Донон», «Кюба», «Эрнест», «Контан»). Татары контролировали железнодорожные буфеты. Бойкие ярославцы (их называли русскими янки) держали трактиры и рестораны второго разряда (половые в ку-

мачовых косоворотках, русская кухня, графинчик очищенной под семужку), в которых столовались купечество, артистическая богема, многочисленные столичные чиновники («Вена», «Малоярославец», рестораны Балабинской и Мариинской гостиниц). Наконец, коломенцы специализировались на продаже спиртного в розлив в так называемых ренсковых погребах, напоминавших памятные нам рюмочные.

Основатель ресторана ярославец Павел Палкин происходил из крепостных крестьян. Он купил свой первый трактир еще в 1808 году. Трактир несколько раз переезжал с места на место, пока в 1850-е годы не обосновался окончательно на углу Владимирского и Невского под названием «Новопалкин». К этому времени трактир считался старейшим и лучшим в Петербурге. Если Павел Палкин был ревнителем традиционной русской кухни, то его сын Константин, купец первой гильдии, стараясь привлечь клиентов побогаче, постепенно дополнял меню (основу которого составляли традиционные щи, солянка, жареные ерши) французскими блюдами. Константин Палкин преобразовал трактир в ресторан, завел в нем бильярд, музыкальный автомат, огромный аквариум со стерлядями, витражи на окнах со сценами из моднейшего тогда романа Гюго «Собор Парижской Богоматери».

Относительно недорогой ресторан был удачно расположен. В зафонтанной части Невского, рядом с Николаевским (ныне — Московским) вокзалом находилось множество гостиниц; прилегающий район населяли по преимуществу представители тогдашнего среднего класса — литераторы, лавочники, подрядчики, преподаватели, служащие многочисленных департаментов. Многие из них были холосты и предпочитали проводить в «Палкине» и обеденное время, и вечера. Отдельные кабинеты превращались в своеобразные клубы, где регулярно собирались компании приятелей, устраивались дружеские пирушки, встречи бывших одноклассников или сослуживцев.

Завсегдатаями ресторана были писатели. Первыми, еще в конце 1850-х годов, его облюбовали Лев Мей, знаменитый в те годы поэт и запойный пьяница (его стихотворные пьесы «Царская невеста» и «Псковитянка» известны нам по операм Римского-Корсакова), и Николай Щербина — автор многочисленных стихов на античные темы, желчный эпиграммист.

Летом, когда домочадцы с чадами перебирались на дачу, в «Палкине» обедали жившие неподалеку от него Федор Достоевский и Михаил Салтыков-Щедрин. «В буфетной комнате, с нижним ярусом оконных стекол, в прозрачных красках изображающих сцены из „Собора Парижской богородицы“ Гюго, любят собираться одинокие писатели, к беседе которых прислушиваются любознательные посетители „Палкина“, — вспоминал А. Кони.

В это время любил сюда заходить и другой крупнейший писатель — Н. Лесков. Начиная с 1877 года в ресторане Палкина устраивались литературные обеды. Их инициатором был Д. Менделеев. На них за одним столом подчас мирно соседствовали литераторы, в иной обстановке не подававшие друг другу руки.

Здесь, по воспоминаниям Анны Григорьевны Достоевской, «Федор Михайлович встречался со своими самыми заклятыми литературными врагами... побывал на этих обедах раза четыре и всегда возвращался с них очень возбужденный и с интересом рассказывал мне о своих неожиданных встречах и знакомствах».

В 1880-е годы ресторан стал своеобразным гей-клубом. Богатым петербургским гомосексуалистам (их в столице называли «тетками») здесь оказывали особенное внимание как выгодным гостям. Они имели к постоянным услугам палкинского лакея Зайцева, поставлявшего подгулявшим «теткам» в отдельные кабинеты солдат и мальчиков. Инкогнито бывал у Палкина самый известный петербургский содомит, великий князь Сергей Александрович — его дворец находился в ста метрах от ресторана. В компании «теток» можно было встретить композитора Петра Чайковского, поэтов Алексея Апухтина (автора текста знаменитого романса «Ночи безумные») и Сергея Донаурова (он написал «Пару гнедых»), графа Адама Стенбока, князя Владимира Мещерского.

Кабинеты «Палкина» скрывали от властей и опасных нигилистов. Осенью 1883 года в одном из них встретились глава «Народной воли» артиллерийский штабс-капитан Сергей Дегаев и приехавший из Англии, знаменитый в кругах подпольщиков Герман Лопатин, за которым числилось к тому времени три успешных побега из тюрем и ссылок. Лопатин был послан

в Петербург со специальной целью: эмигранты заподозрили, что среди народовольцев действует полицейский информатор. В «Палкине» Лопатин попросил Дегаева рассказать подробнее, как тому удалось бежать от конвоя при перевозке из тюрьмы на вокзал. «Я засыпал жандарму глаза табаком, — отвечал глава «Народной воли», — запасал в камере табачок от сигар, и вот в решительный момент он и пригодился». «Господин Дегаев, для этого потребен не курительный табак, а нюхательный», — оборвал его Лопатин. Концы сошлись. Лопатин понял: революционное подполье в России возглавляет предатель. Последовали меры, в результате которых народовольцами, при посредстве двойного агента Дегаева, был убит глава секретной полиции.

«Палкин» пользовался успехом, приносил прибыль, а потому расширялся. В 1873 году двухэтажное здание надстроили еще одним этажом, к 1881 году в ресторане было уже 25 помещений (буфетная, билиардная, отдельные кабинеты, общий зал). К концу века Палкины, наряду с Меншуткиными (торговля строительными материалами) и Лейкиными (торговля мануфактурой) считались старейшими купеческими династиями города. Но внуки купцов в России частенько мечтали стать дворянами, династии разрушались. Вот и после смерти Константина Палкина в 1886 году его дети не пожелали заниматься ресторанным бизнесом. Ресторан перешел от ярославцев Палкиных к новому владельцу — коломенцу Василию Соловьеву.

Во дворе «Палкина» размешалась типография А. Траншеля. 24 декабря 1872 года сюда впервые пришел Ф. Достоевский, ставший редактором журнала «Гражданин». Издателем журнала был князь В. Мещерский, человек в течение более 40 лет близкий к правительственным кругам и оказывавший значительное влияние на политику правительства. Его политическая позиция в то время была близка писателю. По словам корректора типографии В. Тимофеевой-Починковской, оставившей обширные воспоминания о Достоевском, в это время он был «очень бледный — землистой, болезненной бледностью — немолодой, очень усталый или больной человек, с мрачным, изнуренным лицом... Он был весь точно замкнут на ключ — никаких движений, ни одного жеста, — только тонкие, бескровные губы

нервно подергивались, когда он говорил...» Работать с Достоевским было непросто: он был вспыльчив, нервен, недоверчив, особенно к малознакомым людям. Однако постепенно он сошелся и с Тимофеевой-Починковской, и с метранпажем типографии М. Александровым, также написавшем мемуары о Достоевском в период работы в типографии Траншеля. Часто Достоевский работал здесь ночью (он вообще любил писать по ночам). Днем же нередко корректорская типографии превращалась в своеобразный писательский клуб, куда заходили близкие Достоевскому литераторы — Н. Страхов, А. Майков, Т. Филиппов, А. Порецкий, Вс. Соловьев. В конце августа 1874 года типографию перевели в другое помещение, а вскоре Достоевский ушел из «Гражданина».

ОТ ВЛАДИМИРСКОГО ПРОСПЕКТА К ФОНТАНКЕ

Здесь Достоевский жил в юности; на углу Графского переулка и Владимирского проспекта написаны «Бедные люди».

Зафонтанная часть города к югу от Невского проспекта образовывала Московскую часть, пеструю и разнообразную. Главная особенность этого куса городской территории — поразительная временная приуроченность. Почти все сохранившиеся дома построены в эпоху Великих реформ, при Александре II, в 1870-е годы. Достоевский видел, как строили эти здания между Фонтанкой и Лиговкой.

По берегу Фонтанки в XVIII веке располагались дачные усадьбы вельмож и казармы гвардейских полков. Их лицевые фасады выходили на реку. Набережной в то время никакой не было: подъезжали к усадьбам с безымянного проезда, ограничивавшего их территорию с востока. В 1730-е годы часть проезда до излома Фонтанки получила название Загородного проспекта, другая, северная — Троицкой улицы (с 1929 года — улица Рубинштейна). Первоначальное имя улица получила по подворью Троице-Сергиевой лавры.

Владимирский проспект проложили позже — уже при Елизавете. Он соединил Литейную слободу с полковыми городками между Загородным проспектом и Фонтанкой — район нынеш-

них Семенцов и Красноармейских улиц. Вначале Владимирский был просто частью Литейного проспекта, а с 1806 года территория между Невским и Загородным получила собственное название по церкви Владимирской иконы Божией матери. В XVIII веке появились и два переулка между Владимирским проспектом и Фонтанкой — Графский и Щербаков.

Графский переулок получил название по находившейся на его углу с Фонтанкой даче графа Головина, Щербаков — по фамилии купца-домовладельца. Квартал, ограниченный набережной Фонтанки, улицами Ломоносова (в прошлом — Чернышев переулок), Рубинштейна и Невским проспектом — граница между дворцовым и купеческим Петербургом. Восточный берег реки между Аничковым и Чернышевым (ныне — Ломоносова) мостами — место вполне аристократическое. Захватывающий вид на дворянские особнячки, кваренгиевскую колоннаду перед Аничковым дворцом, россиянский ансамбль Чернышевой (ныне — Ломоносова) площади, оба моста: один с Клодтовыми конями, другой — с башенками.

Фонтанка была забита барками и живорыбными садками. Купеческие семейства по воскресеньям, нагруженные провизией, самоваром, посудой, садились на одном из спусков (чаще всего в торце Графского переулка) в лодку и в сопровождении двух гребцов-перевозчиков отправлялись пить чай «под елки» на Елагином острове.

Дворы от Фонтанки до Рубинштейна — сплошь проходные. Особенно хороши дворовые системы особняка Карловой (нынешней библиотеки Маяковского) и лабиринты между Щербаковым переулком и улицей Ломоносова. Здесь переход от Петербурга Анны Карениной в город Настасьи Филипповны (где-то рядом жила inferнальная героиня «Идиота»). Здесь же жительствова-ли купечество и семейные чиновники.

Вплоть до 1850-х годов местность носила характер предме-стья. Выросший здесь писатель, литературный крестный отец Ан-тона Чехова, Николай Лейкин, к текстам которого мы еще вер-немся, вспоминал: «Ходили мы гулять и на огороды, которых было несколько на Кабинетской, Большой и Малой Московских (тогда — Гребецких) и на Грязной (Николаевской) улицах. Огороды эти, обнесенные заборами, были промысловые; там у моей ня-

ни-ярославки были знакомые ярославские мужики-огородники. И нас там иногда одаривали репкой, морковкой, огурцами, горшком резеды или левкоя. На эти огороды ходил я с матерью и за покупкой овощей, имея возможность с детства наблюдать, как растут капуста, огурцы, корнеплоды». Современный же свой вид квартал получил после пожара 1862 года, когда деревянные дома почти сплошь сгорели и были заменены ныне стоящими на их месте каменными громадами.

Фонтанка, Аничков мост

Бывают разные площади. В европейских городах преобладали площади рыночные, кишашие народом, в Петербурге — торжественные плацы, предназначенные для парадов. Дворцовая, Михайловская (Искусств), Исаакиевская, Сенатская... Враждебные маленькому человеку: продуваемые ветрами пространства, великая и неприветливая архитектура. «Пустыни немых площадей, где казнили людей до рассвета» — словами Иннокентия Анненского. По такой столичной пустоши Медный всадник преследует

безумного Евгения на знаменитой иллюстрации Александра Бенуа, — Петербург в чистом виде. А вот Владимирская площадь: собор, рынок — все как в Германии, Франции, Италии, Москве, любом старинном русском городе. Благовест, нищие, торговки, карманники, подозрительные харчевни — живая жизнь. После того как большевики взорвали храм Спаса-на-Сенной, такой вот нормальной городской площадью в Петербурге осталась только Владимирская. Всем петербуржцам известно название «Пять углов» — место, где сходятся Разъезжая, Загородный и Рубинштейна. Владимирская площадь — шесть углов; на ней сходятся Колокольная улица, Владимирский и Загородный проспекты, Большая Московская улица и Кузнечный переулок. Трамвай, троллейбус, маршрутки, две станции метро, близость Кузнечного рынка — проходное место, люди здесь будто нерестятся.

Вспоминал Н. Лейкин: «Лечиться все ходили к знахарям или цирюльникам. Цирюльное ремесло объединялось вместе с парикмахерским, и в нижних этажах домов то и дело виднелись вывески: „Здесь стригут и бреют, рвут зубы и кровь отворяют“. Вывески эти были всегда иллюстрированы. Сидела, например, дама в платье декольте и в цветах на голове с вытянутой рукой, опершейся на палку, и из руки фонтаном била кровь в тарелку, которую держал в руке мальчик в синем фраке и желтых панталонах. На окнах цирюльни — банки с пиявками. Таких цирюлен было особенно много в Чернышевском переулке. Объяснялось это тем, что район был местом жительства торгового класса, и купцы и приказчики, проходя в лавки Апраксина, Щукина и Гостиного дворов, заходили сюда для бросания крови».

ДОМ ПРЯНИЧНИКОВА

Владимирский проспект, 11

Дом почт-директора Пряничникова на углу Владимирского проспекта и Графского переулка был построен в начале XIX века. Здание сохранилось снаружи без значительных изменений. Квартира Достоевского находилась на втором этаже окнами в переулок. Для молодого человека, мучимого безденежьем, квартира была великовата, и Достоевский часто делил ее то

*Дом Прянишникова,
Владимирский проспект, 11*

с младшим братом Андреем, то с приятелем старшего брата, студентом Медико-хирургической академии А. Ризенкампом, то, наконец, с товарищем по Главному инженерному училищу, начинающим писателем Дмитрием Григоровичем. Все они оставили описания квартиры.

Андрей Достоевский вспоминал, что она была «светленькая и веселенькая; она состояла из трех комнат, передней и кухни; первая комната была общей, вроде приемной, по одну сторону ее была комната брата и по другую — очень маленькая, но совершенно отдельная комнатка для меня... Временами сюда приходили приятели по Инженерному училищу, играли в карты, пили пунш. Обычно же Достоевский, придя домой со службы часа в 2 пополудни, более уже не выходил и занимался чтением или письмом».

«Достоевский между тем просиживал целые дни и часть ночи за письменным столом... Я мог только видеть множество листов, исписанных тем почерком, который отличал Достоевского: буквы сыпались у него из-под пера точно бисер, точно нарисованные... Как только Достоевский переставал писать, в его руках немедленно появлялась книга», — писал Григорович. Поначалу Достоевский решил войти в литературу переводами с французского, который он знал превосходно. Однако его ожидала неудача: роман Жорж Санд «Последняя Альдини», который он взялся переводить, оказался уже переведенным на русский и изданным. Тогда он принялся за «Евгению Гранде» своего любимого Бальзака. Зимой 1843/1844-го перевод был закончен. В письме к брату Михаилу Достоевский с юношеским хвастовством, восторженно оценивает собственный перевод: «Перевод бесподобный. Самое крайнее мне дадут за него 350 рублей ассигнациями». Текст был опубликован летом 1844 года в двух номерах журнала «Репертуар и Пантеон». Однако велико же было огорчение честолюбивого переводчика, обнаружившего, что «Евгению Гранде» обкорнали едва ли ни на две трети.

И все же в ожидании будущих литературных заработков Достоевский ушел со службы в отставку. Шаг этот воспринимался родственниками (за исключением обожавшего его старшего брата) и знакомыми как абсурдный и рискованный.

И сам Достоевский не был уверен в разумности этого поведенческого жеста: «Никто не знает, что я выхожу в отставку. Теперь, если я выйду, — что тогда буду делать? У меня нет ни копейки на платье... Я со всеми рассорился. Из родных остался мне ты один. Остальные все, даже дети, вооружены против меня. Им, вероятно, говорят, что я мот, забулдыга, лентяй, не берите дурного примера, вот пример, — и тому подобное. Эта мысль мне ужасно тяжела...

А что я ни сделаю из своей судьбы — какое кому дело? Я даже считаю благородным этот риск, этот неблагоразумный риск перемены состояния, риск целой жизни — на шаткую надежду. Может быть, я ошибаюсь? А если не ошибаюсь?»

Безденежье, скорее не из-за стесненных обстоятельств, а по природной расточительности (Достоевскому посылал деньги из Москвы опекун), все более одолевавшие болезни делали выбор

Федора Михайловича действительно смертельно опасным. Его единственной надеждой стала повесть «Бедные люди», над которой он трудился день и ночь.

«Писал я их [«Бедных людей»] со страстью, почти со слезами — неужто все это, все эти минуты, которые я пережил с пером в руках над этой повестью, — все это ложь, мираж, неверное чувство? Но думал я так, разумеется, только минутами, и мнительность немедленно возвращалась», — вспоминал писатель через тридцать лет. Три раза Достоевский переписывал свое создание.

Наконец, в мае 1845 года он решил передать роман в печать. «А не пристрою романа, так, может быть, и в Неву. Что же делать? Я уже думал обо всем. Я не переживу смерти моей *idée fixe*», — писал Достоевский брату.

Дмитрий Григорович вспоминал: «Раз утром... Достоевский зовет меня в свою комнату; войдя к нему, я застал его сидящим на диване, служившем ему также постелью; перед ним... лежала довольно объемистая тетрадь почтовой бумаги большого формата, с загнутыми полями и мелко исписанная.

— Садись-ка, Григорович; вчера только что переписал; хочу прочесть тебе; садись и не перебивай, — сказал он с необычной живостью... С первых страниц „Бедных людей“ я понял, насколько то, что было написано Достоевским, было лучше того, что я сочинял до сих пор; такое убеждение усиливалось по мере того, как продолжалось чтение».

Григорович взял рукопись и отнес ее Николаю Некрасову, поэту, сотруднику «Отечественных записок», издателю, жившему неподалеку.

Так писала первая русская женщина — профессор математики С. Ковалевская: «Всю ночь, — рассказывал Достоевский своим приятелям, — провел я в разгуле, грязном, дешевом, без удовольствия, так просто, с тоски, с озлобления какого-то. Было уже четыре утра, когда я вернулся домой. Это было в мае месяце, и на дворе была белая петербургская ночь. Я этих ночей никогда выносить не мог... Вернулся я домой; не спится мне; сел я на открытую раму. Скверно на душе — ну хоть сейчас иди и топись. Сижую я так, вдруг слышу звонок. Кто бы это мог быть в такую пору?»

Достоевский вспоминал: «...Григорович и Некрасов бросаются обнимать меня, в совершенном восторге, и оба чуть сами не плачут. Они накануне вечером воротились рано домой, взяли мою рукопись и стали читать, на пробу: „С десяти страниц видно будет“. Но, прочтя десять страниц, решили прочесть еще десять, а затем, не отрываясь, просидели уже всю ночь до утра, читая вслух и чередуясь, когда один уставал... Когда они кончили (семь печатных листов), то в один голос решили идти ко мне немедленно: „Что ж такое, что спит, мы разбудим его, это выше сна...“

Они пробыли у меня тогда с полчаса, в полчаса мы бог знает сколько переговаривали, с полслова понимая друг друга, с восклицаниями, торопясь; говорили и о поэзии, и о правде, и о „тогдашнем положении“, разумеется, и о Гоголе, цитируя из „Ревизора“ и из „Мертвых душ“, но, главное, о Белинском.

„Я ему сегодня же снесу вашу повесть, и вы увидите... какая это душа! — восторженно говорил Некрасов, тряся меня за плечи обеими руками. — Ну, теперь спите, спите, мы уходим, а завтра к нам“. Точно я мог заснуть после них! Какой восторг, какой успех, а главное — чувство было дорого, помню ясно: „У иного успех, ну хвалят, встречают, поздравляют, а ведь эти прибежали со слезами, в четыре часа, разбудить, потому что это выше сна... Ах хорошо!“ Вот что я думал, какой тут сон!»

ПЕТЕРБУРГСКОЕ СОБРАНИЕ ХУДОЖНИКОВ

Улица Рубинштейна, 13

Петербургское собрание художников — одно из наиболее популярных мест общения столичной интеллигенции 1860–1870-х годов. Тогдашний путеводитель по городу сообщает: «Импровизационные увеселительные вечера благодаря тому, что в среде членов... немало лучших певцов, актеров и музыкантов отличаются вполне артистическим характером». В Рождество 1875 года Достоевский был здесь на елке и детском празднике и описал их в «Дневнике писателя». Праздник стал толчком к написанию страшного святочного рассказа «Мальчик у Христа на елке».

НАБЕРЕЖНАЯ РЕКИ ФОНТАНКИ

Фонтанка — крупнейшая из «малых» рек Петербурга. До середины XIX века она считалась южной границей города. Почти вся жизнь писателя прошла рядом с Фонтанкой: чаще всего он жил в Московской, Нарвской или Спасской частях города, на нее выходящих, поэтому она так часто встречается в его сочинениях.

В глубине реки, у Измайловского моста, находился большой дом, в который «с грохотом вкатилась» карета господина Голядкина, главного героя повести «Двойник». Он прибыл поздравить своего начальника, статского советника Берендеева. Здесь же, в ту же ненастную ночь, произошла завязка этой гофманианской повести: Голядкин встречает своего двойника.

Подробное описание набережной содержится в одном из писем героя «Бедных людей» Макара Дежушкина: «Народу ходила бездна по набережной, и народ-то как нарочно был с такими страшными, уныние наводящими лицами, пьяные мужики, курносые бабы-чухонки, в сапогах и простоволосые, артельщики, извозчики, наш брат, по какой-нибудь надобности; мальчишки, какой-нибудь слесарский ученик в полосатом халате, испитой, чахлый, с лицом, выкупанным в копченном масле, с замком в ру-

Петербургское собрание художников,
улица Рубинштейна, 13

ке; солдат отставной, в сажень ростом, поджидавший купца на перочинный ножичек или колечко бронзовое, — вот какова была публика... Судоходный канал Фонтанка! Барок такая бездна, что не понимаешь, где это все могло поместиться. На мостах сидят бабы с мокрыми пряниками да с гнилыми яблоками, и все такие грязные, мокрые бабы. Скучно по Фонтанке гулять! Мокрый гранит под ногами, по бокам дома высокие, черные, закоптелые; под ногами туман, над головой тоже туман...»

Дом Дубянских,
набережная реки Фонтанки, 46

ДОМ ДУБЯНСКИХ

Набережная реки Фонтанки, 46

Библиотека им. В. В. Маяковского — самая крупная общедоступная библиотека города. При Анне Иоанновне здесь была дача гофинтенданта А. Кормедона, чиновника, отвечавшего за дворцы и парки императрицы. При Елизавете усадьба на Фон-

танке отошла к Федору Дубянскому, ловкому и обходительному священнику с Украины, фактически руководившему в то время православной церковью. Дубянский исповедовал и причащал Елизавету Петровну, крестил ее двоюродного внука, будущего Павла I. Земляки доставляли ему в Петербург малороссийскую рыбу, масло, сало, битую птицу. А он потчевал этой снедью многочисленных гостей, не забывая о горячительных напитках, до которых был охотник. Дубянский возвел на берегу Фонтанки деревянный двухэтажный барочный особнячок на каменном цоколе.

Дочь Дубянского вышла замуж за главного врача России, директора Медицинской коллегии Василия Зиновьева. Им наследовал генерал-адъютант Николай Зиновьев. Род Зиновьевых занесен в Бархатную книгу; предки их — литовские шляхтичи — служили московским князьям со времен татаро-монгольского ига. Николай Васильевич Зиновьев — друг юности Николая I. Начинал в Измайловском полку, отличился при взятии Варны у турок, директорствовал в Пажеском корпусе, воспитывал детей Александра II, в том числе будущего Александра III.

При Николае Зиновьеве в 1840-е годы архитектор Лангваген перестроил здание, и оно получило знакомый нам ныне облик. Этот дом наряду с расположенным рядом дворцом Белосельских-Белозерских — один из ранних примеров петербургского «второго барокко».

В городе этот особняк называют Домом Карловой. С 1909 года им владела графиня Наталья Карлова (в девичестве Вонлярская) — морганатическая жена герцога Георга Августа Мекленбург-Стрелицкого, родственника Романовых, владельца Ораниенбаума.

ПОДВОРЬЕ ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВОЙ ЛАВРЫ

Набережная реки Фонтанки, 44

Большой участок на правом берегу Фонтанки в 1733 году императрица Анна Иоанновна даровала знаменитой лавре.

Подворье монастыря включало кельи монахов, собиравших пожертвования в пользу лавры, два храма и многочисленные

Подворье Троице-Сергиевой лавры,
набережная реки Фонтанки, 44

хозяйственные постройки. Подворья — представительства монастырей. Основывались они обычно в столицах и предназначались по преимуществу для сбора пожертвований на монастырские нужды. Здесь же служили монастырские монахи, в кельях останавливались игумен и братия, находившиеся в городе по делам. Здесь же до своей смерти в 1737 году жил старец Варлаам — духовник восьми высочайших особ (в том числе императриц Екатерины I и Анны Иоанновны), крестный отец Елизаветы Петровны.

В 1771 году на подворье освятили церковь Сергия Радонежского (ее здание во дворе, в глубине участка), а в 1873 году в главном здании подворья, в левой его части, — церковь Пресвятой Троицы. Современный вид Троицкое подворье приобрело в 1850–1870-е годы, когда здесь работали известные архитекторы А. Горностаев и С. Садовников. Подворье служило петербургской резиденцией митрополитов московских, в том числе знаменитого Филарета. В 1850–1860-е годы в келье подворья жил Андрей Муравьев — духовный писатель, автор многочисленных описаний русских и ближневосточных монастырей и святынь. Именно он доставил в Петербург знаменитых сфинксов, установленных у Академии художеств. Ему же принадлежала привезенная из святых мест «ветка Палестины», вдохновившая Михаила Лермонтова на хрестоматийное стихотворение. Муравьева, несмотря на дворянское происхождение (его братья и родственники известны по делу декабристов), занимали по преимуществу дела церковные, что считалось в те времена большой редкостью.

ДОМ ЛОПАТИНА

Набережная реки Фонтанки, 40

Дом А. Лопатина на углу Невского и Фонтанки был разрушен в годы блокады немецким артиллерийским снарядом. В 1950 году он был восстановлен в стиле сталинского ампира по проекту архитектора И. Фомина, а в 2011 году частично разобран: на его месте строят гостиницу.

Однако боковой фасад, выходящий на Фонтанку, и дворовые флигели мало изменились по сравнению с теми, что видел Достоевский в мае 1845 года, когда сюда впервые пришел.

В середине 1840-х годов дом Лопатина был средоточием литераторов, близких к самому популярному тогда русскому журналу «Отечественные записки». Владелец и редактором журнала был ловкий литературный делец А. Краевский, он занимал квартиру в лицевом флигеле, окнами на Фонтанку. Во дворе, с черной лестницы, находился вход в квартиру ведущего критика журнала Виссариона Белинского. Окна его глядели на крыши дровяных сараев, конюшню и мусорную свалку. На четвертом этаже снимал квартиру фельетонист И. Панаев, веселый и легкомысленный человек, женатый на красавице, умнице, разбивательнице сердец А. Панаевой.

Сюда часто приходили постоянные авторы, тогда молодые люди, позже ставшие классиками русской литературы — поэт и издатель Н. Некрасов, блестящий молодой аристократ, модник и кумир читателей И. Тургенев, уже упоминавшийся Д. Григорович, дебютировавший вскоре после Достоевского с романом «Обыкновенная история» И. Гончаров, остроумный и великолепно владевший словом А. Герцен, историк литературы П. Анненков (позже он напишет первую и, вероятно, лучшую биографию Пушкина).

В. Белинский, кумир читающей публики, создатель и ниспровергатель литературных авторитетов, вождь «гоголевского направления», «натуральной школы» русской литературы, «неистовый Виссарион», был в середине 1840-х годов центральной фигурой нарождающейся русской интеллигенции. Ему, немедленно по прочтении, принес Некрасов рукопись романа Достоевского. Через тридцать лет в «Дневнике писателя» Достоевский вспоминал об этом так: «„Новый Гоголь явился!“ — закричал Некрасов, входя к нему с „Бедными людьми“. — „У вас Гоголи то, как грибы растут“, — строго заметил ему Белинский, но рукопись взял. Когда Некрасов опять зашел к нему, вечером, то Белинский встретил его „просто в волнении“: „Приведите, приведите его скорее!“

И вот... меня привели к нему. Помню, что на первый взгляд меня очень поразила его наружность, его нос, его лоб; я пред-

ставляя его себе почему-то совсем другим — „этого ужасного, этого страшного критика“. Он встретил меня чрезвычайно важно и сдержанно. „Что ж, оно так и надо“, — подумал я, но не прошло, кажется, и минуты, как все преобразилось: важность была не лица, не великого критика, встречающего двадцатидвухлетнего начинающего писателя, а, так сказать, из уважения его к тем чувствам, которые он хотел мне излить как можно скорее, к тем важным словам, которые чрезвычайно торопился мне сказать. Он заговорил пламенно, с горящими глазами: „Да вы понимаете ль сами-то, — повторял он мне несколько раз и вскрикивал по своему обыкновению, — что это вы такое написали! ... Вам правда открыта и возвещена как художнику, досталась как дар, цените же ваш дар и оставайтесь верным и будете великим писателем!“

...Я вышел от него в упоении. Я остановился на углу его дома, смотрел на небо, на светлый день, на проходивших людей и весь, всем существом своим, ощущал, что в жизни моей произошел торжественный момент, перелом навеки, что началось что-то совсем новое, но такое, чего я и не предполагал тогда даже в самых страстных мечтах моих... Я припоминаю ту минуту в самой полной ясности. И никогда потом я не мог забыть ее. Это была самая восхитительная минута во всей моей жизни. Я в каторге, вспоминая ее, укреплялся духом».

В несколько дней Достоевский стал известен всему литературному Петербургу, а 15 января 1846 года — по выходе из печати составленного Некрасовым альманаха «Петербургский сборник» — всей читающей России.

В альманахе были опубликованы «Бедные люди». То особенное место, которое литература и литераторы занимали в России, высочайшая популярность Белинского, провозгласившего никому не известного дебютанта гением, изменили поведение Достоевского. Мнительный, застенчивый и нервный, он вдруг приобрел неожиданную и несвойственную ему заносчивость и хвастливость.

Этим настроением проникнуты его письма брату Михаилу, служившему тогда в Ревеле: «Всюду почтение неимоверное, любопытство насчет меня страшное... Князь Одоевский просит меня осчастливить его своим посещением, а граф Соллогуб рвет

на себе волосы от отчаяния. Панаев объявил ему, что есть талант, который их всех в грязь втопчет... Все меня принимают как чудо. Я не могу даже раскрыть рта, чтобы во всех углах не повторяли, что Достоевский то-то сказал, Достоевский то-то хочет делать. Белинский любит меня как нельзя более... Тургенев... с первого раза привязался ко мне такую привязанностью, такую дружбой, что Белинский объясняет ее тем, что Тургенев влюбился в меня».

Между тем, каждое следующее произведение молодого Достоевского имело все меньший успех. Повесть «Двойник», вышедшая в февральской книжке «Отечественных записок» за 1846 год, вызвала сдержанную оценку Белинского. Рассказ «Господин Прохарчин», появившийся осенью того же года, привел критика «в неприятное изумление». А после повести «Хозяйка», вышедшей в следующем году, Белинский писал Анненкову: «...„Хозяйка“ — ерунда страшная! ...каждое его новое произведение — новое падение... Надулись же мы, друг мой, с Достоевским-гением!»

К осени 1846 года ощутимо меняется отношение к писателю его коллег, приятелей Белинского. Авдотья Панаева, в которую Достоевский был в это время платонически и безнадежно влюблен, вспоминала: «С появлением молодых литераторов в кружке беда была попасть на зубок, а Достоевский, как нарочно, давал к этому повод своей раздражительностью и высокомерным тоном, что он несравненно выше их по своему таланту. И пошли перебивать ему косточки, раздражать его самолюбие уколами в разговорах; особенно на это был мастер Тургенев — он нарочно втягивал в спор Достоевского и доводил его до высшей степени раздражения. Тот лез на стену и защищал с азартом иногда нелепые взгляды на вещи, которые сболтнул в горячности, а Тургенев их подхватывал и потешался».

Обидные эпиграммы, оскорбительные сплетни, смешки за спиной приводили нервного, подозрительного Достоевского в ярость. Мучило его и заметное охлаждение Белинского. К тому же между писателем и критиком все расширялась и глубокая мировоззренческая пропасть. Белинский — последовательный атеист — не останавливался в присутствии глубоко верующего Достоевского перед кощунством.

После бурных ссор с Тургеневым и Некрасовым Достоевский перестал посещать дом Лопатина. Разрыв с кругом Белинского (сам критик умер в 1848 году) определил одинокое положение Достоевского среди коллег, не прекращавшуюся бурную литературную полемику и натянутые личные отношения с теми, с кем он встречался на Фонтанке в юности. А именно этот кружок, сплотившийся чуть позже вокруг журнала «Современник», издаваемого Панаевым и Некрасовым, был до конца жизни Достоевского наиболее влиятельной литературной партией в России.

ДОМ ГУРЬЕВЫХ

Набережная реки Фонтанки, 27

По мнению известного историка города Петра Столпянского, первоначальный трехэтажный дом был построен на этом участке Джакомо Кваренги для богатейшего петербургского купца-старообрядца Гавриила Зимина.

В 1813 году наследники Зимина продали его Дмитрию Гурьеву — директору департамента уделов и одновременно министру финансов, который, по словам злоехидного Филиппа Вигеля, «...в свете... имел все замашки величайшего аристократа, хотя отец его, едва ли не из податного сословия, был управителем у одного богатого, но не знатного и провинциального помещика. Зато сам он женился на графине Салтыковой, престарелой девке, от руки коей, несмотря на ее большое состояние, долго все бегали. Прасковья Николаевна, тогда уже дама довольно пожилая, была расточительна на ласки с теми, коих почитала себе равными или с коими хотела сравняться, и раздавительно горда со всеми, кои казались ей ниже ее. Сия чета в начале XIX века открывала у нас торжественное шествие его финансовой знатности; в сем доме имел вес титул, но только в соединении с кредитом при дворе; одно богатство, но только самое огромное...»

Как министр Гурьев был не слишком эффективен, карьерой и графским титулом обязан собственной пронырливости и покровительству Аракчеева. Гораздо известнее его кулинарные таланты: изобретателя гурьевской каши, паштета и котлет. Впрочем, обитал на Фонтанке Гурьев недолго — с 1823-го по 1825-й,

уже в отставке, перед смертью (в бытность министром финансов он жил в казенной квартире на Дворцовой площади).

В этом же доме (со стороны Караванной) жила дочь Гурьева Мария Дмитриевна с мужем, дипломатом Карлом Нессельроде, который в 1816 году стал управляющим министерства иностранных дел, а затем и министром (своей блистательной карьерой Нессельроде, по мнению современников, был обязан тестю). Старый Гурьев умер в сентябре 1825-го, а в декабре того же года в его особняке арестовали незадачливого «диктатора» Сергея Трубецкого. В это время особняк графа Гурьева (ту его часть, что выходила на Фонтанку) снимал австрийский посол Лебцельтерн, женатый на графине Лаваль. С. Трубецкой вспоминал об обстоятельствах своего ареста так: «...ночлег... сестра жены моей, графиня Лебцельтерн, предложила в своем доме — жене моей и мне. Это после причтено мне было, как намерение укрыться в доме иностранного посланника. Ночью с 14-го на 15-е число, граф Лебцельтерн приходит меня будить и говорит, что император меня требует. Я, одевшись, вошел к нему в кабинет и нашел у него графа Нессельроде в полном мундире, шурина его, графа Александра Гурьева, который пришел из любопытства и с которым мы разменялись пожатием руки, и флигель-адъютанта князя Андрея Михайловича Голицына, который объявил мне, что меня требует император. Я сел с ним в сани...»

По смерти министра Дмитрия Гурьева особняк на Фонтанке отошел к вдове — Прасковье Гурьевой, а от нее к сыну, графу Александру Гурьеву. Тот, впрочем, до 1839 года служил в южных губерниях и сдавал особняк внаем, а жил на Фонтанке только в 1840–1860-е годы. Среди постояльцев особняка в пушкинское время — новобрачная пара: Лев Витгенштейн (сын фельдмаршала) и Стефания Радзивилл (любимая воспитанница императрицы Марии Федоровны) — люди богатейшие. Жили молодожены открыто, держали лучшего в городе повара, квартиру их меблировал сам Гамбс. На обеды к ним сходилась весь дипломатический корпус.

После смерти Александра Гурьева (он умер на Фонтанке в 1865 году) особняк достался его внучке княжне Екатерине Любомирской, но та в России не жила и продолжала сдавать дом.

В советское время прекрасный особняк изуродовали, надстроив его еще двумя этажами.

ДОМ АБАЗЫ

Набережная реки Фонтанки, 23

Александр Агеевич Абаза происходил из известного молдавского боярского рода, перешедшего на русскую службу еще при Анне Иоанновне. Красавец и хитрец, он начал свою карьеру как храбрый лейб-гусар. Участвовал во многих сражениях с чеченцами и в 1847 году, в 26 лет вышел майором в отставку «из-за болезни от ран», причем ему было разрешено носить мундир «в уважение полученной им раны». Смелость его была награждена и орденом Владимира IV степени с мечами.

Абаза женился на дочери богатейшего откупщика Александре Бенардаки (в ее родовом доме на Невском проспекте помещается ныне Дом актера им. К. С. Станиславского) и стал служить при дворе великой княгини Елены Павловны, жены брата Николая I (дворец Елены Павловны сегодня — Русский музей).

Малый двор Елены Павловны был знаменит своим либерализмом (великая княгиня решительно поддерживала реформы Александра II) и музыкальностью. Елена Павловна покровительствовала братьям Николаю и Антону Рубинштейнам и стояла у истоков создания Петербургской и Московской консерваторий.

К этому времени Александр Абаза овдовел, но вскоре женился во второй раз. Сергей Витте писал об обстоятельствах этого брака: «Так как великая княгиня очень любила музыку и постоянно устраивала у себя концерты, у нее кроме фрейлин были еще разные молодые барышни: чтицы, которые играли на фортепиано и пели; эти последние были по преимуществу из иностранок. В числе этих молодых особ была одна, с которой Абаза завел шуры-муры. В конце концов он должен был на ней жениться». Иностранку эту, известную музыкантку и певицу, звали Юлия Федоровна Штуббе. Превратившись в Юлию Абазу, она не прекратила своих занятий, пользовалась дружбой Гуно, Листа, Рубинштейна, Тургенева, Тютчева и всех столичных меломанов. Бывал на ее музыкальных вечерах и Федор Достоевский. Мнение Юлии Абазы об исполнителях, особенно вокалистах, ценили и при дворе.

Однако ее муж, женившись по воле великой княгини, вскоре разъехался со своей второй супругой. Его невенчаной женой

Дом Абазы,
набережная реки Фонтанки, 23

стала Нелидова (урожденная Анненкова), которая делила с ним кров на Фонтанке; законная жена отправлена была жить на Сергиевскую (ныне улица Чайковского).

Абаза пользовался в свете славой игрока. За карточным столом в Английском клубе он и выигрывал, и проигрывал больше всех. Огромное состояние (от первой жены) позволяло ему удовлетворять эту прихоть. К тому же он совмещал придворную службу с членством в ряде акционерных обществ, считался оборотливым дельцом и отличным знатоком экономики. В 1871 году он стал государственным контролером (аналог нынешней должности Сергея Степашина), а в 1880-м — министром финансов. Он принадлежал к Константиновской партии, ненавидимой Федором Достоевским.

В 1881 году пришедший к власти Александр III уволил его с министерской должности, но зато А. Абаза занял важное место председателя департамента государственной экономии Государственного совета (пост, примерно соответствующий председателю в Комитете по финансам нынешней Думы). Впрочем, эта его деятельность завершилась скандалом. Пользуясь, как сейчас бы сказали, инсайдерской информацией о состоянии валютного резерва, Абаза играл на валютной бирже на понижение курса национальной валюты, был разоблачен Сергеем Витте и в 1893 году изгнан с государственной службы; через два года он скончался в Ницце.

ДВОРЕЦ НАРЫШКИНЫХ-ШУВАЛОВЫХ (ДОМ ДРУЖБЫ)

Набережная реки Фонтанки, 21

Князья Нарышкины — родственники императоров: Наталья Нарышкина — мать Петра I. Дмитрий Нарышкин — один из богатейших людей России — никогда не занимал высоких государственных должностей, только придворные; коллекционировал, давал балы, содержал самый большой в России оркестр роговой музыки — словом, вел жизнь просвещенного вельможи «времен очаковских и покоренья Крыма». Молодая жена его поражала красотой; словами Державина: «Черными очей огнями, грудью

пышною своей она чувствует, вздыхает, нежная видна душа, и сама того не знает, чем всех больше хороша».

Александр I стал верным любовником Марии Антоновны, вероятно, еще будучи наследником. К своей официальной жене — императрице Елизавете Алексеевне — он давно уже охладел (он женился шестнадцатилетним, невесте было 14; обе дочери от этого брака умерли в младенчестве). Александр не скрывал своей связи с Марией Нарышкиной, она же вела себя прямо вызывающе. Скажем, в 1804 году она подошла к императрице на балу и объявила о своей беременности. Это было откровенное оскорбление: двухмесячную беременность заметить трудно: Мария Антоновна открыто заявляла свои права на императора. У Нарышкиной родилась девочка от Дмитрия Нарышкина (Марина Дмитриевна) и пятеро детей от Александра: трое из них умерли в младенчестве, остались дочь Софья (1808–1824) и сын Эммануил (1813–1901). Что же Дмитрий Львович? К своей участи он относился спокойно, с достоинством и видимым равнодушием; Пушкин называл его «рогоносец величавый». Его стоицизм поддерживался, быть может, и тем обстоятельством, что счастливый его соперник тоже был рогоносцем. Законная жена Александра I изменяла ему с кавалергардом Алексеем Охотниковым, фактическая — Нарышкина — с дипломатом Григорием Гагариным.

Дворец Нарышкиных-Шуваловых,
набережная реки Фонтанки, 21

Александр оставил Дмитрию Львовичу триста тысяч рублей для обеспечения своих детей. Дочь Софья, любимица императора, не пережила его и умерла 16 лет в 1824 году, причем Александр Павлович послал императрице записку: «Она умерла. Я наказан за все мои грехи». Эммануил прожил долгую, почтенную жизнь; служил, как Дмитрий Львович, на придворной службе, благотворительствовал. И Софья, и Эммануил, и собственно дочь Нарышкина Марина (в замужестве — Гурьева) в особняке жили только в детстве и юности. До 1838 года хозяином оставался Дмитрий Львович Нарышкин.

Его балы на Новый год собирали двор и знать, в Александровском зале проходили концерты, а 29 апреля 1834 года петербургское дворянство во дворце устроило роскошный прием по случаю совершеннолетия наследника престола (будущего Александра II): 1200 гостей, зала, декорированная Александром Брюлловым, хор, специально выполненные живописные панно, на Фонтанке песенники на шлюпках. Стоило это 140 тысяч рублей. Пушкин писал перед балом: «Праздников будет на полмиллиона. Что скажет народ, умирающий с голода?» А о самом бале (на который пошел через силу): «Ничего нельзя было видеть великопнее. Было и не слишком тесно, и много мороженого, так что мне было очень хорошо». Особняк «величавого рогоносца» аукнулся Александру Сергеевичу знаменитым «дипломом ордена рогоносцев», приведшим поэта на Черную речку.

Меж тем, после смерти императора Мария Антоновна пустилась во все тяжкие. Она разбила сердце жениха собственной дочери Софьи Павла Шувалова, потом опутала своими чарами племянника мужа — Льва Нарышкина. Затем сошлась с неким Брозиным. Умерла она в 1854 году, к этому времени у особняка давно были другие владельцы.

В 1838-м, умирая, Дмитрий Нарышкин завещал дом Эммануилу. Но тот продал его своему кузену и поклоннику матери Льву Александровичу Нарышкину. Человек это был воистину несчастный: всю жизнь он мучился от неразделенной любви к собственной тетке; собственная же его жена Ольга, урожденная Потоцкая, была настоящая Мессалина. В Одессе, где она жила с мужем, не было вельможи, не состоявшего с ней в связи: Воронцов, Киселев, Пален.

С 1846 года дворец отошел к дочери Нарышкина Софье Львовне и ее мужу Петру Павловичу Шувалову. Из Нарышкинского дворца на Фонтанке переименовался в Шуваловский. Петр Павлович из всех Шуваловых был самым незаметным. Послужив петербургским губернским предводителем дворянства на рубеже царствований Николая I и Александра II, он вышел в отставку и большую часть жизни провел на французских и немецких курортах.

Последними владельцами Шуваловского дворца были сын Петра Павловича и Софьи Львовны Павел Петрович Шувалов и его жена Елизавета Владимировна, урожденная Барятинская. Павел Петрович закончил университеты в Петербурге и Гейдельберге, командовал лейб-гвардии Егерским полком, создал тайную анти-террористическую организацию «Священная дружина», служил адъютантом великого князя Владимира Александровича, злоупотреблял морфием и умер в 1902 году в возрасте 55 лет. Детей у него не было и последние 15 лет перед революцией владелицей Шуваловского дворца оставалась вдова — Елизавета Владимировна (в свете ее звали «Бетси»), известная великосветская дама, благотворительница и организаторша балов.

После революции Елизавета Шувалова эмигрировала, во дворце открылся Музей быта, основанный на богатейшей коллекции Шуваловых-Нарышкиных. В 1925 году музей закрыли; коллекцию передали в Эрмитаж, Русский музей и Музейный фонд.

ДОМ ПАНИНЫХ

Набережная реки Фонтанки, 7

Панины — семейство серьезное, с репутацией. Панин на третьей свадьбе Ивана Грозного нес фонарь перед царем. При московских государях Панины служили дьяками, воеводами, заседали в Боярской думе. Не потерялись они и в петербургский период российской истории. Никита Иванович Панин — российский посол при шведском дворе, воспитатель Павла I, один из первых в империи либералов. Его брат — Петр Иванович, генерал-аншеф, победитель пруссаков под Кунерсдорфом, турок под Бендерами; именно он одолел Емельяна Пугачева. Хотя Екатерина II и не любила его («первый враг», «себе персональный

оскорбитель», «дерзкий болтун»), но все же из чувства справедливости даровала Петру Ивановичу графское достоинство. Сын полководца, граф Никита Петрович при Павле I исполнял фактически обязанности министра иностранных дел. Особняк на Фонтанке принадлежал его сыну — Виктору Никитичу.

Виктор Панин купил дом на Фонтанке у Белосельских-Белозерских в конце 1840-х, когда те переехали в свое новое палаццо на Невском. Граф Виктор Никитич к этому времени уже был министром юстиции. Высокий, прямой, как шест (Николай I прозвал его «трехпаленным», а Герцен — «жирафом в андреевской ленте»), Панин представлял из себя идеальный тип бюрократа. Как вспоминал князь Мещерский, «по недоступности своей он был чем-то вроде полубога, по легендарной о нем молве он был каким-то мифологическим существом, почитание которого исключало всякую возможность даже думать, что он имеет что-нибудь общего с житейской стороной служебного мира; все служившие в ведомстве его пребывали в сознании, что человека в чиновнике министерства юстиции не существует для графа Панина. Это резкое отделение службы от жизни так было строго соблюдено графом Паниным, что он для разговоров со своими устроил у себя в двери кабинета окно, через которое разговаривал с семьей, чтобы никого из непричастных к служебному кругу не допустить в свой кабинет, как храм служителей священнодействия».

Министерство юстиции во времена Николая I было вопиюще неэффективным ведомством. Волокита и взятки, чиновничий произвол стали притчей во языцех. Сам Панин считался человеком честным, в посторонних доходах не нуждался, так как наследовал от отца 12 тысяч крепостных душ, 7 имений, недвижимость в Москве, Петербурге, Риге, Нижнем Новгороде, Казани, Ярославле, Костроме и Павловске. Но это не мешало Виктору Никитичу быть убежденным консерватором, врагом всяческих изменений. В начале Великих реформ царствования Александра II, граф Панин возглавлял реакционную партию и после победы либералов был отправлен в отставку. Виктор Панин входил в состав комиссии, отправившей Достоевского на каторгу.

У Панина было три дочери и единственный сын — Владимир. По словам соседа Паниных через Фонтанку, графа Сергея Шере-

метева, Владимир Викторович — «либерал и деспот по преимуществу, характера требовательного и прямолинейного, он представлял из себя смесь остзейского чванства с либерализмом 60-х годов. Это был совершенно не русский тип. Помню, Панин читал невесте какую-то книгу. Меня заинтересовало, что именно. Каково было мое удивление, когда я узнал, что он читает своей невесте биографические сведения о графе Аракчееве». Невестой, а потом и женой Владимира Панина была Анастасия, дочь богатейшего русского промышленника, владельца брянских заводов Сергея Мальцева. Но прожили они вместе всего год, Владимир Панин умер от туберкулеза, когда ему было 30 лет. Вдова унаследовала Панинский особняк.

ДОМ ФОКИНА

Набережная реки Фонтанки, 5

Аристократически-гвардейский Петербург одевался у Ганри, Тедески, Калины, Бризака — в модных ателье Большой Морской и Невского проспекта. И владельцы, и бо́льшая часть закройщиков здесь были иностранцами. Перед сезоном они совершали поездки в Париж и Вену, где знакомились с последней европейской модой.

Единственным русским предпринимателем, сумевшим войти в этот круг, стал коммерции советник Петр Николаевич Фокин. Как и большинство владельцев малого бизнеса в Петербурге, он был ярославцем, выходцем из деревни Александрово Варжской волости Ростовского уезда. Отец его, как и полагалось деятельному ростовцу, был огородником. В два года он отправил сына в Москву к дяде, хозяину каретной фабрики. В 12 лет (в 1858 году) Фокин перебрался в Петербург, в мастерскую офицерских вещей Мельникова. В 1870 году он купил эту мастерскую, а в 1881-м и дом, в котором она находилась.

По словам тогдашнего светского репортера, он «уже тридцать лет снабжает русское воинство от поручика до генерал-лейтенанта включительно офицерскими вещами и аксессуарами». Его мастерская по изготовлению «офицерских вещей», с 1880-х годов располагавшаяся в собственном доме напротив цирка, считалась лучшей в городе. «...Всего замечательнее были

знаменитые фокинские фуражки, которые делались только на заказ и которые признавались в гвардейской кавалерии квинт-эссенцией хорошего тона» (В. С. Трубецкой).

П. Н. Фокин не забывал свою родину. Он — один из основателей Ярославского благотворительного общества в Петербурге, видный благотворитель, гласный думы. В 1881 году на его средства в Александрино было открыто земское училище, а в 1888-м — курсы садоводства и плодоводства с интернатом.

ЕКАТЕРИНИНСКИЙ ИНСТИТУТ

Набережная реки Фонтанки, 36

Здание Екатерининского института было закончено Джакомо Кваренги в 1807 году. Это один из пяти институтов благородных девиц, существовавших в Петербурге ко времени Достоевского, — закрытое учебное заведение, предназначавшееся для обучения и воспитания дочерей потомственных дворян.

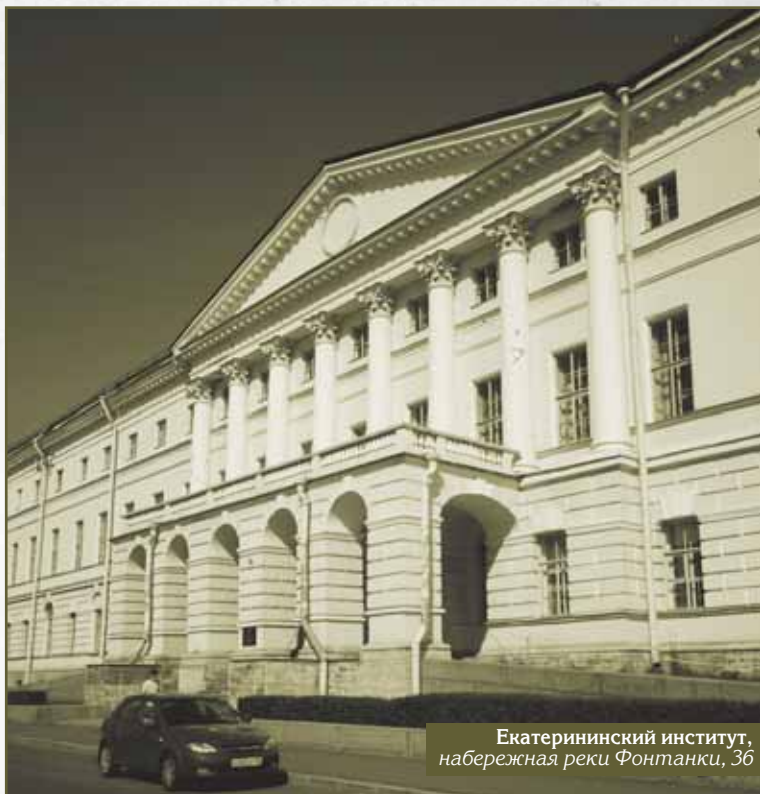
Как все, что строил знаменитый зодчий из Бергамо, Екатерининский институт абсолютно симметричен; в его центре восьмиколонный портик, к аркаде парадного подъезда ведут два пандуса. Левое крыло в точности повторяет правое. Екатерининский институт считался в столице вторым по престижности вслед за Смольным. Назначение институтов благородных девиц — готовить просвещенных дворянок, образцовых жен и матерей. При создании институтов боролись против, обобщенно говоря, госпожи Простаковой, матери недоросля Митрофанушки из комедии Фонвизина «Недоросль». Воспитание отличалось строгостью, баловать девчатам не давали. В 6.00 — подъем; 6.30 — общая молитва в большом зале; 7.00 — завтрак сбитнем (молоко с медом); 7.30–8.45 — урок музыки: каждая институтка перед собственным фортепьяно; 8.45–9.00 — чтение Евангелия вслух; 9.00–12.00 — два урока; 12.00–13.00 — обед; 13.00–14.00 — прогулка по двору; 14.00–17.00 — снова два урока; 17.00–18.00 — полдник: хлеб и квас; 18.00–20.00 — танцы и пение; 20.00–21.00 — ужин, общая молитва; 21.00 — отбой. Как во всяких закрытых учебных заведениях, в Екатерининском институте существовали свои школьные обычаи и даже жаргон.

Дом Фокина,
набережная реки Фонтанки, 5

Институтская речь во многом шла от детского языка. Как писал исследователь институтского быта Александр Белоусов, «ангел», «божество» и «прелесть» перемежаются «дрянью», «ведьмой» и «уродом»; «божественный» и «обворожительный» уживаются с «гадким» и «противным»; за «обожать» следует «презирать». Весьма показательным является обилие уменьшительных форм: «душечки», «медамочки», «милочки», «амишки». Встречаются даже «душечка поганая» или «бессовестная душечка». Важнейшую роль в институтской жизни имел обычай обсуждения внешних данных совоспитанниц: «У нас в каждом классе подружки сообща решали, кто первая, кто вторая по красоте. Я числилась только девятой. Вот они и были уверены, что первая по красоте выйдет замуж раньше других. Следовательно, я должна была выйти замуж девятой». Важный институтский обычай — «обожание». Обожательница чинила обожаемой перья, шила тетрадки, испытывала всяческие мучения, например, вырезая ножиком или выкалывая булавкой инициалы «божества», ела в знак любви к «божеству» мыло, пробиралась в церковь и там молилась за его (ее) благополучие. Если же кому-нибудь наскучивало долго обожать одно и то же лицо, то та выходила на середину и просила девиц позволить ей «разобожать». Институтки любили рассказы о привидениях. Для того чтобы не срезаться на экзаменах, клали за лиф образ Николая Чудотворца, соль и кусок хлеба. Сословное воспитание было отменено советской властью, и в помещении Екатерининского института после революции располагалась средняя школа, а во время войны — госпиталь. После войны в здании разместились часть Российской национальной библиотеки: студенческие залы, газетный отдел, нотный, коллекция земских изданий. Читатель здесь собирается довольно пестрый: наряду со студентами множество вполне взрослых и даже пожилых людей, читатели с высшим образованием и без него. Их привлекает возможность погреться, почитать газету «Аргументы и Факты» и пообедать в местной столовой со смехотворно низкими ценами.

Выпускницами института благородных девиц были Катерина Ивановна Мармеладова из «Преступления и наказания» и Катерина Ивановна из «Братьев Карамазовых».

Екатерининский институт,
набережная реки Фонтанки, 36

ШЕРЕМЕТЕВСКИЙ ДВОРЕЦ

Набережная реки Фонтанки, 34

Дворец богатейшего графского рода Шереметевых, занимавший во времена Достоевского огромный участок с садом, — остаток некогда многочисленных городских дворцовых усадеб вдоль Фонтанки — построен в стиле барокко (1750, архитекторы С. Чевакинский и Ф. Аргунов). На нарядной чугунной ограде (1844, архитектор И. Корсини) — герб рода Шереметевых.

При Достоевском дворцом владели Дмитрий Николаевич Шереметев — флигель-адъютант, ротмистр кавалергардского полка,

гофмейстер, знаток церковного пения, создатель образцового хора и его сын Сергей Дмитриевич — полковник кавалергардского полка, флигель-адъютант, московский губернский предводитель дворянства, обер-егермейстер двора, основатель общества любителей древней письменности, историк и мемуарист.

В одном из дворцовых флигелей находится музей А. Ахматовой, жившей здесь, в квартире своего мужа искусствоведа Н. Пунина в 1920–1950-х годах. В творчестве Ахматовой темы Петербурга и Достоевского — центральные, сам город для нее — «Достоевский и бесноватый».

Девиз шереметевского герба — «Deus conservat omnia» («Бог хранит всех») — взят эпитафией к ахматовской «Поэме без героя». Ахматова умерла 5 марта 1966 года в подмосковном санатории. Тело ее перевезли в морг института Склифосовского — бывший Странноприимный дом Шереметевых, над входом в который тоже начертано: «Deus conservat omnia». В Ленинграде похоронная процессия двигалась от Дома писателей в Комарово по Фонтанке. У Фонтанного дома траурная процессия остановилась — и Анна Ахматова как будто попрощалась с дворцом в последний раз.

Из заметок Анны Ахматовой к «Поэме без героя»: «Окно... выходит в сад, который старше Петербурга, как видно по срезам

Шереметевский дворец,
набережная реки Фонтанки, 34

дубов. При шведах здесь была мыза. Петр подарил это место Шереметеву за победы.

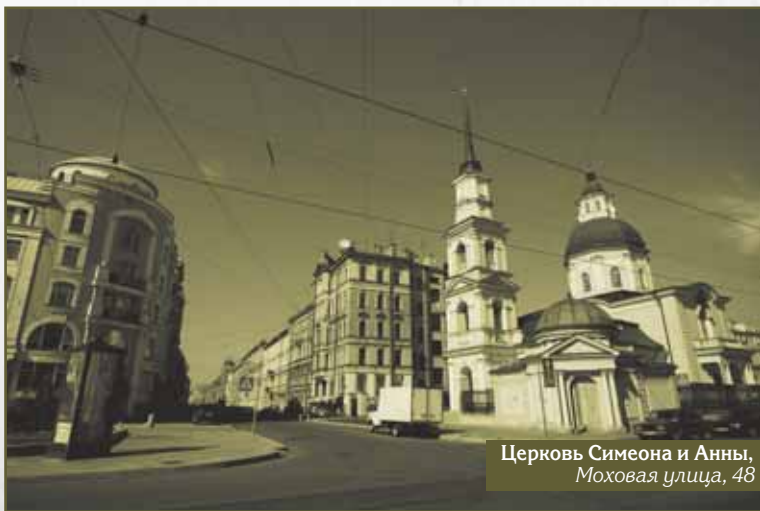
Когда Параша Жемчугова мучилась в родах, здесь строили какие-то... галереи для предстоящих торжеств ее свадьбы. Параша, как известно, умерла в родах, и состоялись совсем другие торжества. Рядом с комнатами автора знаменитый „Белый зал“ работы Кваренги, где когда-то за зеркалами прятался Павел I и подслушивал, что о нем говорят бальные гости Шереметевых. В этом зале пела Параша для государя, и он пожаловал ей за ее пение какие-то неслыханные жемчуга».

ЦЕРКОВЬ СИМЕОНА И АННЫ

Моховая улица, 48

Один из лучших памятников архитектуры царствования Анны Иоанновны — миниатюрная церковь с двухъярусной колоколенкой на пересечении Фонтанки, Белинского и Моховой улиц, построена в 1734 году архитектором М. Земцовым.

Церковь эта была памятна семье Достоевского по происшедшему здесь важному событию в жизни тещи Федора Михайловича, шведки, лютеранки по вероисповеданию. Отец Анны Григорьевны (жены Достоевского) был православным. Матери же

Церковь Симеона и Анны,
Моховая улица, 48

предстояло перейти перед заключением брака в православие, и она колебалась. Во сне ей приснился православный храм и вот, придя в церковь Симеона и Анны, она убедилась, что ей снилась именно она. Это успокоило ее совесть, и она крестилась по православному обряду.

В церковном околоте остановился, приехав в Петербург после получения наследства в Москве, князь Мышкин, герой «Идиота». Гостиница Ротина, снесенная в начале 2000-х, которую, как думают специалисты, имел в виду Достоевский, находилась на углу Симеоновской (ныне Белинского) и Моховой, сейчас на ее месте — жилой дом и маленький садик со скульптурой обнаженного мальчика. На темной лестнице гостиницы князь увидел занесенный над собой нож Парфена Рогожина.

III ОТДЕЛЕНИЕ

Набережная реки Фонтанки, 16

Созданное в 1826 году III отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии осуществляло политический надзор в Российской империи. С 1838 года эта «центральная полицейская контора» (А. Герцен) находилась на набережной Фонтанки.

Сюда из дома Шилия 23 апреля 1849 года полицейская карета доставила арестованного по делу петрашевцев Достоевского. «Там было много... народу, — вспоминал он. — Я встретил много знакомых. Все были заспанные и молчаливые. Какой-то господин статский, но в большом чине, принимал... беспрерывно входили голубые господа (голубой — цвет жандармской формы. — Л. Л.) с новыми жертвами.

„Вот тебе, бабушка, и Юрьев день“, — сказал мне кто-то на ухо.

23 апреля был действительно Юрьев день. Мы мало-помалу окружили статского господина со списком в руках. В списке перед именем господина Антонелли написано было карандашом: „агент по названному делу“. „Так это Антонелли!“ — подумали мы.

Нас разместили по разным углам в ожидании окончательного решения, куда кого девать...» Вечером того же дня арестованные петрашевцы, в том числе и Достоевский, были доставлены в Петропавловскую крепость.

III отделение,
набережная реки Фонтанки, 16

Достоевскому и в дальнейшем приходилось иметь дело с учреждением на Фонтанке. После освобождения из каторги он оставался под секретным надзором до 1875 года. В 1871 году он писал своему другу А. Майкову из Швейцарии: «Я слышал, что за мной приказано следить. Петербургская полиция вскрывает и читает все мои письма... каково же вынести человеку чистому, патриоту, предавшемуся им до измены своим прежним убеждениям, обожающему государя... Руки отваливаются невольно служить им. Кого они не просмотрели у нас, из виновных, а Достоевского подозревают!»

СОЛЯНОЙ ГОРОДОК

Набережная реки Фонтанки, 10

Огромный комплекс зданий на углу Фонтанки и улицы Пестеля до сих пор называется Соляным городком по некогда находившимся здесь складам соли. В 1878 году архитектором И. Китнером здесь было построено здание для размещения выставок и Сельскохозяйственного музея с большим концертным залом, где часто проходили публичные лекции и чтения. Весной 1878 года Достоевский с женой слушали здесь публичные лекции сво-

его младшего друга, знаменитого русского философа Владимира Соловьева — лекции, по словам писателя, «посещаемые чуть не тысячною толпой».

Здесь был и Лев Толстой, сопровождаемый их общим с Достоевским близким знакомым критиком Н. Страховым. Но тот не представил двух крупнейших русских писателей друг другу. Достоевский был этим поступком Страхова чрезвычайно раздосадован: «Как я жалею, что я его не видал. Никогда не прощу вам, Николай Николаевич, что вы мне его не указали». Раздосадован был и Лев Толстой.

Выступал в Соляном городке и сам Достоевский 3 апреля 1879 года на чтении в пользу Фребелевского общества. Он прочитал свой жуткий святочный рассказ «Мальчик у Христа на елке» о замерзающем в Петербургское Рождество мальчике-нищем. Достоевский был первоклассным чтецом и, особенно в последние годы жизни, пользовался в этой роли колоссальной популярностью.

Постоянный устроитель литературных чтений, поэт и переводчик П. Вейнберг вспоминал: «Когда читал Достоевский, слушатель... был в гипнотизирующей власти этого изможденного, невзрачного старичка, с пронзительным взглядом беспредметно уходивших куда-то вдаль глаз, горевших мистическим огнем...»

ЛЕТНИЙ САД

Перейдя Фонтанку по Пантелеймоновскому мосту, мы сворачиваем в Летний сад. Со стороны набережной Мойки его отделяет чугунная ограда с головами Медузы Горгоны, выполненная в 1820-х годах по проекту П. Базена. За ней на берегу Карпиева пруда в 1839 году установлена ваза из эльдальского порфира — подарок шведского короля Карла императору Николаю I.

Летний сад заложен и разбит при Петре Великом в строгом голландском духе. Его украшают 89 итальянских скульптур XVIII — начала XIX веков. Справа от главной аллеи расположены павильоны — Кофейный (1826, архитектор К. Росси) и Чайный (1827, архитектор Л. Шарлемань).

У выходящей на Неву знаменитой ограды работы Ю. Фельтена, по общему мнению, самой красивой в Петербурге, стоит Лет-

ний дворец Петра I (1714, архитектор Д. Трезини) с прекрасно сохранившимся интерьером.

Сбоку, ближе к набережной Фонтанки, памятник любимому Достоевским баснописцу И. Крылову (1855, скульптор П. Клодт), на пьедестале — персонажи басен Крылова. В середине XIX века Летний сад — излюбленное место прогулок детей и флирта их нянек с гвардейцами.

В праздники Летний сад представлял, по словам А. Кони, своеобразное зрелище: «Согласно укоренившемуся обычаю представители среднего торгового сословия приходили сюда всей семьей с нарядно одетыми взрослыми дочерьми и гуляли по средней аллее, а на боковых дорожках прогуливались молодые франты, жаждавшие „цепей Гименея“ и нередко сопряженного с этим денежного приданого. Они приглядывались к проходившим барышням, а сновавшие между ними юркие женщины в косынках на голове и пестрых шалях, сообщали интересующимся надлежащие сведения и предлагали свои услуги для знакомства с возможными брачными последствиями. Это были свахи».

Одно из таких гуляний описано Достоевским в фельетонной «Петербургской летописи» (1847): «Сплошная, огромная толпа движется чинно и мерно; все в новых платьях. Изредка же-

Вид на реку Фонтанку
и Летний сад

ны лавочников и девушки позволяют себе пощелкать орешков. В стороне гремит уединенная музыка, и главный характер всего: все чего-то ждут, у всех на лице весьма наивный вопрос: что же далее?»

МАРСОВО ПОЛЕ

Марсово поле, лежащее по другую сторону Лебяжьей канавки, — самая большая площадь Петербурга. Оно возникло на месте осушенного болота в первой половине XIX века как территория для парадов. Парады — своеобразный военный балет, любимая утеха русских императоров. В XIX веке они сами ходили только в военных мундирах и все, связанное с формой и церемониальным шагом, вызывало у них живейший интерес.

В дневнике министра внутренних дел П. Валуева записан, например, такой эпизод: «Сегодня скончался фельдмаршал граф Берг. Его трудно заменить... Военные же говорят о другом событии: государь на выходе в Зимнем дворце был в шарфе (этот генеральский парадный пояс — серебряный с черно-оранжевыми прошивками и кистями — был отменен еще в 1855 году. — *Прим. Л. Е. Шепелева из книги «Титулы, мундиры, ордена в Российской империи»*).

Апофеозом показательных военных учений считался ежегодный майский парад на Марсовом поле в присутствии императора, со сложнейшими эволюциями огромных масс войск. К нему готовились весь год. Достоевскому, когда он учился в Главном инженерном училище, пришлось стать участником такого парада.

Он писал отцу: «Пять смотров великого князя и царя измучили нас. Мы были на разводах, в манежах вместе с гвардией маршировали церемониальным маршем, делали эволюции и перед всяким смотром нас мучили в роте на ученье, на котором мы приготавливались заранее. Все эти смотры предшествовали огромному, пышному, блестящему майскому параду, где присутствовала вся фамилия царская и находилось 140 000 войска. Этот день нас совершенно измучил».

С 1873 года на Марсово поле было перенесено от Адмиралтейства пасхальное гуляние. Кроме того, гуляния в эти годы совершались здесь 26 и 30 августа в день коронации и именин

Памятник А. В. Суворову,
Суворовская площадь

Александра II. У Владимира Михневича, автора наиболее полного путеводителя по Петербургу, вышедшего в 1874 году читаем: «Тут же устраиваются городскими инженерами шесты для лазанья, намазанные салом, ловкачи и счастливыцы, забравшиеся на них, награждаются призами, от серебряных часов и полного кучерского убора до шапки и рукавиц, каковые нередко раздает в этих случаях петербургский градоначальник».

Парады на Марсовом поле продолжались до 1917 года. После Февральской революции в центре поля были похоронены погибшие. После Октябрьского переворота здесь же хоронили видных большевиков. В 1919 году был устроен памятник борцам революции, в 1923 году разбит партерный сквер.

ПАМЯТНИК А. В. СУВОРОВУ

Суворовская площадь

Памятник не знавшему поражений русскому полководцу, генералиссимусу Суворову (1730–1800), выполненный в 1801 году скульптором Козловским, поставлен на теперешнее место в 1818 году. Изображенный в виде бога войны Марса, Суворов щитом прикрывает российскую императорскую корону.

МРАМОРНЫЙ ДВОРЕЦ

Миллионная улица, 5

Мраморный дворец сооружен в 1785 году архитектором А. Ринальди для фаворита Екатерины II Григория Орлова. В облицовке дворца использовано около тридцати разновидностей мрамора — отсюда его название. Во времена Достоевского дворец принадлежал великим князьям: сначала Константину Николаевичу (брату Александра II), а затем его сыну Константину Константиновичу.

Великий князь Константин Николаевич, председатель Государственного совета, самый умный и волевой из сыновей Николая I, с конца 1850-х годов возглавлял «партию реформ» при дворе. Достоевский, чем дальше, тем больше переходил на сторону другой части царского окружения — «партии Аничкого дворца».

Тем ни менее, еще в 1870-е годы писатель и великий князь познакомились. По словам дочери Достоевского, Любови Федоровны: «Великий князь Константин Николаевич... попросил моего отца повлиять на его молодых сыновей Константина и Дмитрия. Это был интеллигентный человек, широко европейски образованный, он хотел воспитать своих сыновей патриотами и христианами. Дружба моего отца с молодыми князьями длилась до самой его смерти; он любил их обоих, но отдавал предпочтение великому князю Константину, в котором угадал будущего поэта».

Константин Константинович — моряк, пианист, драматург, актер, критик и поэт (известный под псевдонимом К. Р.), президент Академии наук — был несомненно самым просвещенным в семье Романовых. В марте 1878 года он встретил Достоевского во дворце великого князя Сергея и увлекся им. Вдова Достоевского вспоминала о великом князе: «Это был юноша искренний и добрый, поразивший моего мужа пламенным отношением ко всему прекрасному в родной литературе... С молодым великим князем у моего мужа, несмотря на разницу лет, установились вполне дружеские отношения, и он часто приглашал мужа к себе побеседовать глаз на глаз или собирал избранное общество и просил мужа прочесть, по своему выбору что-либо из его нового произведения». Достоевский в последние годы жизни бывал во дворце неоднократно: «Ваше императорское высочество! Завтра в 9 ^{1/2} буду иметь счастье явиться на зов Вашего высочества. С чувством беспредельной преданности всегда пребуду Вашего высочества вернейшим слугою. Федор Достоевский».

ТРОИЦКИЙ МОСТ

По Троицкому мосту проходит кратчайший путь из центра города на Петроградскую (во времена Достоевского она называлась Петербургской) сторону и в «Булонский лес Петербурга» — на Острова, где располагались парки, дачи, летние императорские резиденции. С 1827 по 1897 год на месте нынешнего, постоянного моста наводился весной и снимался осенью плашкоутный мост на судах.

В 1903 году французской фирмой «Батиньоль» был возведен современный Троицкий мост. Вниз по течению Невы с него

разворачивается живописная панорама самого широкого места реки. Прямо напротив — стрелка Васильевского острова с напоминающим греческий храм зданием Биржи и маяками в виде Ростральных колонн (1810, архитектор Тома де Томон). Направо — Петропавловская крепость. Налево — Дворцовая набережная, идущая от Мраморного дворца к Зимнему.

Троицкий мост

ПЕТРОГРАДСКАЯ СТОРОНА

Петроградская (ранее — Петербургская) сторона до 1720-х годов играла роль центра Петербурга. Здесь, как раз неподалеку от нынешнего спуска с Троицкого моста, располагались центральные государственные учреждения России, дворцы вельмож,

гостиный двор, государственная типография, здесь проходили триумфы и фейерверки и публичные казни.

В 1720-е годы центр города переместился на Адмиралтейскую сторону, а Петербургская сторона превратилась в городскую окраину. Особенно сложным становилось сообщение с ней в период ледохода, когда в отсутствие постоянных мостов через Неву добраться сюда было просто невозможно. Так что покойников в этот относительно короткий период приходилось хоронить на местном временном кладбище (постоянных здесь не было).

Петербургскую сторону населяли по преимуществу мелкие или отставные чиновники. Очеркист «Отечественных записок» Е. Гребенка писал в 1845 году: «Какой-нибудь бедняк — чиновник, откладывая по несколько рублей от своего жалования, собирает небольшой капитал, покупает почти за бесценок кусок болота на Петербургской стороне, мало-помалу выстраивает на нем дешевого материала деревянный домик и, дослужив до пенсионера и седых волос, переезжает в свой дом доживать век — почти так выстроилась бо́льшая часть нынешней Петербургской стороны».

Типичный житель Петербургской стороны описан в «Петербургских сновидениях в стихах и в прозе» Федора Достоевского: «Приснилось мне недавно вот что: жил-был один чиновник, разумеется в одном департаменте. Ни протеста, ни голоса в нем никогда не бывало; лицо вполне безгрешное. Белья на нем почти тоже не было; вицмундир перестал исполнять свое назначение. Ходил мой чудак сгорбившись, смотрел в землю, и когда, бывало, возвращаясь из должности к себе на Петербургскую, он попадал на Невский, то, наверное, на Невском никогда не являлось существа покорнее и безответнее, так что даже кучер, хлестнувший его один раз кнутиком, так, из ласки, когда он перебежал через нашу великолепную улицу, почти подивился на него, потому что он даже не повернул к нему головы, не то чтобы выругал. Дома у него была старая тетка, родившаяся с зубной болью и подвязанной щекой, и ворчунья жена, с шестерыми детьми. И когда все дома просили хлеба, рубашек и обуви, он сидел себе в уголку у печки, не отвечал ни слова, писал казенные бумаги или упорно молчал, опустил глаза в землю и что-то пришептывая, как будто замаливал у господ свои прегрешения. Терпения не

стало наконец ни у матери, ни у детей. Они жили в мезонине деревянного домика, половина которого уже обвалилась, а другая обваливалась. И когда слезы, попреки и терзання дошли наконец до последней степени, бедняк вдруг поднял голову и проговорил, как Валаамов осел, но проговорил так странно, что его отвезли в сумасшедший дом».

Не изменился характер района и через 20 лет. По городской переписи 1863 года, девять из десяти домов оставались деревянными, здесь был самый высокий в городе процент мелких чиновников, наследственно проживающих в Петербурге.

Это был какой-то уездный городишко внутри столицы. Здесь существовали свои обычаи, все друг друга знали, на улицах, поросших травой, пасся домашний скот, изредка покой нарушали шумные свадьбы, ходившие по стороне с непременно оркестром, или шумные пьяные драки.

Этот район был хорошо известен Достоевскому. Ветхий домишко, подобный «куче дров», на Петербургской — место действия рассказа «Скверный анекдот»: «Он бодро вошел в отпертую калитку и с презрением оттолкнул ногой маленькую, лохматую и осипшую шавку, которая, более для приличия, чем для дела, бросилась к нему с хриплым лаем под ноги. По деревянной настилке дошел он до крытого крылечка, будочкой выходившего на двор, и по трем ветхим деревянным ступенькам поднялся в крошечные сени».

Сюда заходил герой «Идиота» князь Мышкин к знакомым Лебедева на «-ой» улице, «№ 16, дом коллежской секретарши Филисовой», у них остановилась Настасья Филипповна.

«Бесконечный» Большой проспект стал местом последнего ночлега и самоубийства Свидригайлова из «Преступления и наказания». Пожарная часть, перед которой он застрелился, сохранилась до сих пор на углу Большого проспекта и Съезжинской улицы.

Неподалеку, на Петровском острове, «остановился в полном изнеможении, сошел с дороги, вошел в кусты, пал на траву и в ту же минуту заснул» Раскольников. И приснился ему страшный сон об истязаемой кляче.

На Большом проспекте Долгорукий из «Подростка» после посещения своего, жившего здесь, приятеля Крафта, зашел в трак-

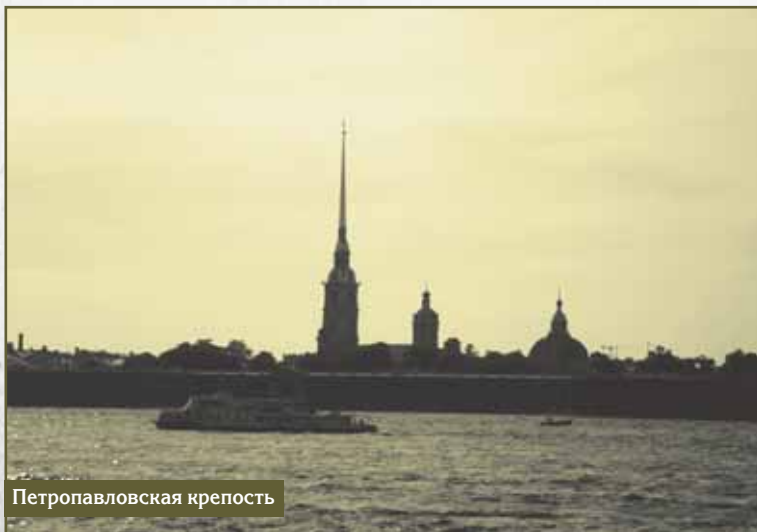
тир. «... Комнате было много народу, пахло пригорелым маслом, трактирными салфетками и табаком. Гадко было. Над головой моей тюкал носом о дно своей клетки безголосый соловей, мрачный и задумчивый. В соседней биллиардной шумели».

Деревянная, провинциальная Петербургская сторона закончилась с открытием постоянного Троицкого моста. Цена на землю резко подскочила, деревянные домики снесли и за десять лет здесь был построен огромный новый жилой район.

ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ КРЕПОСТЬ

Перейдя через деревянный Иоанновский мост, старейший в городе, мы оказываемся в Петропавловской крепости.

27 мая 1703 года здесь, на Заячьем острове, Петр I заложил Санкт-Петербургскую крепость. Впоследствии название крепости перешло к городу, выросшему вокруг ее стен и вскоре ставшему столицей Российской империи, а крепость стали называть Петропавловской по находящемуся в ней собору. Крепость была построена за один год из дерева и земли, а потом еще около 40 лет перестраивалась в камне. В плане она образует вытянутый вдоль маленького Заячьего острова шестиугольник.

Петропавловская крепость

На ее шести углах — пятиугольные выступы — бастiony. С юга и севера крепость изолирована от города большой Невой и Кронверским проливом. С востока и запада ее дополнительно укрепляют два предкрепостных сооружения — рavelина, названных в честь отца и старшего брата Петра: Алексеевский и Иоанновский. Вход в крепость со стороны Иоанновского моста проходит через Невские ворота и Иоанновский рavelин. Слева от входа — касса.

Во времена Достоевского рavelины отделялись от крепости каналами с подъемными мостами, в конце XIX века каналы засыпали. Сложилось так, что с момента своего основания крепость никогда не использовалась в военных целях. Здесь содержали преступников, хоронили императоров, чеканили монету.

ПЕТРОВСКИЕ ВОРОТА

Петровские ворота оформляют главный вход в Петропавловскую крепость. Это единственное сохранившееся триумфальное сооружение начала XVIII века. Оно сооружено по проекту Д. Трезини в 1717 году. Помимо барельефа, изображающего низвержение Симона-волхва (1708, скульптор К. Оснер), и скульп-

Петровские ворота
Петропавловской крепости

птурных изображений Беллоны и Минервы в нишах по сторонам арки (1720-е годы, скульптор Н. Пино), ворота украшает двуглавый орел, отлитый из свинца мастером Ф. Вассу. Этот исторический герб России был унаследован от великой Византийской империи после взятия турками Константинополя. Как писал Достоевский, «в русском царстве... последняя из Палеологов является с двуглавым орлом вместо приданого». Имеется в виду Софья Палеолог — племянница последнего византийского императора, жена великого князя московского Ивана III.

ИНЖЕНЕРНЫЙ ДОМ

Справа от Главной аллеи находится одноэтажное здание Инженерного дома. Оно построено в 1749 году неизвестным архитектором для Петербургской инженерной команды. Здесь служили выпускники Главного инженерного училища, и, некоторое время, старший брат писателя — Михаил. В 1840-х годах Федор Достоевский часто бывал здесь у брата и однокашников.

ПАМЯТНИК ПЕТРУ I

На лужайке напротив Комендантского кладбища находится весьма необычный памятник первому русскому императору. Он создан М. Шемякиным, скульптором и художником, иллюстратором «Преступления и наказания». Памятник установлен в 1991 году. Такой образ Петра весьма близок восприятию императора Достоевским. Источниками для создания образа послужили старообрядческие лубки 18 века (старообрядцы считали Петра антихристом) и посмертная маска Петра работы Б. Растрелли.

КОМЕНДАНТСКИЙ ДОМ

Двухэтажное здание с характерной для архитектуры начала XVIII века двухцветной окраской сооружено в 1746 году по проекту Х. де Марина и И. де Колонга. Оно предназначалось для комендантов Санкт-Петербургской крепости. Здесь на втором этаже находилась их служебная квартира, а на первом — канцелярия. Коменданты крепости в XIX веке — обычно заслужен-

Памятник Петру I
М. Шемякина

ные, пожилые генералы, раненные в боях. На должность свою они назначались пожизненно. Помимо служебной квартиры, они пользовались еще рядом привилегий: служебной дачей в окрестности Петербурга (неподалеку от нее на дуэли был убит Пушкин), правом быть похороненными за счет государства на Комендантском кладбище Петропавловской крепости.

С петровского времени в день Преполовления коменданты участвовали в церемонии открытия навигации на Неве. Комендант на катере пересекал Неву, приближаясь к Зимнему дворцу, салютовал семью выстрелами, входил во дворец через названный в честь этой церемонии Комендантским подъезд и рапортовал государю об открытии навигации. При этом комендант подносил императору невскую воду в серебряном кубке. По стенам крепости в этот день совершался крестный ход.

Главная обязанность коменданта заключалась в общем надзоре за узниками крепостных тюрем. В 1849 году комендантом крепости был генерал И. Набоков (двоюродный прадед знаменитого русско-американского писателя). Он возглавил следственную комиссию по делу Петрашевского. Следствие проходило в Комендантском доме.

Достоевский был здесь на допросах четыре раза. На первом допросе и во время последующих он четко держался раз выбранной линии: отрицал противоправительственный характер деятельности кружка и преступность своего в нем участия.

«...я поддерживал знакомство с ним (Петрашевским. — Л. Л.), — писал Достоевский в «объяснении» следственной комиссии, — ровно настолько, насколько того требовала учтивость, то есть посещал его из месяца в месяц, а иногда и реже... В последнюю же зиму... я был у него не более восьми раз...»

Подчеркивая «эксцентричность и странности» Петрашевского, он тем ни менее пишет, что «... всегда уважал Петрашевского как человека честного и благородного... В сущности, я еще не знаю доселе, в чем обвиняют меня. Мне объявили только, что я брал участие в общих разговорах у Петрашевского, говорил вольнодумно и что, наконец, прочел вслух литературную статью: „Переписку Белинского с Гоголем“... Да, если желать лучшего есть либерализм, вольнодумство, то в этом смысле, может быть, я вольнодумец... Я желал многих улучшений и перемен. Я сето-

вал о многих злоупотреблениях. Но вся основа моей политической мысли была — ожидать этих перемен от самодержавия».

Следствие не слишком доверяло показаниям Достоевского. Член следственной комиссии генерал Я. Ростовцев обратился к нему со словами: «Я не могу поверить, чтобы человек, написавший „Бедных людей“, был заодно с этими порочными людьми. Это невозможно. Вы мало замешаны, и я уполномочен от имени государя объявить вам прощение, если вы захотите рассказать все дело». «Я, — вспоминал писатель, — молчал». Тогда Ростовцев выбежал в другую комнату.

Действительно, Достоевский не был вполне искренен. Он был среди участников филиального, по отношению к остальным петрашевцам, кружка С. Дурова, в планы которого входила организация тайной типографии, причем уже был куплен станок. Между тем, Достоевский показывал: «Кружок знакомых Дурова чисто артистический и литературный... примешивалась и музыка».

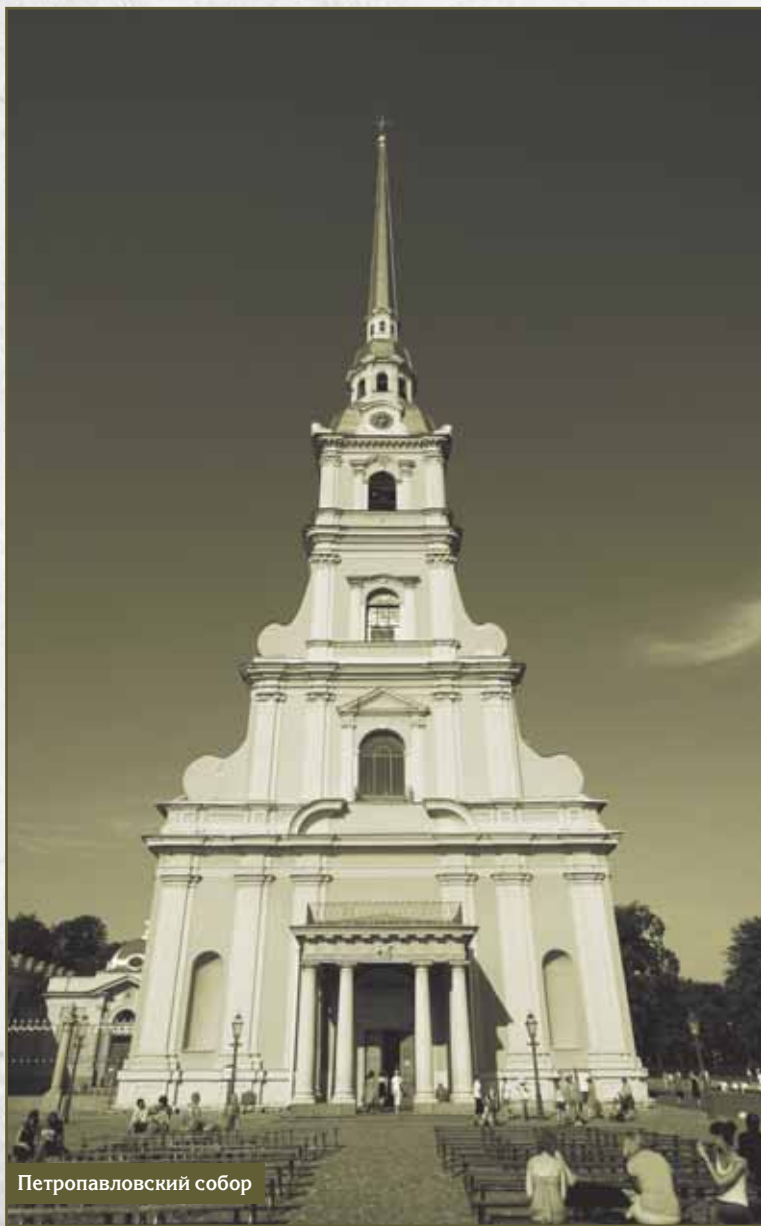
Сдержанно вели себя на следствии и большинство других петрашевцев, в результате тайна типографии так и не была открыта.

17 сентября Следственная комиссия закончила свою работу, придя к следующему выводу: «Организованного общества пропаганды не обнаружено». Дело передано было в Военно-судную комиссию, заседавшую здесь же, в Комендантском доме. Комиссия приговорила 21 петрашевца, в том числе Достоевского, к смертной казни.

Ранним утром 22 декабря 1849 года петрашевцев собрали около Комендантского дома, посадили поодиночке в кареты. Рядом с каждым уселся солдат. Кареты в сопровождении конвоя конной жандармерии тронулись к Семеновскому плацу, где приговор должен был привести в исполнение.

КОМЕНДАНТСКОЕ КЛАДБИЩЕ

Комендантов хоронили у алтарной стены собора, на небольшом Комендантском кладбище, отделенном от Главной аллеи крепости невысокой металлической оградой. Кладбище уникально тем, что с петровского времени здесь хоронили и православных, и протестантов, и католиков.

Петропавловский собор

Первым, в 1720 году, здесь был погребен первый комендант Санкт-Петербургской крепости, потомок шотландских королей Р. Брюс. Всего на кладбище 19 могил, среди них и захоронение И. Набокова.

ПЕТРОПАВЛОВСКИЙ СОБОР

Петропавловский собор, заложенный на месте одноименной деревянной церкви в 1712 году, когда двор окончательно переехал из Москвы в Петербург — самое значительное из дошедших до нас сооружений Петровского времени. Окончательно построенный к 1733 году архитектором Д. Трезини, он представляет уникальный сплав римского барокко и северного Ренессанса. Огромный шпиль колокольни (высота которой 122,5 метра) делает собор и сегодня самым высоким в городе. Над шпилем шестиметровый крест, на котором закреплен флюгер в виде ангела, дующего в трубу.

Каждые четверть часа с колокольни раздается перезвон старинных голландских курантов. Лучше всего смотреть на собор с юго-востока, со стороны Комендантского кладбища. Высокий аттик алтарной стены, купол и шпиль делают его похожим на двухмачтовый фрегат, готовящийся отплыть на запад — туда, где Петр прорубил «окно в Европу». Вспоминаются слова Пушкина: «Россия вошла в Европу, как спущенный корабль, при стуке топора и громе пушек».

Внутри собор также необычен для русской церковной традиции, как и снаружи. Огромный его зал залит светом из огромных окон и барочных люстр елизаветинского времени — в русской традиции полутьма в церкви. В соборе впервые в истории православного храмового зодчества представлены круглая скульптура (апостолы Петр и Павел над кафедрой проповедника и архангелы в иконостасе) и масляная живопись. До этого православные храмы украшали только иконопись и фрески. Архитектура собора отражает две тенденции, боровшиеся в петровской церковной реформе: католическую и протестантскую.

От первой — пышный резной иконостас работы украинца Ивана Зарудного. Особенно замечательно в нем обрамление царских врат в виде живописной беседки. От второй — ригоризм

отделки стен и пилонов, где раскрашенная штукатурка имитирует мрамор.

Петропавловский собор должен был, по мысли Петра, заменить Архангельский собор московского Кремля, где хоронили московских царей. Сразу у входа, налево, у лестницы, ведущей на колокольню, похоронен приговоренный к смертной казни за заговор против Петра и запытанный в застенках крепости на смерть царевич Алексей. Вообще не любивший Петра, в данном случае Достоевский был к нему снисходителен: «Реформа была Петру дороже сына, и он казнил его... Никто не вливает вина молодого в мехи старые».

В 1725 году в строящийся собор внесли тело Петра I. Его предали земле только через шесть лет, когда основные работы по строительству здания были закончены. Петр похоронен у иконостаса, с правой стороны, у самой стены. С тех пор здесь хоронили всех (кроме Петра II) русских императоров и императриц, включая расстрелянного большевиками Николая II и его семью. Похоронено здесь и большинство великих князей.

Слева от иконостаса похоронены Александр I, в царствование которого родился Достоевский, и Николай I, при котором он начал свою литературную карьеру. У южной стены собора, в отдельной ограде, похоронены Александр II, его жена императрица Мария Александровна и их старший сын, наследник во времена Достоевского, Александр III.

Над телами Александра II и его супруги императрицы Марии Александровны — надгробия из серо-зеленой алтайской яшмы и розового орлеца (установлены в 1906 году к 25-летию убийства императора народовольцами). Остальные члены императорского дома покоятся под памятниками из белого итальянского мрамора. Надгробия императоров выделяются бронзовыми гербами на углах.

МОНЕТНЫЙ ДВОР

Напротив Петропавловского собора — Монетный двор — завод, на котором изготавливают ордена, медали, памятные знаки и чеканят монеты. Основанное в крепости еще в петровское время, в середине XIX века это было единственное подобное пред-

приятие в России и крупнейшее в Европе. Построил нынешнее здание Монетного двора архитектор А. Порто в 1805 году.

БОТНЫЙ ДОМ

Небольшой павильон к северу от входа в собор построен в 1762 году архитектором А. Вистом в стиле, переходном от барокко к классицизму. В домике хранился ботик Петра I — маленькое парусное суденышко, на котором он, будучи подростком, в Немецкой слободе под Москвой, на реке Яузе, приохотился к искусству навигации. Ботик был доставлен в Петербург по распоряжению Петра и после торжественной и забавной церемонии оставлен в крепости на хранение. Сейчас его можно увидеть в Центральном военно-морском музее.

СЕКРЕТНЫЙ ДОМ АЛЕКСЕЕВСКОГО РАВЕЛИНА

В Алексеевском равелине за ныне засыпанным каналом с подъемным мостом располагалась самая таинственная тюрьма Российской империи — «Секретный дом».

Находившаяся как раз напротив Зимнего дворца, она как бы символизировала полную тщетность попыток борьбы с существовавшим в России политическим строем: ее узники были в основном политическими заключенными. Это было каменное одноэтажное треугольное здание, рассчитанное на 20 одиночных камер, с небольшим внутренним двором для прогулок. Сюда после ареста были заключены 13 петрашевцев, рассматривавшихся следствием как наиболее замешанные в деле. Среди них и Федор Достоевский.

Сам Петрашевский писал о своих ощущениях в заключении так: «Мертвое молчание кругом, безответность сторожей, еле слышный бой часов на Петропавловском соборе — вот развлечение. Полумрак и холод — вот удобства помещения... По ночам отмыкаются и запираются двери казематов, в отдалении слышу шаги арестантов, ведомых к допросу». Когда на нещадно чадивших площадях, освещавших казематы, нарастал угар, часовые бу-

дили заключенных, заставляя его снимать. Жаловались петрашевы и на насекомых, грязь, однообразие пищи.

Восемь месяцев в равелине Достоевский провел стоически. Через два месяца брату Михаилу (он тоже ненадолго был арестован, но затем освобожден) разрешили передать ему книги (религиозного содержания и Шекспира). Ф. Достоевский начал писать рассказ «Маленький герой» — рассказ о первой пылкой и трогательной влюбленности одиннадцатилетнего мальчика. Позже писатель рассказывал: «Когда я очутился в крепости, я думал, что тут мне и конец, думал, что трех дней не выдержу, и — вдруг совсем успокоился. Ведь я там что делал? ...я писал „Маленького героя“ — прочтите, разве в нем видно озлобление, муки?»

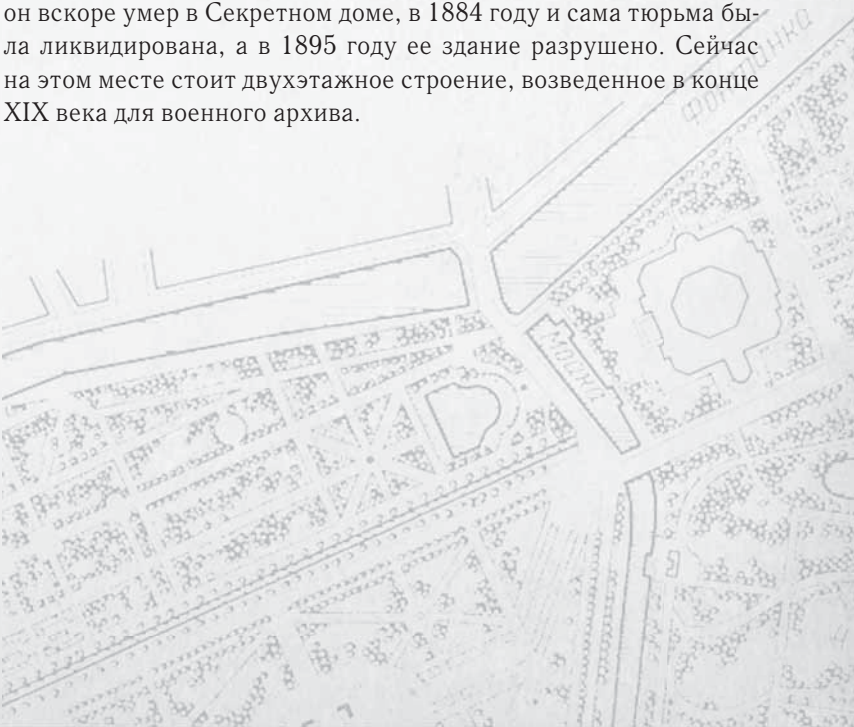
Брату он писал: «Вот уже пять месяцев, без малого, как я живу своими средствами, то есть одною своей головой и больше ничем. Покамест еще машина не развинтилась и действует. Впрочем, вечное думанье и одно только думанье, безо всяких внешних впечатлений, чтобы возрождать и поддерживать думу, — тяжело! Я весь как будто под воздушным насосом, из-под которого воздух вытягивают. Все из меня ушло в голову, а из головы в мысль, все, решительно все, и, несмотря на то, эта работа с каждым днем увеличивается. Книги хоть капля в море, но все-таки помогают. А собственная работа, только, кажется, выжимает последние соки. Впрочем, я ей рад...»

Сюда привезли Достоевского после объявления приговора и инсценировки казни с Семеновского плаца. Прощаясь с братом перед отправлением на каторгу, он писал: «Неужели никогда я не возьму пера в руки? Я думаю, через четыре года будет возможно. Я перешлю тебе все, что напишу, если что-нибудь напишу. Боже мой! Сколько образов, выжитых, созданных мною вновь, погибнет, угаснет в моей голове или отравой в крови разольется. Да, если нельзя будет писать, я погибну. Лучше пятнадцать лет заключения и перо в руках... Теперь, переменяя жизнь, перерождаюсь в новую форму... Я перерожусь к лучшему... Казематная жизнь уже достаточно убила во мне плотских потребностей, не совсем чистых; я мало берег себя прежде. Теперь уже лишения мне нипочем, и потому не пугайся, что меня убьет какая-нибудь

материальная тягость... Кабы только сохранить здоровье, а там и все хорошо!»

Достоевский не был ни первым, ни последним писателем, заключенным в равелин. До него здесь находился поэт, декабрист К. Рылеев (1825–1826), ушедший из этой тюрьмы на казнь. После — кумир студенчества, знакомец и идейный противник Достоевского Н. Чернышевский (1862–1864).

В 1873 году в секретный дом был заключен революционер-заговорщик С. Нечаев. Кровавое «Нечаевское дело» стало толчком для написания романа Достоевского «Бесы», а сам Нечаев — одним из прототипов главного героя романа, Петра Верховенского. Находясь в равелине, Нечаев сумел создать тайную организацию из охранявших его жандармов, вступил в связь с народовольцами и планировал совершить вместе с ними покушение на Александра II, когда император будет находиться в Петропавловском соборе. Заговор Нечаева был раскрыт, сам он вскоре умер в Секретном доме, в 1884 году и сама тюрьма была ликвидирована, а в 1895 году ее здание разрушено. Сейчас на этом месте стоит двухэтажное строение, возведенное в конце XIX века для военного архива.

МАРШРУТ 3

С РАСКОЛ НИКОВЫМ ПО ОКРЕСТНОСТЯМ СЕННОЙ

Двор дома 92
по набережной реки Фонтанки

Маршрут идет по одному из самых запущенных и трущобных городских урочищ. Если во времена Достоевского квартал был набит людьми активными, социально-опасными, то сейчас его базис составляют разночинцы, пенсионеры и алкоголики, знакомые друг с другом со школьной скамьи. Это, конечно, не Гарлем, но нищих и пьяных вы увидите, без сомнения.

Новый российский капитализм у Сенной площади носит какой-то домашний, коммунальный характер. Может быть, это и неплохо для наших локальных целей: *genius loci* этих мест не изменился с тех пор, когда по нему бродили Достоевский и Раскольников.

С 1860 по 1873 год Федор Достоевский жил именно здесь, перемещая девять квартир. Больше всего времени ему пришлось обитать к северу от Сенной площади, между Гороховой и Садовой улицами и Вознесенским проспектом.

Это перенаселенные кварталы, прилежащие с юга к административному центру. Тут нет ни театров, ни учебных заведений, ни парков. Каменные ущелья доходных домов, амбары, рынки. Так что впрямь задумаешься, как Родион Раскольников: «Почему именно, во всех больших городах, человек не то что по одной необходимости, но как-то особенно склонен жить и селиться именно в таких частях города, где нет ни садов, ни фонтанов, где грязь и вонь, и всякая гадость».

Гороховая и Вознесенский вели соответственно в Семенцы и Роты — зафонтанные предместья, бывшие военные городки. Среди их жителей преобладали обитатели гвардейских казарм, с некоторым вкраплением студентов (рядом — институты: Технологический, гражданских инженеров, путей сообщения).

Полуостров, образуемый каналом рядом с Сенной площадью, называют Петербургом Достоевского. Здесь писатель прожил много лет, тут происходят основные события «Преступления и наказания». Петербург Достоевского — такой же топоним, как «Острова» или «Охта». Всякий в Питере покажет, как добраться до этой в некотором смысле измышленной части города. Вопрос о том, существует ли в реальности «Дом Раскольникова» или «Дом Рогожина», то есть имел ли Федор Михайлович в виду вполне определенные адреса, лестницы и чердаки, — дискуссионен. Петербуржцы, однако, твердо знают, где именно Свидри-

1. Семеновский плац
(ныне — Пионерская площадь)	14. Юсупов (Юсуповский) сад
2. Гороховая улица	15. Квартира Аполлона Майкова
3. Дом Домонтовичей	16. Кокушкин мост
4. Дом Петровых	17. Дом Зверкова
5. Казармы местных войск	18. Дом Астафьевой
6. Дом Яковлева	19. Колесоотбойные тумбы
7. «Дом Рогожина»	20. Дом Евреинова
8. Сенная площадь	21. Дом Олонкина
9. Сенной рынок	22. Здание Казенной палаты и губернского
казначейства
10. «Вяземская лавра»	23. «Дом Раскольников»
11. Гауптвахта Сенного рынка	24. «Кондитерская Миллера»
12. Дом Мейнгардта	25. «Дом Сонечки Мармеладовой»
13. Таиров переулок	26. Вознесенский мост

27. Дом Ширмера
28. Красноградский (раньше — Вознесенский) переулок
29. Здание Екатерининского общественного собрания
30. Квартира Галины Старовойтовой
31. Подъяческие улицы
32. Львиный пешеходный мост
33. Изгиб канала Грибоедова перед Театральной площадью
34. «Дом старухи-процентщицы»
35. Полицейская часть
36. Квартира Достоевских
37. Никольский морской собор

**Невский проспект
за Владимирской улицей (1855)**

**Бассейная от Знаменской
к Лиговскому каналу (1862)**

гайлов подслушал разговор Сонечки и Родиона Раскольников. И с этой виртуальной реальностью приходится считаться. Петербург Достоевского существует так же, как Лондон Диккенса или Париж Бальзака. Гулять здесь стоит, освежив в памяти историю, случившуюся однажды летом с неким нищим студентом и старухой-процентщицей.

Хотя значительная часть зданий здесь действительно сохранилась со времен Достоевского, улицы все же сильно изменились: булыжную мостовую сменила асфальтовая, бо́льшая часть домов подверглась капитальному ремонту или была надстроена, исчезли многие знаменитые рынки Садовой улицы, разрушены две главные высотные доминанты — церковь Вознесения Господня и церковь Спаса-на-Сенной.

Между Фонтанкой и каналом Грибоедова в старом Петербурге располагалась Спасская часть. Она лежала по обе стороны от Большой Садовой — главной в городе того времени торговой улицы. От Гостиного Двора до Крюкова канала тянулись рынки. В Апраксином дворе торговали дичью, фруктами, грибами и ягодами, на Сенном рынке — мясом и овощами, на Горсткином — рыбой, на Александровском — подержанными вещами, на Никольском — всем перечисленным, и там же нанимали на работу прислугу и поденщиков. Местность изобиловала ремесленными мастерскими, амбарами, недорогими трактирами. Население было крестьянским и купеческим. Много жило в этом районе бойких ярославцев — русских янки. Кишмя кишели нищие, карманные воры, спившиеся личности, дешевые проститутки. И хотя в советское время большинство рынков закрылось, район не потерял своего духа: здесь торгуют всякой недорогой всячиной, людно, много пьяных и бомжей, дома как-то особенно грязны и неухожены.

За каналом Грибоедова — Казанская часть, чуть более чистая и благоустроенная. Ее особенность — необычайно плотная жилая застройка, почти полное отсутствие зелени, дворы-колодцы. Во времена Достоевского на Мещанских улицах (Большая Мещанская сейчас называется Казанской, Средняя — Гражданской, Малая Мещанская — Казначейской) жило много протестантов, по преимуществу немцев. 35 % населения составляли католики и протестанты (выше, чем в среднем по городу, в 2 раза).

Вообще преобладал наплывной, неукорененный в городе элемент. Если в составе населения столицы урожденные петербуржцы составляли треть, то здесь их было всего 7%. Велика была доля родившихся за границей и в Прибалтике.

Большая часть доходных домов в середине XIX века уже была построена. Места здесь — чрезвычайно густонаселенные (плотность населения в 27 раз превышала среднюю по городу). Исследователь тогдашнего города отмечал: «Этот квартал... оказывается самым пестрым из всех, в нем стекаются представители решительно всех губерний и частей России и всех государств Западной Европы. В нем же коренное население, которое везде представляет избыток женщин, оказывается состоящим преимущественно из мужчин, а пришлое население, наоборот, преимущественно из женщин». Дело в том, что «упомянутые кварталы отличаются стечением большого количества одиночно и вместе живущих женщин легкого поведения, между которыми финляндки и курляндки на Сенной и лифляндки в Подъяческих занимают видное место».

Бликий знакомый Достоевского, автор имевшего сенсационный успех романа «Петербургские трущобы», Всеволод Крестовский писал об этих местах: «В Мещанских, на Вознесенском и в Гороховой сгруппировался преимущественно ремесленный, цеховой слой, с сильно преобладающим немецким элементом. Близь Обухова моста и в местах у церкви Вознесения Господня, особенно на Канаве, и в Подъяческих лепится население еврейское, — тут вы на каждом почти шагу встречаете пронырливо-озабоченные физиономии и длиннополые пальто с камлотовыми шинелями детей Израиля».

Плотная застройка этой части города, сохранившаяся до нашего времени, узкие дворы-колодцы, скучные, мрачные коридоры улиц, прорезаемые живописно изогнутым Екатерининским каналом (ныне — Грибоедова), придают кварталам Спасской и Казанской частей особое своеобразие. Эти районы и называют «Петербургом Достоевского».

Нелишним будет привести описание здешних дворов из тогдашних справочников и путеводителей: «Небольшие узкие дворы, окруженные со всех сторон четырех- и пятиэтажными флигелями, изображают собой скорее колодцы или ямы, чем дворы.

Между камнями булыжника всегда много мусора, который нельзя при всем старании дворников удалить прутьями метел. В боковых и задних частях дворов расположены коровники, конюшни, мусорные, навозные ямы и, наконец, простые общие отхожие места, изо всех этих помещений несется зловоние, распространяющееся по двору. На тех же дворах выгребные ямы покрыты люками с часто разломанными деревянными крышками. Иногда при домах бывают световые дворики, на них сваливается нередко всякий мусор, и они превращаются в помойную яму с невыносимым зловонием... Во многих домах существуют чердачные, подвальные и угловые помещения, густо заселенные. Все переустройства и переделки в этих домах сводились исключительно к тому, чтобы утилизировать каждый уголок дома, с целью вместить возможно большее число квартир.

Квартиры, которые находятся на вторых и задних дворах, имеют один ход — по темной, узкой, нередко зловонной лестнице, лестничные марши крутые, ступеньки и площадки мокры и скользкие от грязи и от изливающихся на них жидкостей из находящихся тут же простых отхожих мест. Хотя еженедельно, по субботам лестницы моются дворниками, но это мытье производится метлами, еще более размазывающими грязь, то оно собственно мытьем не может быть названо.

В первой комнате от входа в такие помещения находится плита, если же при квартире устроен ватерклозет, а не простое отхожее место, то он помещается тут же. Комнаты в этих квартирах очень маломерны, иногда высотой менее 3,5 аршин. Большей частью они состоят из 1, 2 или 3 больших комнат, разгороженных тоненькими, оклеенными дешевыми обоями переборками, чаще всего не доходящими до потолка. Поэтому при скудном освещении вообще такие квартиры превращаются во множество клетушек темных или полутемных, без всякой вентиляции, если не считать печь, с постоянной сыростью на стенах и на откосах окон. Иногда в этих же сырых помещениях находятся чугунные печки с длинными патрубками через всю комнату. К общей характеристике квартир в домах необходимо отчасти также и то, что редко можно видеть дома, в квартирах которых не было бы крыс, мышей, клопов и тараканов».

Словом, «пыль, кирпич и известка, опять вонь из лавочек и распивочных, опять поминутно пьяные, чухонцы-разносчики и полуразвалившиеся извозчики».

СЕМЕНОВСКИЙ ПЛАЦ

(ныне — Пионерская площадь)

Ранним утром 22 декабря 1849 года 21 карета с осужденными петрашевцами в сопровождении конвоя конных жандармов тронулись из Петропавловской крепости. Окружным путем они следовали на Семеновский плац — огромную площадь между Фонтанкой и Обводным каналом, предназначенную для строевых занятий трех расположенных поблизости гвардейских полков: Семеновского, Егерского, Московского.

Петрашевцев высадили из карет у казарм Семеновского полка, примерно на углу нынешних улиц Звенигородской и Марата (тогда — Николаевской). Семеновский плац покрывал снег. Было очень холодно. Приговоренных арестовали в апреле, и они мерзли в весенней одежде, в которой их взяли под стражу. На плацу и крышах близлежащих зданий скопились горожане, привлеченные необычным зрелищем.

«Была тишина, утро ясного зимнего дня, и солнце, только что взошедшее, большим, красным шаром блистало на горизонте сквозь туман сгущенных облаков», — вспоминал один из осужденных Дмитрий Ахшарумов.

«Направившись вперед по снегу, я увидел налево от себя, среди площади, воздвигнутую постройку — подмости, помнится, квадратной формы, величиною в три-четыре сажени, со входною лестницею, и все обтянуто было черным трауром — наш эшафот. Тут же увидел я кучку товарищей, столпившихся вместе и протягивающих друг другу руки и приветствующих один другого после столь насильственной злополучной разлуки... Лица их были худые, замученные, бледные, вытянутые, у некоторых обросшие бородой и волосами... Вдруг все наши приветствия и разговоры прерваны были громким голосом подъехавшего к нам на лошади генерала, как видно распоряжавшегося всем...

— Теперь нечего прощаться! Становите их, — закричал он... После того подошел священник с крестом в руке и, став перед

нами, сказал: „Сегодня вы услышите справедливое решение вашего дела, — последуйте за мною!“ Нас повели на эшафот, но не прямо на него, а обходом, вдоль рядов войск, сомкнутых в каре... Священник, с крестом в руке, выступал впереди, за ним мы все шли один за другим по глубокому снегу... Нас интересовало всех, что будет с нами далее. Вскоре внимание наше обратилось на серые столбы, врытые с одной стороны эшафота; их было, сколько мне помнится, много... Мы медленно пробирались по снежному пути и подошли к эшафоту. Войдя на него, мы столпились все вместе... Нас поставили двумя рядами перпендикулярно к городскому валу... Когда мы были уже расставлены в означенном порядке, войскам скомандовано было „на караул“, и этот ружейный прием, исполненный одновременно несколькими полками, раздался по всей площади свойственным ему ударным звуком. Затем скомандовано было нам „шапки долой!“

...После того чиновник в мундире стал читать изложение вины каждого в отдельности, становясь против каждого из нас... Чтение это продолжалось добрых полчаса, мы все страшно зябли. По изложению вины каждого, конфирмация оканчивалась словами: „Полевой уголовный суд приговорил всех к смертной казни — расстрелянием, и 19-го сего декабря государь император собственноручно написал: «Быть по сему»“.

Мы все стояли в изумлении; чиновник сошел с эшафота. Затем нам поданы были белые балахоны и колпаки, саваны, и солдаты, стоявшие сзади нас, одевали нас в предсмертное одеяние... Взошел на эшафот священник... „Братья! Пред смертью надо покаяться... Кающемуся Спаситель прощает грехи... Я призываю вас к исповеди...“

Никто из нас не отозвался на призыв священника — мы стояли молча... Тогда один из нас — Тимковский — подошел к нему и, пошептавшись с ним, поцеловал Евангелие и возвратился на свое место...

Священник ушел, и сейчас же взошли несколько человек солдат к Петрашевскому, Спешневу и Момбелли, взяли их за руки... подвели их к серым столбам и стали привязывать каждого к отдельному столбу веревками... Им затащили руки позади столбов и затем обвязали веревки поясом. Потом отдано было приказание „колпаки надвинуть на глаза“, после чего колпаки

опущены были на лица привязанных товарищей наших. Раздалась команда: „Клац“ — и вслед за тем группа солдат — их было человек шестнадцать, — стоявших у самого эшафота, по команде направила ружья к прицелу на Петрашевского, Спешнева и Момбелли...

Сердце замерло в ожидании, и страшный момент этот продолжался с полминуты... Но вслед за тем увидел я, что ружья, прицеленные, вдруг все были подняты стволами вверх. От сердца отлегло сразу, как бы свалился тесно сдавивший его камень. Затем стали отвязывать привязанных... и привели снова на прежние места их на эшафоте. Приехал какой-то экипаж — оттуда вышел офицер — флигель-адъютант — и привез какую-то бумагу, поданную немедленно к прочтению. В ней возвещалось нам дарование государем императором жизни и, взамен смертной казни, каждому, по виновности, особое наказание».

Достоевский был приговорен к четырем годам каторги и бессрочной солдатчине.

С петрашевцев сняли белые балахоны и капюшоны. На эшафот поднялись двое палачей. Они поставили на колени осужденных и у каждого над головой сломали шпагу. Затем каждый из осужденных получил арестантскую шапку, овчинный тулуп и сапоги, а на середину эшафота бросили груду кандалов. Двое кузнецов надевали на ноги осужденным тяжелые железные колоца и заклепывали их.

Воспоминание о Семеновском плаце навсегда осталось в памяти Достоевского. Он останавливался на нем и в своих устных рассказах, и в «Дневнике писателя». В романе «Идиот» воспоминание Достоевского об инсценировке казни вплелось в рассказ князя Мышкина о последнем дне приговоренного: «Потом, когда он простился с товарищами, настали те две минуты, которые он отсчитал, чтобы думать про себя; он знал заранее, о чем он будет думать: ему все хотелось представить себе как можно скорее и ярче, что вот как же это так: он теперь есть и живет, а через три минуты будет уже нечто, кто-то или что-то, — так кто же? Где же? Все это он думал в те две минуты решить. Невдалеке была церковь, и вершина собора с позолоченною крышей сверкала на ярком солнце. Он помнил, что ужасно упорно смотрел на эту крышу и на лучи, от нее сверкавшие; оторваться не мог от лучей:

Дом Домонтовичей,
Гороховая улица, 66

ему казалось, что эти лучи его новая природа, что он через три минуты как-нибудь сольется с ними».

Солнце играло на куполе Введенского собора, разрушенного в 1930-е годы (сейчас в скверике напротив Витебского вокзала — памятный знак на месте храма).

В конце XIX века на месте плаца был организован ипподром. На рубеже 1950–1960-х годов на месте бывшего ипподрома разбита Пионерская площадь, построено здание Театра юных зрителей, поставлен довольно нелепый и устрашающий памятник Александру Грибоедову.

ГОРОХОВАЯ УЛИЦА

Гороховая улица — одна из старейших в городе, ее трасса возникла еще при Петре I. Она входит в трехлучие улиц, сходящихся к Адмиралтейству, и его шпиль будет виден на всем протяжении нашего пути. Гороховая пересекает три протоки: Фонтанку, канал Грибоедова и Мойку и четыре части города Достоевского: казарменную в этом месте Московскую, торговую Спасскую, ремесленную Казанскую и аристократическую Адмиралтейскую.

Описание этой улицы мы находим в письме Макара Девушкина из «Бедных людей»: «Шумная улица! Какие лавки, магазины богатые; все так и блестит и горит, материя, цветы под стеклами, разные шляпки с лентами... богатая улица! Немецких булочников очень много живет в Гороховой; тоже, должно быть, народ весьма достаточный. Сколько карет поминутно ездит; как это все мостовая выносит!»

Это описание, конечно, иронично: Гороховая — главная улица, но в небогатом, ремесленном и чиновничьем районе города; ей далеко до Невского, Литейного, Морских.

Здесь же на Гороховой совершил свое преступление Николай Ставрогин — главный герой романа «Бесы». В своей исповеди он говорит: «Объявляю, что я забыл нумер дома. Теперь, по справке, знаю, что старый дом сломан, перепродан и на месте двух или трех прежних домов стоит один новый, очень большой... Квартира была на дворе, в углу. Все произошло в июне. Дом был светло-голубого цвета».

ДОМ ДОМОНТОВИЧЕЙ

Гороховая улица, 66

Один из немногих сохранившихся доходных домов пушкинского времени. Построен в 1820-е годы неизвестным архитектором. Выразителен внутренний двор, сохранились интерьеры лестничных клеток.

Дворы дома Петровых,
набережная реки Фонтанки, 92

ДОМ ПЕТРОВЫХ

Набережная реки Фонтанки, 92

У пересечения Фонтанки с Гороховой, по обе стороны Семеновского моста, расположены предмостные площади. Еще в 1760-е годы Комиссия о каменном строении Санкт-Петербурга во главе с архитектором А. Квасовым разработала проект планировки прилегающих к Фонтанке кварталов и предмостных площадей в местах пересечения с основными улицами.

Семеновская площадь — одна из трех сохранившихся с тех времен. Ее часть на левом берегу, включающая дом Петровых — полукруглая, на другой стороне Фонтанки — прямоугольная часть площади.

Дом построен в начале XIX века неизвестным архитектором. Интересен внутренний двор с цилиндрическим флигелем, имеющим самостоятельный абсолютно круглый внутренний дворик (1822, архитектор И. Шарлемань).

Флигель дома Петровых,
набережная реки Фонтанки, 92

КАЗАРМЫ МЕСТНЫХ ВОЙСК

Набережная реки Фонтанки, 90

Казармы перестроены архитектором Ф. Волковым в 1803 году. С 1817 года здесь квартировал лейб-гвардии Московский полк, почти в полном составе принявший участие в восстании декабристов. Ф. Достоевский не раз заходил сюда в 1847–1849 годах к офицеру полка, петрашевцу Н. Момбелли.

ДОМ ЯКОВЛЕВА

Садовая улица, 38

Угол Гороховой и Садовой улиц оформляет эффектная коринфская колоннада дома знаменитого заводчика и откупщика конца XVIII века С. Яковлева. Он построен в стиле классицизма неизвестным архитектором в 1780-е годы.

«ДОМ РОГОЖИНА»

Гороховая улица, 37

Здесь, возможно, происходила знаменитая финальная сцена романа «Идиот» — свидание Парфена Рогожина и князя Мышкина у тела убитой Рогожиным Настасьи Филипповны.

Приехавший из Москвы Мышкин, разыскивая Настасью Филипповну, пришел к Рогожину. «Дом этот был большой, мрачный, в три этажа, без всякой архитектуры, цвету грязно-зеленого. Некоторые, очень, впрочем, немногие дома в этом роде, выстроенные в конце прошлого столетия, уцелели именно в этих улицах Петербурга (в котором все так скоро меняется) почти без перемены. Строены они прочно, с толстыми стенами и с чрезвычайно редкими окнами; в нижнем этаже окна иногда с решетками. Большею частью внизу меняльная лавка. Скопец, заседающий в лавке, нанимает вверх. И снаружи, и внутри как-то негостеприимно и сухо, все как будто скрывается и таится, а почему так кажется по одной физиономии дома — было бы трудно объяснить. Архитектурные сочетания линий имеют, конечно, свою тайну. В этих домах проживают почти исключительно одни тор-

«Дом Рогожина»,
Гороховая улица, 37

говые. Подойдя к воротам и взглянув на надпись, князь прочел: „Дом потомственного почетного гражданина Рогожина“.

СЕННАЯ ПЛОЩАДЬ

Сенная площадь составляет естественный центр Садовой улицы. И поныне она одна из самых бойких и грязных в городе. Сомнительная репутация сложилась у площади с начала XVIII века, когда здесь образовался самый большой в городе открытый рынок, поначалу для торговли сеном.

Достоевский много лет прожил в районе Сенной. Здесь с ним произошел случай, который потом был перенесен в роман «Идиот»: «...вижу, шатается по деревянному тротуару пьяный солдат, в совершенно растерзанном виде. Подходит ко мне: „Купи, барин, крест серебряный...“ Вижу в руке у него крест, и, должно быть, только что снял с себя, на голубой, крепко заношенной ленточке, но только настоящий оловянный, с первого взгляда видно, большого размера, осьмиконечный, полного византийского рисунка. Я вынул двугривенный и отдал ему, а крест тут же на себя надел...»

А. Достоевская рассказывала: «Случай этот произошел с Федором Михайловичем в 1865 году, когда он, создавая роман «Преступление и наказание», часто ходил в местности около Сенной; Федор Михайлович мне его показывал. При отъезде за границу в 1867 году крест был оставлен в Петербурге в числе прочих вещей, но по нашем возвращении в 1871 году мы оставленных вещей не нашли. Таким образом, исчез и крест, о чем Федор Михайлович очень жалел».

Раскольников оказывался на Сенной много раз. Он «преимущественно любил эти места, равно как и все близлежащие переулки, когда выходил без цели на улицу. Тут лохмотья его не обращали на себя ничьего высокомерного внимания, и можно было ходить в каком угодно виде, никого не скандализируя». Вечером второго дня действия романа, когда «все торговцы на столах, на лотках, в лавках и лавочках запирали свои заведения, или снимали и прибирали свой товар, и расходились по домам, равно как и их покупатели», на углу Сенной площади и Конного (ныне — Гривцова) переулка он услышал разговор мещанской супружеской пары. Это были люди, торговавшие «с двух столов

товаром: нитками, тесемками, платками ситцевыми, и т. п.», а говорили они с младшей сестрой процентщицы Лизаветой. Из разговора этого он узнал, что завтра, ровно в семь часов вечера, Лизаветы дома не будет и что, стало быть, старуха ровно в семь вечера останется дома одна.

На этом же месте он оказался после убийства и увидел характерную сцену: «...на мостовой, перед мелочною лавкой, стоял молодой черноволосый шарманщик и вертел какой-то весьма чувствительный романс. Он аккомпанировал стоявшей впереди его на тротуаре девушке, лет пятнадцати, одетой как барышня, в кринолине, в мантильке, в перчатках и в соломенной шляпке с огненного цвета пером; все это было старое и истасканное. Уличным, дребезжащим, но довольно приятным и сильным голосом она выпевала романс, в ожидании двухкопеечника из лавочки».

Наконец, здесь же, на Сенной, Раскольников в конце романа «стал на колени среди площади, поклонился до земли и поцеловал эту грязную землю, с наслаждением и счастьем», и в это время «оборотившись влево, шагах в пятидесяти от себя он увидел Соню. Она пряталась от него за одним из деревянных барачков, стоявших на площади... Раскольников почувствовал и понял

в эту минуту, раз навсегда, что Соня теперь с ним навеки и пойдет за ним хоть на край света...»

Площадь начала перестраиваться и реконструироваться вскоре после смерти Достоевского.

В войну бомбой был разрушен дом в северо-западной части площади на углу с Конным (сейчас — Гривцова) переулка, и на его месте в 1950 году архитектор М. Климентов построил здание в стиле сталинского ампира. Перестроены были и другие дома на северной стороне площади.

Но самой большой утратой стал снос замечательной церкви Успения Пресвятой Богородицы (1765, архитектор Ф. Растрелли), которую в народе называли Спас-на-Сенной. Она была взорвана в 1961 году. На ее месте сейчас торговый центр и станции метро «Сенная площадь» и «Спасская».

Реконструкция Сенной площади продолжается, обещают восстановить храм.

СЕННОЙ РЫНОК

Остатки Сенного рынка сохранились и сейчас между Московским проспектом (раньше — Обуховским, чуть позже Забалканским) и улицей Ефимова (при Достоевском — Горсткиной).

Во времена Достоевского рынок был главным в Петербурге по продаже овощей, хотя здесь торговали и мясом, и рыбой.

Журналист А. Бахтиаров описывал утро на рынке так: «Пока обыватели столицы еще спят, из окрестностей Петербурга уже тянутся многочисленные обозы: немцы-колонисты везут картофель, чухны — рыбу, чухонское масло и молоко, огородники — зелень. Все это ни свет, ни заря сосредотачивается около Сенного рынка, где и производится так называемая возовая торговля. Некоторые торговцы, чтобы занять повыгоднее позицию, приезжают с товаром даже с вечера, часов в десять. Дюжие ломовики с громоздкими возами стоят сплошными рядами в несколько сот сажень. Возы не распаковываются, но чтобы показать в каком возу какой товар, перед каждым возом на земле лежит проба этого товара, например связка луку, пучок моркови и т. п.

Дородные, краснощекие зеленщики в белых передниках безукоризненной чистоты расхаживают около рынка в ожидании

открытия торгога. Чтобы раньше времени нельзя было проникнуть в овощные ряды, вход в рынок замкнут цепью.

Потирая от удовольствия руки, зеленщики возвращаются к своим лавкам. Ломовики с овощным товаром с Никольской площади подъезжают к Сенному рынку, который часам к четырем бывает со всех сторон окружен возами. В четыре часа приходит „ключарь“ и отворяет Сенной рынок. В это время и производится выгрузка овощного товара с воза огородника — в лавку торговца. Таким образом, обыватели столицы разную зелень покупают из вторых рук, так что ни одного огурца не пройдет мимо рук зеленщика. Маклаки и барышники скупают все и ночью складывают товар в свои лавки. Построенный из камня и железа, Сенной рынок представляет три огромных корпуса со стеклянными крышами; до 500 лавок расположены в четыре линии. Все лавки перенумерованы, и над каждой из них обозначена фамилия торговца; каждый торговец содержит приказчиков и так называемых молодцов, которые бывают заняты разноскою товара, так что на рынке ежедневно занято торговлею до 2000 народа.

В мясном ряду, в видах гигиенических, стены лавок обиты цинковыми листами. Все лавки загромождены мясными тушами, подвешенными за задние ноги на крючьях. Капли крови, стекая, попадают в деревянные опилки, нарочно посыпанные на полу. На прилавках лежат кучи „легких“ и „печенок“, переливающих темно-красными цветами. Точно живые, с открытыми глазами, висят вниз головой сотни замороженных зайцев, которых тысячами привозят новгородские крестьяне, продавая по 50 копеек за пару. На полках, вытянув ноги вверх и свесив вниз голову, лежит завернутая в бумагу разная дичь: тетерьки, рябчики и т. п. В корзинах правильными рядами разложены ощипанные и замороженные воробьи, свиристели и дупели. Нередко в одной корзине насчитывается до 1000 штук воробьев, которые продаются по 5 копеек за десяток. Тут же можно найти ощипанных голубей, которых продают под именем „пизонов“. Под лавками стоят огромные корзины с гусиными потрохами: отрезанная голова и гусиные лапки тщательно завязаны и продаются отдельно от гуся. Целые стада замороженной свинины расставлены на полу. На каждой свиной туше, на коже, вдоль позвоночника, сделан надрез, чтобы показать толщину жирового слоя. Свини-

на привозится в Петербург из хлебородных губерний, например из Тамбовской, где обыкновенно свиней откармливают на барде. В столице главные потребители свинины — пригородные чухны, большие охотники до свиного жира.

Мясники — в белых передниках, в кожаных нарукавниках. На широком кожаном поясе висит вложенный в ножны мясничий нож для разрубки говядины. Посреди лавки — огромная деревянная тумба, на которой производится разрубка мяса, тут же лежит топор. Каждый торговец заманивает покупателя в свою лавку.

По вечерам на Сенной рынок приходят содержатели всевозможных кухмистерских и ресторанов. Обитатели мебелированных комнат — самые надежные посетители этих злополучных кухмистерских, где за 30 копеек можно получить обед „с третьим блюдом“.

Нищие бродят на Сенном рынке целыми толпами: старики, женщины и дети. Торговцы не отказывают и подают „натурой“ — кто мяса, кто рыбы, кто зелени.

Ночлежный приют, находящийся около Сенного рынка, процветает на счет этого рынка. Ежедневно по утрам отправляется из приюта один из ночлежников за провизией на рынок: он надевает на плечи глубокую плетеную корзину на ремнях, и с нею обходит все ряды Сенного рынка. На корзине имеется надпись „в пользу ночлежного дома“. Корзина разделена на два отделения с надписью: „для мяса“ и „для зелени“. Большая часть торговцев Сенного рынка жертвует в пользу приюта.

«ВЯЗЕМСКАЯ ЛАВРА»

Район Садовой, и особенно Сенная площадь, были полны нищими, ворами, всякого рода люмпенами. Сенная — многолюдна, грязна, славилась низкопробными заведениями, трактирами, кабаками. Особенно была знаменита «Вяземская лавра» — трущобный квартал к югу от площади.

Вяземский дом выходил двумя большими флигелями на Забалканский (ныне — Московский) проспект и одним на Фонтанку. Во флигелях по Забалканскому проспекту помещались трактир, «семейные бани», питейный дом и множество торговых заведений.

Во дворе Вяземского дома находилось еще четыре жилых флигеля, бани и множество разных кладовых, где хранились товары торговцев Сенного рынка. В этих флигелях размещались постоянный двор и чайная, которую местные обитатели называли «мышеловкой»: сюда часто в поисках преступников заглядывала сыскная полиция и возвращалась всякий раз с уловом.

Примерно полторы сотни квартир во флигелях «Вяземской лавры» занимали даже не беднота, а те, кого Горький в будущем назовет босяками: люди, дошедшие до крайности, готовые на преступление, сбившиеся с круга, потерявшие человеческий облик, полунагие и полуголодные. В субботу вечером и в воскресенье почти все перепивались, следствием чего были шум, гам, безобразные песни, кровавые драки и оргии.

В «Преступлении и наказании», рассказывая о своей бурной биографии, Свидригайлов как о последней степени падения говорит: «в доме Вяземского на Сенной в старину ночевывал».

Как сказано в «Преступлении и наказании»: «...квартал был таков, что костюмом здесь было трудно кого-нибудь удивить. Близость Сенной, обилие известных заведений и, по преимуществу, цеховое и ремесленное население, скученное в этих срединных петербургских улицах и переулках, пестрили иногда общую панораму такими субъектами, что странно было бы и удивляться при встрече с иною фигурой».

Так что лохмотья Раскольникова не вызывали здесь ничего удивления. Только «один пьяный, которого неизвестно почему и куда провозили в это время по улице в огромной телеге, запряженной огромною ломовою лошадью, крикнул ему вдруг, проезжая: „Эй ты, немецкий шляпник!“ Здесь «...около харчевен в нижних этажах, на грязных и вонючих дворах домов Сенной площади, а наиболее у распивочных, толпилось много разного и всякого сорта промышленников и лохмотников».

Дом Вяземского в начале XX века был перестроен.

ГАУПТВАХТА СЕННОГО РЫНКА

Садовая улица, 37

Одно из немногих сохранившихся на площади со времени Достоевского зданий — Гауптвахта Сенного рынка — изящный

Гауптвахта Сенного рынка,
Садовая улица, 37

павильон в стиле классицизма напротив станции метро «Сенная площадь» (1820, архитектор В. Беретти). В XIX веке тут располагался воинский караул, надзиравший за порядком на рынке, и здесь же находились помещения для кратковременного содержания арестантов.

В 1873 году, редактируя журнал «Гражданин», Достоевский поместил на его страницах заметку Владимира Мещерского «Киргизские депутаты в Петербурге», где приводились слова Александра II, обращенные к депутатам (сами по себе абсолютно незначительные). Однако по действовавшему закону, слова императора могли быть напечатаны только с разрешения министра императорского двора. Достоевский не знал этого правила и был приговорен к небольшому штрафу и двум суткам ареста на гауптвахте. Друзья писателя добились для него возможности отбывать наказание в момент, когда это будет ему максимально удобно.

21 и 22 марта 1874 года Достоевский провел в Гауптвахте Сенного рынка. Заключение не было обременительным. У Федора Михайловича были собственные постельные принадлежности и «Отверженные» Гюго, которых он с удовольствием перечитывал. В камере находился еще какой-то ремесленник, постоянно спавший. Пять раз за два дня писателя навещала любящая жена, были у него живший поблизости старый друг, поэт А. Майков, и молодой писатель Вс. Соловьев. Детям сказали, что отец уехал в Москву. На третий день они встречали его веселого и с игрушками (по пути Достоевский заехал в Гостиный двор).

ДОМ МЕЙНГАРДТА

Садовая улица, 44

На углу Садовой улицы и Таирова переулка (сейчас — переулок Бринько) — дом Мейнгардта. Изначально он принадлежал домовладельцу Таирову, по имени которого и был назван переулок. В этом доме в 1831 году в разгар холерной эпидемии находилась больница. Толпа черни, считая немцев-докторов виновниками эпидемии, ворвалась в больницу и нескольких из них убила.

В 1856 году дом был перестроен для домовладельца Мейнгарда архитектором А. Ланге. Это один из первых в Петербурге доходных домов, в котором, в духе начинавшей тогда господ-

ствовать эклектики, использован стиль Людовика XV — ранний классицизм. Сочетание широких окон-витрин первого этажа с лепниной фасада в духе середины XV века делает композицию здания противоречивой.

Это типичный пример нелюбимой Достоевским, современной ему архитектуры, в которой заказ владельца архитектору формулируется, по его словам, так: «Дожевское-то окно ты мне, братец, поставь неотменно, потому чем я хуже какого-нибудь ихнего голоштанного дожа; ну, а пять-то этажей ты мне все-таки выведи жильцов пускать; окно окном, а этажи чтобы этажами; не могу же я из-за игрушек всего нашего капиталу лишиться». В доме Мейнгардта находился, вероятнее всего, и тот трактир «Хрустальный дворец», в котором Раскольников вначале полупризнается Заметову в совершенном преступлении, а потом выслушивает исповедь Свидригайлова.

О таких трактирах в Спасской части местный полицейский врач сообщал следующее: «Большинство трактиров предназначено для известного рода постоянных посетителей, меньшинство рассчитано на случайную публику. Население здесь состоит из торгового и рабочего класса. Десятки тысяч разносчиков, кустарей, мастеровых, угловых жильцов, часто озябших, усталых или желающих угостить своих родных, приятелей, и не имеющих никаких удобств в своем углу, на квартире, стреляют сюда и с раннего утра до позднего вечера одна толпа сменяет другую...

Черная публика вносит с собою в трактир и специфический запах, и дым махорки, и грязь, после каждого такого посетителя требуется радикальная чистка того места, где он сидел. Всякий трактир состоит из двух отделений: чистой и черной половины. Первая помещается во втором этаже, вторая чаще в первом. В первой комнате чистой половины устроен буфет. В этой комнате, как и во всех остальных, стоят столы, покрытые белыми скатертями, и мягкая мебель. В одной комнате установлен орган. В разных углах комнат стоят комоды со столовым бельем. Двери и окна убраны драпировками, которые в иных случаях оборваны, покрыты пылью и лишь усугубляют общую неопрятность помещения.

Черная половина состоит из 2–4 комнат и из отдельного угла для булочника, здесь мебель простая, столы покрыты цветными

скатертями, обои проще, засаленные и часто оборванные. На кухне плита с двумя медными кубами для кипятка, повар и кухонный мужик.

Большинство трактиров торгует только водкой, чаем и кипятком, они вовсе не готовят ничего съестного и держат на буфете только соленую закуску для выпивки. В кухне они допускают за особую плату приготовление пищи живущим в доме и сами стряпают лишь для своих служащих. Но так как посетитель может потребовать поесть, то для удовлетворения этой потребности при трактире имеется съестник (булочник), снимающий за арендную плату угол, где и торгует булками и разной провизией наподобие закусочных лавок».

В таком же трактире, на темной половине происходит в романе встреча Раскольников с Мармеладовым.

ТАИРОВ ПЕРЕУЛОК

(ныне — переулок Бринько)

Изогнутый под прямым углом, Таиров переулок ведет с Сенной площади на Садовую улицу. Этот переулок был памятен Достоевскому с молодости. Здесь, в доме де Роберти (сейчас дом № 4) печатался тот самый журнал «Репертуар и пантеон», где в 1844 году появилась его первая публикация — перевод «Евгении Гранде».

«Петербург. Календарь на 1870 год» сообщал: «Около Сенной, в Таировом переулке, помещаются три дома терпимости в подвальном этаже дома с дверьми прямо на улицу. У этих дверей, начиная с 10 часов, каждую ночь стоят дежурные проститутки, и громко с нескромными жестами зазывают в свой приют. Приюты в Таировом переулке до того плохи и до того грязны, что кислый и отвратительный запах разит прохожего в летнее время даже через переулок на противоположном тротуаре. Несчастные жертвы, высылаемые хозяйками на дежурство, стоят на холоде и дожде, покрытые каким-то отрепьем. Самые помещения вышеозначенных домов грязны, тесны и зловонны до того, что пишуший эти строки не мог в них без головокружения пробыть более получаса. Женщины почти всегда пьяные, одетые нестерпимо грязно, непричесанные и ведут себя с крайним цинизмом».

Этот район вообще был рассадником проституции. Из 155 домов терпимости в 1869 году 46 находилось в Спасской, а 31 в Казанской части — то есть там, где живут почти все герои «Преступления и наказания». Проституток в городе в том же году насчитывалось по официальной статистике 6366 (одна на 52 женщины и 68 мужчин, живших в Петербурге). Из них 26% прежде были служащими или чернорабочими; 9% — белошвейками; 8%, как Сонечка Мармеладова, жили «при родных»; 14% проституток были моложе 20 лет (как та пьяная девочка, которую Раскольников встретил на Конногвардейском бульваре и попытался спасти от развратного негодяя); 37% — между 20 и 25, 26% — между 25 и 30 годами. Более трети проституток были больны венерическими болезнями.

В этом районе проживали и те, чьим источником средств была торговля «живым товаром» (вроде приятельницы Свидригайлова мадам Ресслих). О них автор специального исследования сообщал: «Этих агентов-продавцов... чаще всего можно видеть гуляющими на улицах, сидящими на скамейках бульваров, стоящими поблизости тех магазинов, куда хозяйки чаще всего посылают своих мастериц или прислугу за различными покупками. Тут они сторожат своих жертв: как только покажется посланная

Таиров переулок
(ныне — переулок Бринько)

за чем-либо молодая девушка, к ней подходит прилично одетая дама или мужчина с вопросом, не нуждается ли она в новом, „очень хорошем“ месте... Люди эти стараются приобрести как можно более широкое знакомство, проникают в семейства, где об их ремесле и не подозревают, и выступают со своими предложениями в тот момент, когда на данную семью обрушиваются материальные невзгоды».

В Таиров переулоч заходил с Сенной площади Раскольников. «Он и прежде проходил часто этим коротеньким переулочком, делающим колено и ведущим с площади в Садовую... Тут есть большой дом, весь под распивочными и прочими съестно-выпивательными заведениями; из них поминутно выбегали женщины, одетые, „как ходят по соседству“ — простоволосые и в одних платьях. В двух-трех местах они толпились на тротуаре группами, преимущественно у сходов в нижний этаж, куда, по двум ступенькам, можно было спускаться в разные весьма увеселительные заведения. В одном из них, в эту минуту, шел стук и гам на всю улицу, тренькала гитара, пели песни, и было очень весело. Большая группа женщин толпилась у входа; иные сидели на ступеньках, другие на тротуаре, третьи стояли и разговаривали. Подле, на мостовой, шлялся, громко ругаясь, пьяный солдат с папироской и, казалось, куда-то хотел войти, но как будто забыл куда. Один оборванец ругался с другим оборванцем, и какой-то мертво-пьяный валялся поперек улицы».

Раскольников вступил в разговор с проститутками, дал одной из них, Дуклиде, 15 копеек.

ЮСУПОВ (ЮСУПОВСКИЙ) САД

Отсутствие зелени в центре Петербурга, отвратительное санитарное состояние большей части города делало каждый сад или сквер значимым для горожан. Пейзажный сад с живописным прудом был частью огромной усадьбы князей Юсуповых. Главный фасад дворца Юсуповых, возведенного Кваренги, выходит на Фонтанку, в сторону парка обращены белоколонный портик и протяженная терраса с широкой лестницей.

Пруд зимой заливался и здесь был один из немногих в городе и оттого особенно популярных публичных катков. Во времена

Достоевского сад не был особенно презентабелен. Как отмечал бытописатель Петербурга В. Михневич, «в нем есть и деревья, и кусты, и пруд, и даже фонтан; но вся эта „природа“ имеет какой-то отварной и прелый вид. В его аллеях встречаются по преимуществу хворые, убогие, униженные и оскорбленные». Раскольников, «проходя мимо Юсупова сада... даже очень было занялся мыслью об устройстве высоких фонтанов и о том, как бы они хорошо освежали воздух на всех площадях. Мало-помалу он перешел к убеждению, что если бы распространить Летний сад на все Марсово поле и даже соединить с дворцовым Михайловским садом, то была бы прекрасная и полезнейшая для города вещь».

КВАРТИРА АПОЛЛОНА МАЙКОВА

Садовая улица, 51

Поэт А. Н. Майков (1821–1897) — ровесник и ближайший знакомый Достоевского на протяжении большей части его жизни. С 1840-х годов, когда Достоевский с ним впервые познакомился, и до смерти Федора Михайловича поэт прожил в доме Адама напротив Юсуповского сада.

Юсупов (Юсуповский) сад

Отец Майкова — Николай Аполлонович, известный живописец николаевского времени; младшие братья — Валериан (рано умерший, подававший большие надежды литературный критик), Леонид (филолог, академик) и Владимир (переводчик) — жили литературой, историей, искусством. Их дом с середины 1840-х годов стал популярным литературным салоном, особенно значимым для Достоевского после его разрыва с кругом Белинского. Домашний учитель старших детей Майковых, будущий знаменитый русский писатель И. Гончаров, вспоминал: «Дом... кипел жизнью, людьми, приносившими сюда неистощимое содержание из сферы мысли, науки, искусств, молодые ученые, музыканты, живописцы, многие литераторы из круга 30-х и 40-х годов, все толпились в не обширных, не блестящих, но уютных залах квартиры, и все, вместе с хозяевами, составляли какую-то братскую семью или школу, где все учились друг у друга, разменивались занимавшими тогда русское общество мыслями, новостями науки, искусств. Старик Майков радовался до слез всякому успеху и... всякому движению вперед во всем, что было доступно его уму и воображению».

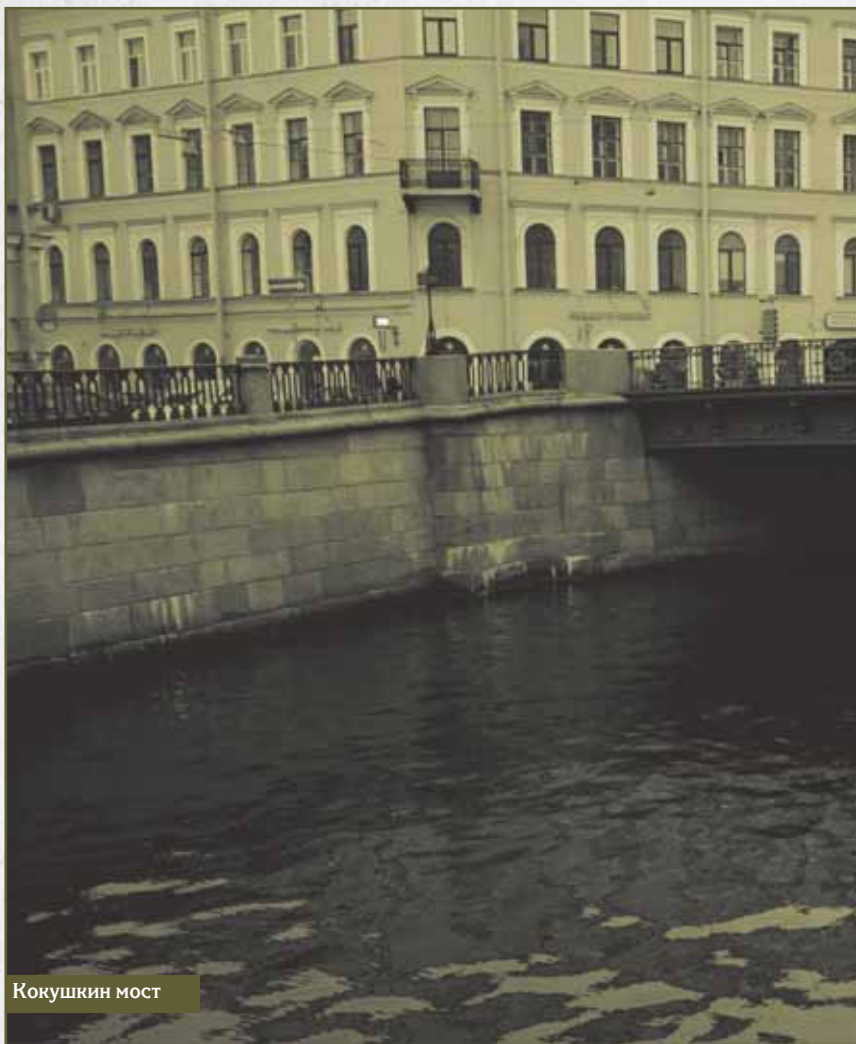
Достоевский вспоминал гостеприимную семью Майковых в Петропавловской крепости, писал А. Майкову из Сибири. Майков ввел Достоевского в новую литературную ситуацию столицы после его возвращения с каторги, расширил круг его писательских знакомств. Практически идентичной оставалась и их политическая позиция, и эстетические воззрения. «Милейший и драгоценнейший друг Аполлон Николаевич» (так Достоевский титуловал его в письмах) хлопотал о литературных и житейских делах Достоевского, пока тот был вне Петербурга. Майков был крестным отцом дочерей Достоевского — Сони и Любы. Когда жена Достоевского с детьми уезжала на лето в Старую Руссу, Достоевский обедал у Майковых. Словом, поэт и его семья были самыми близкими друзьями Достоевского в литературном мире.

КОКУШКИН МОСТ

От Садовой улицы к Екатерининскому каналу (ныне — каналу Грибоедова) ведет самый короткий в Петербурге Кокушкин

Квартира Аполлона Майкова,
Садовая улица, 51

Кокушкин мост

переулок. В его створе — Кокушкин мост. Мост существовал здесь с 1780-х годов, во времена Достоевского был деревянным. В 1946 году на его месте построили поныне существующий стальной.

Первые строчки «Преступления и наказания»: «В начале июля, в чрезвычайно жаркое время, под вечер, один молодой человек вышел из своей каморки, которую нанимал от жильцов в С-м переулке, на улицу и медленно, как бы в нерешимости, отправился к К-ну мосту». Переулок — Столярный, мост — Кокушкин.

Мост известен еще автоэпиграммой Пушкина:

Вот перешед чрез мост Кокушкин,
Опершись ж... о гранит,
Сам Александр Сергеич Пушкин
С мсье Онегиным стоит.
Не удостоивая взглядом
Твердыню власти роковой,
Он к крепости стал гордо задом:
Не плюй в колодец, милый мой.

На Кокушкином мосту Раскольников на следующий день после убийства решил «схоронить концы»: «бросить все в канаву, и концы в воду, и дело с концом». Но это представлялось невозможным — на набережных в этот час народу было множество: «Он бродил по набережной Екатерининского канала уже с полчаса, а может и более, и несколько раз посматривал на сходы в канаву, где их встречал. Но и подумать нельзя было исполнить намерение: или плоты стояли у самых сходов и на них прачки мыли белье, или лодки были причалены, и везде люди так и кишат...»

После встречи со Свидригайловым в трактире на Забалканском Раскольников встал на этом мосту, ведущем к его дому, «остановился у перил и стал задумчиво смотреть на воду. А между тем над ним стояла Авдотья Романовна». Дуня не окликнула брата, «она заметила поспешно подходящего со стороны Сенной Свидригайлова... Он не взошел на мост, а остановился в стороне, на тротуаре, стараясь всеми силами, чтоб Раскольников не увидал его».

ДОМ ЗВЕРКОВА

Набережная канала Грибоедова, 69

Рядом с Кокушкиным мостом на углу Столярного переулка и канала Грибоедова находится один из самых больших в Петербурге середины XIX века доходных домов — дом Зверкова. Этот первый в Петербурге пятиэтажный жилой дом был построен в 1827 году. В начале следующего столетия его надстроили еще одним, шестым этажом.

Зверков — известный в городе ростовщик, кредитор Пушкина. Молодой Гоголь жил в этом доме с 1829 по 1833 год. Он вспомнил дом Зверкова в бесконечном монологе Поприщина, героя «Записок сумасшедшего». Безумный чиновник Поприщин подслушал разговор двух собачек Фиделя и Меджи и последовал за ними: «Перешли в Гороховую, поворотили в Мещанскую, оттуда в Столярную, наконец к Кокушкину мосту и остановились перед большим домом. „Этот дом я знаю, — сказал я сам себе. — Это дом Зверкова“. Эка машина! Какого в нем народа не живет: сколько кухарок, сколько приезжих! а нашей братьи чиновников — как собак, один на другом сидит».

Этот прилегающий к Сенной с севера район Гоголь вспомнил и в «Невском проспекте», когда, преследуя хорошенькую блондинку, герой повести, поручик Пирогов, оказался в Мещанской улице — улице «табачных и мелочных лавок, немцев-ремесленников и чухонских нимф». Где-то здесь, по-видимому, жил и Акакий Акакиевич Башмачкин, герой «Шинели».

Здесь же, у Кокушкина моста, произошло действие фантастической петербургской повести М. Лермонтова «Штосс». «По тротуарам лишь изредка хлопали калоши чиновника, — да иногда раздавался шум и хохот в подземной полпивной лавочке, когда оттуда вытаскивали пьяного молодца в зеленой фризовой шинели и клеенчатой фуражке. Разумеется, эти картины встретили бы вы только в глухих частях города, как например... у Кокушкина моста». В этом районе, в доме Штосса, в Столярном переулке («Грязный переулок, в котором с каждой стороны было не более 10 высоких домов»), ведомый непонятным для него самого стремлением, поселился герой повести, художник Лугин.

ДОМ АСТАФЬЕВОЙ

Казначейская улица, 1

Здесь, на углу Екатерининского канала (ныне — канала Грибоедова) и Казначейской (в те времена она называлась Малой Мещанской) улицы, Достоевский прожил с сентября 1861 по август 1863 года. Его квартира из пяти комнат (в ней он жил с первой женой М. Д. Исаевой и пасынком П. Исаевым) находи-

лась во втором этаже. В этом же доме жил старший брат Достоевского Михаил со своим многочисленным семейством. У него на квартире помешалась редакция журнала «Время», который братья Достоевские начали издавать с января 1861 года.

Журнал стал быстро набирать популярность и увеличивать тираж. Биограф Достоевского, публицист и идеолог журнала Н. Страхов писал: «Причинами такого быстрого и огромного успеха „Времени“ нужно считать прежде всего имя Ф. М. Достоевского, которое было очень громко, история его ссылки в каторгу была всем известна, она поддерживала и увеличивала его литературную известность... „Мое имя стоит миллиона“, — сказал он мне как-то в Швейцарии с некоторою гордостью».

Большинство постоянных сотрудников жили поблизости от Малой Мещанской. Редакция журнала была одновременно и литературным салоном, где собирались постоянные авторы. «Первое место в кружке занимал, конечно, Федор Михайлович, — пишет Страхов, — он был у всех на счету крупного писателя и первенствовал не только по своей известности, но и по обилию мыслей, и горячности, с которою их высказывал».

Достоевский опубликовал во «Времени» воспоминание о каторге «Записки из Мертвого дома», роман «Униженные и оскорбленные», большую статью о первом своем путешествии за границу «Зимние заметки о летних впечатлениях». Он вел фельетон, участвовал в заказе и отборе материалов для журнала.

Переутомление обострило болезнь Достоевского — эпилепсию. Припадки болезни случались с ним примерно раз в месяц, и после них он некоторое время не мог работать. Постоянное безденежье, обилие срочной работы приводили к тому, что, по словам Страхова, «обыкновенно ему приходилось торопиться, писать к сроку, гнать работу и нередко опаздывать с работою... Распорядительности и сдержанности в расходах у него не было... И вот он всю жизнь ходил, как в тенетах, в своих долгах и всю жизнь писал торопясь и усиливаясь. Писал он почти без исключения ночью. Часу в двенадцатом, когда весь дом укладывался спать, он оставался один с самоваром и, попивая не очень крепкий и почти холодный чай, писал до пяти и шести часов утра. Вставать приходилось в два, даже в три часа пополудни, и день проходил в приеме гостей, в прогулке и посещениях знакомых».

Семейная жизнь Достоевского приносила ему мало радости. Мария Дмитриевна уже тяжело болела. Она обладала, по словам Достоевского, «странным, мнительным и болезненно фантастическим» характером. Детей в этом браке не было и уже не могло быть, а Достоевский мечтал о «великом и единственном человеческом счастье — иметь родное дитя». Последние годы супруги провели больше порознь, чем вместе. Умиравшая от туберкулеза М. Исаева-Достоевская не переносила петербургский климат и жила в основном во Владимире и Москве. Неудачны были и другие сердечные увлечения писателя этого времени, прежде всего, отношения с А. П. Сусловой, послужившей прототипом многих «роковых» женщин из его романов (Полины из «Игрока», отчасти Грушеньки из «Братьев Карамазовых» и Настасьи Филипповны из «Идиота»).

Начало 1860-х годов — время Великих реформ царствования Александра II: освобождение политических заключенных, значительное ослабление цензуры, падение крепостного права. Подавляющее большинство органов печати, традиционно игравших в России роль квазипартий, восторженно приветствовали эти либеральные шаги. Не был поначалу исключением и журнал Достоевского. В нем публиковались в то время писатели, вскоре ставшие идеологическими противниками Федора Михайловича: М. Салтыков-Шедрин, Н. Некрасов, Н. Лесков; близок к журналу был и крупнейший русский драматург А. Островский. Видное место занимали переводы: печатались Э. По, В. Гюго, Г. Гейне, И. Тэн, Б. Ауэрбах, Э. Ренан, Ф. Шпильгаген.

Вокруг журнала формировался кружок постоянных авторов, соединенных общими политическими и идеологическими взглядами и личной дружбой. Большая их часть — сверстники Достоевского: им в описываемое время было близко к сорока годам. С некоторыми из них писатель сблизился еще со времен кружка петрашевцев. Это — поэты А. Майков, Я. Полонский, А. Плещеев, критики А. Григорьев и Н. Страхов. Николай Страхов вспоминал: «Летом 1861 года я переехал с Васильевского острова на Большую Мещанскую (ныне — Казанскую) в дом против Столярного переулка. Редакция была у Михаила Михайловича, жившего в Малой Мещанской, в угольном доме, выходившем на Екатерининский канал... Ап. Григорьев... ютился в мебели-

рованных комнатах на Вознесенском проспекте... нам было близко друг к другу; но мне живо вспомнился тогдашний низменный характер этих улиц, грязноватых и густо населенных петербургским людом третьей руки. Во многих романах, особенно в „Преступлении и наказании“, Федор Михайлович удивительно схватил физиономию этих улиц и этих жителей».

Между тем, политическая ситуация в стране менялась. Симпатии студенчества и радикальной интеллигенции склонялись к партии, представленной в печати журналом «Современник», возглавляемым Н. Чернышевским, Н. Некрасовым и М. Салтыковым-Щедриным. «Современник» исповедовал последовательное западничество с социалистическим и материалистическим оттенком; в литературе его авторы придерживались обязательного реализма.

«Время», напротив, все больше самоопределялось как орган «почвенников» — русских националистов. Полемика с «нигилистами», приверженцами «Современника», становилась одной из главных задач журнала. С обеих сторон она велась ожесточенно, сопровождалась личными оскорблениями.

Итогом либерального возбуждения начала 1860-х годов явилось вспыхнувшее весной 1863 года восстание в русской Польше. Последователи «Современника» поддержали, явно или молчаливо, поляков; большая часть русского общества, в том числе и Достоевский, были настроены полонофобски.

По иронии судьбы «Время» было закрыто в мае 1863 года именно из-за событий в Польше. Антипольская статья Н. Стрехова «Роковой вопрос» была интерпретирована цензурой как полонофильская.

Вскоре Достоевский отправился в Париж к своей тогдашней роковой возлюбленной Аполлинарии Сусловой.

КОЛЕСООТБОЙНЫЕ ТУМБЫ

Казначейская улица, 4

Возле арки проходного двора в доме № 4 по Казначейской улице, как и во времена Достоевского, стоят две гранитные колесотбойные тумбы. Указом 1816 года предписывалось установ-

Колесоотбойные тумбы,
Казначейская улица, 4

ливать колесоотбойные столбики и по краям тротуаров на расстоянии «от 2 до 3 сажень один от другого. Столбики сии будут в 3 фута вышины. Владельцы домов могут употреблять чугунные или гранитные столбики, но величина их и форма должны быть по данной модели».

Столбики, ограждавшие проезжую часть от тротуара, позже сняли за ненадобностью. Кое-где, как в этом доме, сохранились колесоотбойные тумбы. Они нужны были для того, чтобы «отбивать колеса» карет и экипажей, не позволяя им оббивать углы стен. Гранитные или чугунные столбы диаметром 30–40 сантиметров и высотой 140–150 сантиметров вкапывались на глубину около 30 сантиметров. У каждого каменного дома с внутренним двором обязательно стояли четыре такие тумбы — с внешней и внутренней сторон арки.

ДОМ ЕВРЕИНОВА

Казначейская улица, 9

В этом доме Достоевский жил в апреле — августе 1864 года.

После запрещения «Времени» братья Достоевские и другие сотрудники закрытого журнала решили издавать новый — им стал журнал «Эпоха», начавший выходить в марте 1864-го.

Достоевский переехал в дом Евреинова вскоре после обрушившейся на него череды несчастий. 15 апреля 1864 года умерла от туберкулеза после долгих мучений его первая жена, оставив на руках Достоевского пятнадцатилетнего пасынка, плохо воспитанного и ленивого. 10 июля того же года неожиданно ушел из жизни любимый старший брат Михаил. После его смерти Достоевский писал другому брату, Андрею: «Этот человек любил меня больше всего на свете, даже больше жены и детей, которых он обожал. Вероятно, тебе уже от кого-нибудь известно, что в апреле этого же года я схоронил жену, в Москве, где она умерла в чахотке. В один год моя жизнь как бы надломилась. Эти два существа долгое время составляли все в моей жизни. Впереди холодная, одинокая старость, и падучая болезнь моя... У семейства ни гроша и все несовершеннолетние. Все плачут и тоскуют. Разумеется, я теперь им слуга. Для такого брата, каким он был, я и голову, и здоровье отдам».

После Михаила Достоевского осталось 300 рублей, на которые его похоронили, 25 000 рублей долгу, вдова и шестеро детей без средств к существованию.

7 октября — новый удар, смерть Аполлона Григорьева — главного, после Достоевского, сотрудника «Эпохи». Последние номера «Эпохи» Достоевский делает фактически один на деньги, взятые в долг. Но журнал не имел успеха и в январе 1865 года закрылся, оставив новые долги.

Достоевский писал в это время одному из лучших своих друзей А. Врангелю: «И вот я остался вдруг один, и стало мне просто страшно. Вся жизнь переломилась разом надвое... О друг мой, я охотно бы пошел опять в каторгу на столько же лет, чтобы только уплатить долги и почувствовать себя опять свободным. Теперь опять начну писать роман из-под палки, то есть из нужды, наскоро... А между тем, все мне кажется, что я только что собираюсь жить. Смешно, не правда ли? Кошачья живучесть!..»

ДОМ ОЛОНКИНА

Казначейская улица, 7

В этом доме Достоевский прожил с августа 1864 по февраль 1867 года. При Достоевском дом был трехэтажным. В 1970-е го-

Дом Евреинова,
Казначейская улица, 9

ды надстроили четвертый этаж. Квартира Достоевского находилась во втором этаже над воротами.

Если Малая Мещанская (Казначейская) была улицей не слишком престижной, то Столярный переулок считался местом в высшей степени плебейским. «Петербургский листок» за 1865 год сообщал: «В Столярном переулке находится шестнадцать домов (по восемь с каждой стороны). В этих шестнадцати домах помещается восемнадцать питейных заведений, так что желающие насладиться подкрепляющей и увеселяющей влагой, придя в Столярный переулок, не имеют даже никакой необходимости смотреть на вывески: входи себе в любой дом, даже на любое крыльцо — везде найдешь вино».

А. Достоевская вспоминала: «Дом был большой со множеством мелких квартир, населенных купцами и ремесленниками. Он мне сразу напомнил тот дом в романе „Преступление и наказание“, в котором жил герой романа Раскольников... Кабинет Федора Михайловича представлял собою большую комнату в два окна... производившую тяжелое впечатление: в ней было сумрачно и безмолвно; чувствовалась какая-то подавленность от этого сумрака и тишины. В глубине комнаты стоял мягкий диван, крытый коричневой, довольно подержанной материей; перед ним круглый стол с красной суконной салфеткой. На столе лампа и два-три альбома; кругом мягкие стулья и кресла». Скромно обставлена была и столовая. В отдельной комнате жил папынок писателя.

Преследуемый кредиторами, Достоевский заключил кабальный договор с петербургским издателем Ф. Стелловским. Он продал ему право на издание трехтомного собрания сочинений и обязался за год, к 1 ноября 1866 года, написать новый роман объемом не менее 10 печатных листов. В случае просрочки все права на сочинения Достоевского в течение девяти последующих лет переходили к Стелловскому. Одновременно писатель взял аванс под еще один роман (будущее «Преступление и наказание») у редактора московского журнала «Русский Вестник» М. Каткова.

Большую часть романа Достоевский писал в Германии и под Москвой, на даче у сестры. В январе 1866 года первые главы «Преступления и наказания» вышли из печати. «Роман мой удал-

Мемориальная доска на доме Олонкина,
Казначейская улица, 7

ся чрезвычайно и поднял мою репутацию как писателя. Вся моя будущность в том, чтобы окончить его хорошо», — писал он под впечатлением от успеха начала романа.

Вернувшись осенью 1866 года из Москвы, Достоевский оказался в безвыходной ситуации. Его осаждали кредиторы, грозя долговой тюрьмой. Необходимо было заканчивать «Преступление и наказание», а роман для Стелловского еще даже не был начат. Друзья-писатели предлагали Федору Михайловичу помощь в написании романа к сроку: составить план и написать каждому по разделу. Но Достоевский не желал ставить свое имя под чужим сочинением. Тогда ему посоветовали взять стенографистку.

4 октября 1866 года лучшая выпускница стенографических курсов Ольхина, девятнадцатилетняя Анна Сниткина, пришла в дом Олонкина. «Было тогда 11 часов, я отправилась потихоньку по Большой Мещанской, поглядывая на часы, не желая прийти ни раньше половины 12-го, да не прийти и позже; вообще мне... на первый раз хотелось выказать как можно больше точности и деловитости. Наконец оставалось всего 10 минут. Я вошла в Столярный переулок, принялась отыскивать дом Олонкина. В этом переулке я была всего только первый раз в жизни; дом я скоро нашла, это был очень большой каменный дом, выходящий на Малую Мещанскую и Столярный переулок, с трактиром и с постоем извозчиков, с несколькими пивными лавочками. Тут жил Бенардаки, фамилия которого мне почему-то запомнилась. Ворота находились по Малой Мещанской, я вошла, здесь было очень много извозчиков и попадались довольно неприличные хари. Я прошла вглубь двора, увидела дворника и спросила, где живет Достоевский. Он отвечал, что в 13-м номере, первый подъезд направо. Я поднялась во 2-й этаж по довольно грязной лестнице, на которой тоже мне попались несколько человек очень неприличных и 2 или 3 жида».

Встреча с Достоевским поразила стенографистку: «Ни один человек в мире, ни прежде, ни после, не производил на меня такого тяжелого, поистине удручающего впечатления, какое произвел на меня Федор Михайлович в первое наше свидание, — писала она в своих знаменитых мемуарах. — Я видела перед собой человека страшно несчастного, убитого, замученного. Он имел

вид человека, у которого сегодня-вчера умер кто-либо из близких сердцу; человека которого поразила какая-нибудь страшная беда. Мне было бесконечно жаль его».

До сдачи романа (это был «Игрок») оставалось 26 дней. Роман существовал только в заметках и планах. Днем Достоевский диктовал роман стенографистке, а по ночам писал его. Вечером она разбирала и переписывала стенограммы, а на другой день, перед началом диктовки, Достоевский их правил. 29 октября, через 25 дней после начала работы, роман об игроке был закончен и отвезен Стелловскому.

Между писателем и стенографисткой с первых же дней совместной работы обнаружилась взаимная симпатия. А. Сниткина с детства любила произведения Достоевского. Она искренне сочувствовала ему, видела его одиночество и бытовую беспомощность, прекрасно знала его работы, преклонялась перед его талантом. Эти сочувствие и участливость были быстро замечены писателем. Чем ближе к концу подвигалась работа над «Игроком», тем тяжелее была для него мысль о предстоящем расставании со стенографисткой.

8 ноября 1866 года Анна Григорьевна пришла в дом Олонки-на, чтобы договориться с Достоевским о продолжении работы с ним, на этот раз над окончанием «Преступления и наказания». Достоевский вдруг сказал ей, что задумал новый роман о «художнике, человеке уже немолодом... моих лет» и начал излагать его содержание.

Будущая жена писателя вспоминала: «...полилась блестящая импровизация. Никогда, ни прежде, ни после, не слыхала я от Федора Михайловича такого вдохновенного рассказа... По его словам, герой был преждевременно состарившийся человек, больной неизлечимой болезнью... хмурый, подозрительный... И вот... художник встречает на своем пути молодую девушку ваших лет или на год-два постарше. Назовем ее Аней... Художник... чем чаще ее видел, тем более она ему нравилась, тем сильнее крепло в нем убеждение, что с нею он мог бы найти счастье... Возможно ли, чтобы молодая девушка, столь различная по характеру и по летам, могла полюбить моего художника?»

Анна Григорьевна отвечала: «Почему же невозможно? Ведь если, как вы говорите, ваша Аня не пустая кокетка, а обладает

хорошим, отзывчивым сердцем, почему бы ей не полюбить вашего художника?.. Неужели же любить можно лишь за внешность да за богатство?»

Тогда Достоевский сказал: «Поставьте себя на минуту на ее место... Представьте, что этот художник — я, что я признался вам в любви и просил быть моей женой. Скажите, что вы бы мне ответили? — Я взглянула на столь дорогое мне, взволнованное лицо Федора Михайловича и сказала: «Я бы вам ответила, что вас люблю и буду любить всю жизнь!»

Свадьба была решена. Но до венчания невеста помогла жениху в написании окончания «Преступления и наказания», вышедшего в 1866 году в «Русском вестнике» и имевшего огромный успех.

ЗДАНИЕ КАЗЕННОЙ ПАЛАТЫ И ГУБЕРНСКОГО КАЗНАЧЕЙСТВА

Казначейская улица, 11

Казначейская улица названа по этому зданию. Уже в 1840-х годах тут находилась Казенная палата. В Российской империи подобные учреждения занимались всем казенным управлением, включая управление государственным имуществом и строительством. На казенную палату со второй половины XIX века возлагалось счетоводство и отчетность по приходу и расходу сумм в губернских и уездных казначействах, непосредственно ей подчиненных. Новое здание для Казенной палаты и казначейства построено рядом с существовавшим в 1896–1897 годах гражданским инженером Павлом Бергштрессером и архитектором Николаем Проскурным. Даты начала и окончания строительства можно увидеть на фасаде.

«ДОМ РАСКОЛЬНИКОВА»

Гражданская улица, 19

Роман «Преступление и наказание» начинается с того, как Родион Раскольников «...благополучно избежал встречи с своею хозяйкой на лестнице. Каморка его приходилась под самую кров-

лей высокого пятиэтажного дома и походила более на шкаф, чем на квартиру. Квартирная же хозяйка его, у которой он нанимал эту каморку с обедом и прислугой, помещалась одною лестницей ниже, в отдельной квартире, и каждый раз, при выходе на улицу, ему непременно надо было проходить мимо хозяйкиной кухни, почти всегда настежь отворенной на лестницу».

Николай Анциферов считал, что если Достоевский имел в виду конкретный прототип дома Раскольникова, то, скорее всего, это дом 19/5 на углу Столярного переулка и Гражданской улицы (во времена Достоевского — Средней Мещанской). В 1970 году этот дом подвергся капитальному ремонту, значительно искажившему его облик. Уничтожен полуподвал, и дом из пятиэтажного превратился в четырехэтажный. Заасфальтирован двор. Но все же и сейчас, войдя через подворотню с Казначейской во двор справа, в углу мы увидим вход на лестницу Раскольникова. Поднимемся по типично петербургской, изогнутой лестнице с нависающими сводами на площадку четвертого этажа. Здесь жила хозяйка квартиры, у которой нанимал герой «Преступления и наказания». До капитального ремонта тут была дверь черного хода, ведущая на кухню, и окно, выходившее на площадку. Сейчас окна нет, вместо двери — проем. На чердак, где прежде

«Дом Раскольникова»,
Гражданская улица, 19

находилась мансарда, ведут тринадцать ступенек. Дверь. Здесь жил Раскольников. Обычно она закрыта на кодовый замок, так что следует дожидаться жильцов, измученных посетителями. Изогнутая лестница с нависающими сводами сплошь исписана почитателями Достоевского и его героя-убийцы.

Герои романа сравнивают обиталище Родиона Романовича со шкафом, гробом, каютой, сундуком. «Это была крохотная клетушка, шагов в шесть длиной, имевшая самый жалкий вид с своими желтенькими, пыльными и всюду отставшими от стены обоями, и до того низкая, что чуть-чуть высокому человеку становилось в ней жутко, и все казалось, что вот-вот стукнешься головой о потолок. Мебель соответствовала помещению: было три старых стула, не совсем исправных, крашенный стол в углу, на котором лежало несколько тетрадей и книг... и, наконец, неуклюжая большая софа, занимавшая чуть не всю стену... когда-то обитая ситцем, но теперь в лохмотьях и служившая постелью Раскольникову».

Одиннадцать раз выходит в романе Раскольников из своей «каюты», десять раз возвращается в нее. Последний раз он вышел отсюда навсегда.

Третий спуск по лестнице — завязка романа, герой идет к старухе-процентщице, идет, чтобы убить.

«Он бросился к двери, прислушался, схватил шляпу и стал сходить вниз свои тринадцать ступеней, осторожно, неслышно, как кошка. Предстояло самое важное дело — украсть из кухни топор. О том, что дело надо сделать топором, решено им было уже давно... Что же касается до того, где достать топор, то эта мелочь его нисколько не беспокоила, потому что не было ничего легче... стоило только потихоньку войти, когда придет время, в кухню и взять топор, а потом, через час (когда все уже кончится), войти и положить обратно... Поровнявшись с хозяйкиной кухней, как и всегда отворенную настежь... он вдруг увидел, что Настасья не только на этот раз дома, у себя в кухне, но еще занимается делом: вынимает из корзины белье и развешивает на веревках... дело было кончено: нет топора! Он был поражен ужасно».

Раскольников спустился во двор (спустимся и мы). Вошел в подворотню. До ремонта справа здесь была маленькая дверь, ведущая в дворницкую. «Из каморки дворника, бывшей от него

в двух шагах, из-под лавки направо что-то блеснуло ему в глаза... Он бросился стремглав на топор (это был топор) и вытащил его из-под лавки, где он лежал между двумя поленами...»

В этом месте, у выхода из двора на Гражданскую улицу, случились и другие важные события в романе. Здесь Раскольников прощался с зашедшей к нему, чтобы пригласить на поминки по отцу, Сонечкой Мармеладовой. И тут же у подворотни Сонечку стерег Свидригайлов. Подождав, пока она повернет направо по Столярному переулку, «он пошел вслед, не спуская с нее глаз с противоположного тротуара; пройдя шагов пятьдесят, перешел опять на ту сторону, по которой шла Соня, догнал ее и пошел за ней, оставаясь в пяти шагах расстояния».

Здесь же в подворотне произошла встреча Раскольникова со скорняком-мещанином, первым распознавшим в нем возможного убийцу Алены Ивановны и Лизаветы: «Дворник стоял у дверей своей каморки и указывал прямо на него какому-то невысокому человеку, с виду похожему на мещанина, одетому в чем-то вроде халата, в жилетке и очень походившему издали на бабу. Голова его, в засаленной фуражке, свешивалась вниз, да и весь он был точно сгорбленный».

Ни слова не говоря, этот таинственный незнакомец повернулся и ушел. «Раскольников бросился вслед за мещанином и тотчас же увидел его, идущего по другой стороне улицы... Он скоро догнал его, но некоторое время шел сзади; наконец поровнялся с ним и заглянул ему сбоку в лицо... „Вы меня спрашивали... у дворника?“ — проговорил наконец Раскольников, но как-то очень негромко. Мещанин... зловещим, мрачным взглядом посмотрел на Раскольникова. „Убивец! — проговорил он вдруг тихим, но ясным и отчетливым голосом — ...ты убивец“... Оба подошли тогда к перекрестку».

Скорее всего, это тот же перекресток Казначейской улицы и Столярного переулка. Перекресток — как центр креста: перспективы не видно — улицы упираются в дома; впрочем, во времена Достоевского в перспективе Казначейской улицы, если смотреть от дома Раскольникова направо, виднелась колокольня снесенной в 1936 году церкви Вознесения Господня.

«Мещанин поворотил в улицу налево... Раскольников остался на месте и долго глядел ему вслед».

«КОНДИТЕРСКАЯ МИЛЛЕРА»

Вознесенский проспект, 22

В этом доме происходит действие двух произведений Достоевского. Его он, по-видимому, имел в виду, когда описывал в «Униженных и оскорбленных» кондитерскую Миллера на Вознесенском проспекте. В то время на Вознесенском была единственная кондитерская — Миллера, и находилась она как раз в этом самом доме.

«Посетители этой кондитерской большею частию немцы. Они собираются сюда со всего Вознесенского проспекта — все хозяева различных заведений: слесаря, булочники, красильщики, шляпные мастера, седельники — все люди патриархальные в немецком смысле слова. У Миллера вообще наблюдалась патриархальность. Часто хозяин подходил к знакомым гостям и садился вместе с ними за стол, причем осушалось известное количество пунша. Собаки и маленькие дети хозяина тоже выходили иногда к посетителям, и посетители ласкали детей и собак. Все были между собою знакомы, и все взаимно уважали друг друга. И когда гости углублялись в чтение немецких газет, за дверью, в квартире хозяина, трещал августин, наигрываемый на дребезжащих фортепьянах старшей хозяйской дочкой, белокуренькой немочкой в локонах, очень похожей на белую мышку. Вальс принимался с удовольствием». Здесь умер Азорка, собака старика Смита — дедушки Нелли из «Униженных и оскорбленных». Неподалеку отсюда, под забором строящегося дома в переулке упал обессиленным и умер сам Смит.

Здесь же, по всей видимости, находились и номера Бакалеева, где остановились по приезду в Петербург мать и сестра Раскольникова. «Приискал им на первый случай квартиру», — сообщил Раскольникову Лужин при их первой встрече. А Разумихин добавил: «Это на Вознесенском, там два этажа под нумерами; купец Юшин содержит... Скверность ужаснейшая: грязь, вонь, да и подозрительное место; шутки случались; да и черт знает кто не живет!.. Дешево впрочем».

Санитарный врач Спасской части описывал подобные «нумера» так: «Гостиницы занимают обширные помещения в 10–15 комнат, расположенных в одном или двух этажах. Из всех гостиниц

«Кондитерская Миллера»,
Вознесенский проспект, 22

только две по праву носят название гостиниц для приезжающих, остальные можно назвать гостиницами для заезжающих, так как в них мало кто останавливается на более или менее продолжительное время, а большую часть занимают на несколько часов. Все эти заведения устроены по одному общему типу. В них есть буфетная комната, где стоят покрытые белыми скатертями с приборами столы, затем, одно или два больших зала, более или менее роскошно отделанных, кроме того имеются отдельные кабинеты для посетителей. Для приезжающих в гостиницах отведено 30—40 номеров, в которых стоят двухспальные, всегда застланные постели, стол, комод, диван и несколько стульев. В некоторых гостиницах эти номера полусветлые и узкие».

«ДОМ СОНЕЧКИ МАРМЕЛАДОВОЙ»

Набережная канала Грибоедова, 73

Местом, где жила Сонечка и остановился Свидригайлов, многие считают дом на углу канала Грибоедова и Казначейской улицы у Вознесенского моста.

Один фасад этого дома выходит на набережную, другой под тупым углом — на Казначейскую. До 1970-х годов, когда дом прошел капитальный ремонт, он имел три этажа (сейчас — четыре) и был окрашен в светло-зеленый цвет. Теперь дом покрасили желтой краской.

«Дойдя до своего дома, Соня повернула в ворота... Войдя во двор, она взяла вправо, в угол, где была лестница в ее квартиру... Она прошла в третий этаж, повернула в галерею и позвонила в девятый номер, на дверях которого было написано мелом: „Капернаумов портной“. Рядом, «шагах в шести», на той же площадке, у мадам Ресслих остановился Свидригайлов.

В крошечной передней «в искривленном медном подсвечнике, стояла свеча... Сониная комната походила как будто на сарай, имела вид весьма неправильного четырехугольника, и это придавало ей что-то уродливое. Стена с тремя окнами, выходившая на канаву, перерезывала комнату как-то вкось, отчего один угол, ужасно острый, убежал куда-то вглубь, так что его, при слабом освещении, даже и разглядеть нельзя было хорошенько; другой же угол был уже слишком безобразно тупой. Во всей этой

большой комнате почти совсем не было мебели... Желтоватые, обшмыганные и истасканные обои почернели по всем углам... Бедность была видимая».

ВОЗНЕСЕНСКИЙ МОСТ

«Раскольников пошел прямо на -ский (Вознесенский. — Л. Л.) мост, стал на середине, у перил, облокотился на них обоими локтями и принялся глядеть вдоль... Склонившись над водою, машинально смотрел он на последний, розовый отблеск заката, на ряд домов, темневших в сгущавшихся сумерках, на одно отдаленное окошко, где-то в мансарде, по левой набережной, блиставшее, точно в пламени, от последнего солнечного луча, ударившего в него на мгновение, на темневшую воду канавы и, казалось, со вниманием всматривался в эту воду... Он почувствовал, что кто-то стал подле него, справа, рядом; он взглянул — и увидел женщину, высокую, с платком на голове, с желтым, продолговатым, испитым лицом и с красноватыми, впавшими глазами... Вдруг она облокотилась правой рукой о перила, подняла правую ногу и замахнула ее за решетку, затем левую, и бросилась в канаву. Грязная вода раздалась, поглотила на мгновение жертву, но через минуту утопленница всплыла, и ее тихо понесло вниз по течению, головой и ногами в воде, спиной вверх, со сбившеюся и вспухшею над водой, как подушка, юбкой... люди сбегались, обе набережные унизывались зрителями, на мосту, кругом Раскольникова, столпился народ, напирая и придавливая его сзади...

— Лодку, лодку, — кричали в толпе.

Но лодки было уж не надо: городской сбежал по ступенькам схода к канаве, сбросил с себя шинель, сапоги и кинулся в воду. Работы было немного: утопленницу несло водой в двух шагах от схода, он схватил ее за одежду правой рукою, левою успел схватиться за шест, который протянул ему товарищ, и тотчас же утопленница была вытащена. Ее положили на гранитные плиты схода. Она очнулась скоро...»

На этом мосту Раскольников снова оказался на обратном пути: «был час одиннадцатый, когда он вышел на улицу. Через пять минут он стоял на мосту... с которого давеча бросилась женщина».

Вознесенский мост

Здесь же, у -ского моста, произошла душераздирающая сцена сумасшествия Екатерины Ивановны, которую «глупый народ» воспринимал как забавное зрелище.

«На канаве, не очень далеко от моста и не доходя двух домов от дома, где жила Соня, столпилась кучка народу. Особенно

сбегались мальчишки и девчонки. Хриплый, надорванный голос Катерины Ивановны слышался еще от моста. И действительно, это было странное зрелище, способное заинтересовать уличную публику. Катерина Ивановна в своем стареньком платье, в драдемавой шали, и в изломанной соломенной шляпке, сбившей-

ся безобразным комком на сторону, была действительно в настоящем иступлении. Она устала и задыхалась. Измучившееся чахоточное лицо ее смотрело страдальнее, чем когда-нибудь... но возбужденное состояние ее не прекращалось, и она с каждой минутой становилась еще раздраженнее... Если слышала в толпе смех или какое-нибудь задирательное словцо, то тотчас же набрасывалась на дерзких и начинала с ними браниться. Иные, действительно, смеялись, другие качали головами; всем вообще было любопытно поглядеть на помешанную с перепуганными детьми».

Сумасшествие кончилось горловым кровотечением. Умиравшую Катерину Ивановну отнесли к Соне.

ДОМ ШИРМЕРА

Вознесенский проспект, 29

Здесь Достоевский жил после свадьбы с А. Сниткиной с февраля 1867 года и до отъезда за границу в апреле того же года. Дом находился напротив церкви Вознесения Господня.

Вход в квартиру — со двора, а окна выходили на проспект. Квартира во втором этаже состояла из пяти больших комнат: гостиной, кабинета, столовой, спальни и комнаты пасынка Достоевского от первого брака Павла Исаева.

Жили молодые широко, постоянно бывали родственники Достоевского: вдова брата Михаила, племянники, брат Николай — тихий алкоголик, сестра Александра с мужем. Они приезжали к обеду и оставались до вечера. Часто заходили и приятели Достоевского, литераторы А. Майков, Н. Страхов, Д. Аверкиев, А. Милюков.

Счастливый брак Достоевского был омрачен конфликтами новобрачной с его родственниками. Пасынок ревновал отчима к новой жене, пытался их поссорить. Эмилия Достоевская, вдова Михаила (старшего брата писателя), привыкла к тому, что Ф. Достоевский содержал ее многочисленное семейство. К тому же Достоевского постоянно мучили кредиторы. Благодаря твердости жены писателя им удалось избежать кризиса в семейных отношениях и найти деньги на заграничную поездку.

КРАСНОГРАДСКИЙ (РАНЬШЕ — ВОЗНЕСЕНСКИЙ) ПЕРЕУЛОК

На этот кривоколенный переулочек свернул Родион Раскольников, возвращаясь после убийства Алены Ивановны и Лизаветы. Переулочек проходит углом от Вознесенского проспекта до набережной канала Грибоедова. Во времена написания «Преступле-

Красноградский
(раньше — Вознесенский) переулочек

ния и наказания» переулок назывался Вознесенским, так как начинался от церкви Вознесения Господня, стоявшей в его створе на Вознесенском проспекте.

Здание Екатерининского
общественного собрания,
набережная канала Грибоедова, 90

Любопытен дом на углу переулка и канала Грибоедова (№ 5/80). Он построен еще в 1860 году архитекторами Н. Гребенкой и Е. Ферри де Пиньи. Со стороны переулка находилась типогра-

фия В. С. Балашева. В 1884 году дом перестроил архитектор К. Гефтлер, в будущем известный художник-пейзажист. На доме — 23 медальона с повторяющимися барельефами, изображающими Ломоносова, Державина, Гончарова, Пушкина и Ломоносова.

ЗДАНИЕ ЕКАТЕРИНИНСКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО СОБРАНИЯ

Набережная канала Грибоедова, 90

Симпатичный «французистый» особняк в духе поздней эклектики был построен в 1907 году для Екатерининского собрания — фешенебельного карточного клуба — модным архитектором О. Мунцем. В доме размещался большой на 700 мест театральный зал, в котором с 1910 года выступал театр стенд-ап комедии «Кривое зеркало».

КВАРТИРА ГАЛИНЫ СТАРОВОЙТОВОЙ

Набережная канала Грибоедова, 91

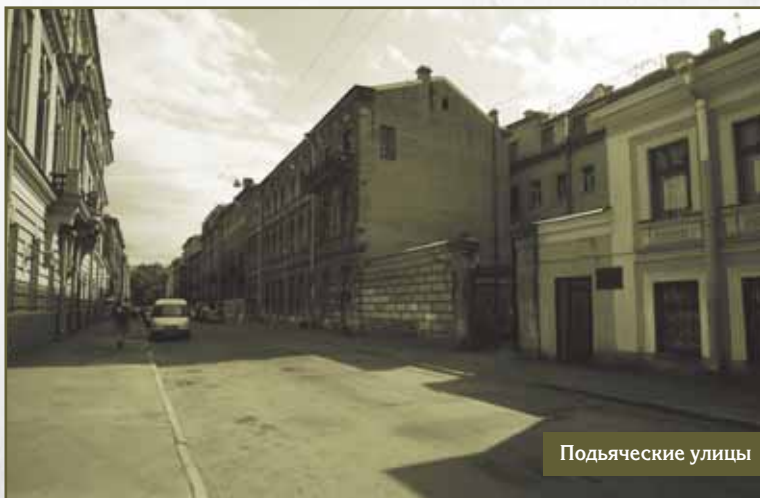
Канал Грибоедова — место Достоевское, злополучное, роковое, что подтверждается трагической историей, случившейся здесь в ноябре 1998 года. В доме № 91 была убита депутат Государственной думы Галина Старовойтова. На фасаде здания — мемориальная доска.

Двое убийц поздно вечером дождались на чердаке этого дома «Волгу», на которой Галина Васильевна и ее помощник Руслан Линьков приехали из аэропорта Пулково. Когда они вошли в парадную (подъезд Старовойтовой находится во дворе, слева от подворотни), киллеры спустились по лестнице, застрелили Старовойтову и ранили Линькова, затем по проходному двору вышли на улицу Декабристов, где их ждала машина. В убийстве обвинены охранники агентства «Благоверный князь Александр Невский». Все они родом из города Дятьково Брянской области. Они осуждены, мотив убийства до конца не понятен. Заказчик пока не найден, но существует предположение, что им был один из бывших депутатов Государственной думы от партии ЛДПР.

ПОДЪЯЧЕСКИЕ УЛИЦЫ

От канала Грибоедова в сторону Садовой отходят три Подъяческие улицы — Большая, Средняя и Малая. Большая Подъяческая проходит от набережной канала Грибоедова до Фонтанки. Средняя и Малая Подъяческие начинаются и заканчиваются каналом, который делает здесь петлю. Большая Подъяческая известна замечательным видом на купол Исаакиевского собора.

Названы Подъяческие улицы по древнерусскому названию чиновников — подъячих. Во времена Достоевского этот участок Спасской части относился к числу самых неблагополучных. Здесь ютилось огромное количество сезонников, рыночных торговцев, студентов типа Раскольникова и чиновников уровня Мармеладова. Настоящая клоака. Собственно здесь Раскольников с Мармеладовым и познакомились: «Он шел по тротуару как пьяный, не замечая прохожих и сталкиваясь с ними, и опомнился уже в следующей улице. Оглядевшись, он заметил, что стоит подле распивочной, в которую вход был с тротуара по лестнице вниз, в подвальный этаж. Из дверей, как раз в эту минуту, выходили двое пьяных и, друг друга поддерживая и ругая, взбирались на улицу. Долго не думая, Раскольников тотчас же спустился вниз. Никогда до сих пор не входил он в распивочные, но теперь

Подъяческие улицы

голова его кружилась, и к тому же палящая жажда томила его. Ему захотелось выпить холодного пива, тем более что внезапную слабость свою он относил и к тому, что был голоден. Он уселся в темном и грязном углу, за липким столиком, спросил пива и с жадностью выпил первый стакан... В распивочной на ту пору оставалось мало народу. Кроме тех двух пьяных, что попались на лестнице, вслед за ними же вышла еще разом целая ватага, человек в пять, с одною девкой и с гармонией. После них стало тихо и просторно. Остались: один хмельной, но немного, сидевший за пивом, с виду мещанин; товарищ его, толстый, огромный, в сибирке и с седою бородой, очень захмелевший, задремавший на лавке и изредка, вдруг, как бы спросонья, начинавший прищелкивать пальцами, расставив руки врозь, и подпрыгивать верхнюю часть корпуса, не вставая с лавки, причем подпевал какую-то ерунду, силясь припомнить стихи, вроде:

Целый год жену ласкал,
Цел-лый год же-ну лас-кал...

Или вдруг, проснувшись, опять:

По Подъяческой пошел,
Свою прежнюю нашел...

Львиный пешеходный мост

Но никто не разделял его счастья; молчаливый товарищ его смотрел на все эти взрывы даже враждебно и с недоверчивостью. Был тут и еще один человек, с виду похожий как бы на отставного чиновника».

ЛЬВИНЫЙ ПЕШЕХОДНЫЙ МОСТ

Пешеходный мост в створе Малой Подъяческой улицы и Львиного переулка не изменился со времени Достоевского. Построен он в 1826 году (инженеры В. Треттер и В.Христианович). Четыре фигуры сидящих львов выполнены из чугуна скульптором П. Соколовым.

ИЗГИБ КАНАЛА ГРИБОЕДОВА ПЕРЕД ТЕАТРАЛЬНОЙ ПЛОЩАДЬЮ

После Львиного мостика северная набережная канала решительно меняется, чувствуется близость артистического центра Петербурга — Театральной площади. Уже в пушкинское время вокруг Большого театра (позже перестроенного в здание консерватории), а с 1860-х годов — вокруг Мариинского — склады-

Изгиб канала Грибоедова
перед Театральной площадью

валась зона расселения и застройки, отличающаяся от «Петербурга Достоевского». Рядом, на севере Коломны, по берегам Мойки — великокняжеские и княжеские дворцы, близко шикарная Английская набережная.

Дом по каналу Грибоедова под номером 101 — трехэтажный с колонным портиком — типичный представитель русского классицизма. Дом построен в 1780-е для гвардейского офицера Сергея Уварова (его сын при Николае I стал министром просвещения и придумал знаменитую «триаду»: «самодержавие, православиe, народность»). В 1789 году здание продали казне и здесь помещалась Медицинская, а потом Камер-коллегия и Училище торгового мореплавания. С 1856 года особняк снова стал частным: им владели генерал-майор К. Альбрехт и, вплоть до революции, купцы Алафузовы.

В следующем, двухэтажном доме (№ 103), построенном как съезжая часть (по нашему — тюрьма при отделении полиции) в 1843 году по проекту З. Краснопевкова, размещался полицейский архив, а сейчас находится архив судебный.

Трехэтажный классицистический особняк (дом № 105) построен в 1790-х годах архитектором Е. Соколовым для себя и по собственному проекту.

«ДОМ СТАРУХИ-ПРОЦЕНТЩИЦЫ»

Набережная канала Грибоедова, 104

Трижды в романе Раскольников был в этом доме. Первый раз, проверяя план будущего преступления, он шел к нему прямо от своего дома: «Идти ему было немного; он даже знал, сколько шагов от ворот его дома: ровно семьсот тридцать... С замиранием сердца и нервною дрожью подошел он к преогромнейшему дому, выходившему одною стеной на канаву, а другой в -ю (как считают исследователи, Среднюю Подъяческую. — Л. Л.) улицу. Этот дом состоял весь в мелких квартирах и заселен был всякими промышленниками — портными, слесарями, кухарками, разными немцами, девицами, живущими от себя, мелким чиновничеством и проч. Входящие и выходящие так и шмыгали под обоими воротами и на обоих дворах дома. Тут служили три или

«Дом старухи-процентщицы»,
набережная канала Грибоедова, 104

четыре дворника. Молодой человек был очень доволен, не встретив ни которого из них, и неприметно проскользнул сейчас же из ворот направо на лестницу. Лестница была темная и узкая, „черная“...» Старуха жила на четвертом этаже. На площадке находилась еще одна квартира, но она пустовала, пустовала квартира и на третьем этаже.

Во второй раз он шел «к дому в обход, с другой стороны» по Садовой улице, «мимо Юсупова сада». На втором этаже, направо, работали маляры — красили квартиру. Здесь Раскольников после двойного убийства переживал, пока в квартиру старухи пройдут закладчики с дворником, заподозрившие неладное. Из двора он повернул налево, поворотил в людный переулок, ведущий на Екатерининский (ныне — Грибоедова) канал и, сделав крюк, вернулся домой.

Третий раз Раскольников зашел в дом по пути в полицейскую контору. «Неотразимое и необъяснимое желание повлекло его».

Когда он, после инцидента с дворниками и мещанином, заподозрившими неладное, выходил со двора, «шагов за двести» от себя, «в конце улицы, в сгущавшейся темноте, различил он толпу, говор, крики...» Это были крики с места другого происшествия: Мармеладов попал под проезжавшую карету.

ПОЛИЦЕЙСКАЯ ЧАСТЬ

Садовая улица, 58

С Вознесенского моста «в контору надо было идти все прямо и при втором повороте взять влево», то есть с канала Грибоедова повернуть на Большую Подъяческую. На ее углу с Садовой улицей находится съезжий дом Спасской части с высокой восьмигранной пожарной каланчой. Дом этот приобрел нынешний вид в 1849 году (архитекторы А. Андреев и В. Морган). Убийство процентщицы и ее сестры произошло в третьем участке Спасской части. Контора третьего участка находилась в этом же здании. Здесь Раскольников в конце романа признался в совершенном им двойном убийстве.

Вот как описывал полицейскую контору В. Крестовский в «Петербургских трущобах»: «Помещается она по большей части

в надворных флигелях, подыматься в нее надобно по черной лестнице — а уж известно, что такое у нас в Петербурге эти черные лестницы! Входите вы в темную прихожую, меблированную одним только кривым табуретом либо скамьей да длинным крашеным ларем, на котором в бесцеремонной позе дремлет вестовой... Следующая комната уже называется конторой. За двумя или тремя покрытыми клеенкой столами сидят в потертых сюртуках, а иногда во фраках, три-четыре „чиновника“... Заведует всем этим учреждением квартальный надзиратель, кабинет которого располагается рядом с конторой. Обстановка этого кабинета обыкновенно полуофициальная, полусемейная: старые стенные часы в длинном футляре, план города С.-Петербурга, на первой стене портрет царствующей особы... на столе „Свод полицейских установлений“ довершает обстановку официальную. Обстановка неофициальная заключается в мягком диване и мягких креслах, в каком-нибудь простеночном зеркале, у которого на столике стоит какой-нибудь солдатик из папье-маше, с ружьем на караул, да в литографированном портрете той особы, которая временно находится во главе городской администрации».

КВАРТИРА ДОСТОЕВСКИХ

Проспект Римского-Корсакова, 3

Четыре года, с 1867-го по 1871-й, супруги Достоевские пробыли за границей. Возвратились они с появившейся на свет в Германии дочерью Любовью (еще одна дочь, Софья, умерла в младенчестве). Между тем, Анна Григорьевна снова ждала ребенка.

Обстановки у Достоевских не было, и они сняли две меблированные комнаты в третьем этаже дома № 3 по Екатерингофскому (сейчас — Римского-Корсакова) проспекту. Место было выбрано с учетом близости Юсуповского сада, где могла проводить жаркие летние дни девочка (Достоевские вернулись в июле).

Через шесть дней после приезда родился старший сын Достоевского Федор (названный так в честь отца). На Екатерингофском Достоевские прожили до осени. За это время Федор Михайлович получил гонорар за роман «Бесы», написанный за

границей, была куплена мебель и семья перебралась на Серпуховскую улицу, к югу от Фонтанки. Больше в районе Сенной площади Достоевские не жили.

НИКОЛЬСКИЙ МОРСКОЙ СОБОР

Никольская площадь

Здесь, в одном из самых живописных мест города, у слияния Крюкова канала и канала Грибоедова, происходит действие «Сентиментального романа» Достоевского (или «Белых ночей»). Лирический герой повести Мечтатель рассказывает: «Я пришел назад в город очень поздно, и уже пробило десять часов, когда я стал подходить к квартире. Дорога моя шла набережной канала, на которой в этот час не встретишь живой души. Правда, я живу в отдаленнейшей части города... Вдруг со мной случилось самое неожиданное приключение. В сторонке, прислонившись к перилам канала, стояла женщина; облокотившись на решетку,

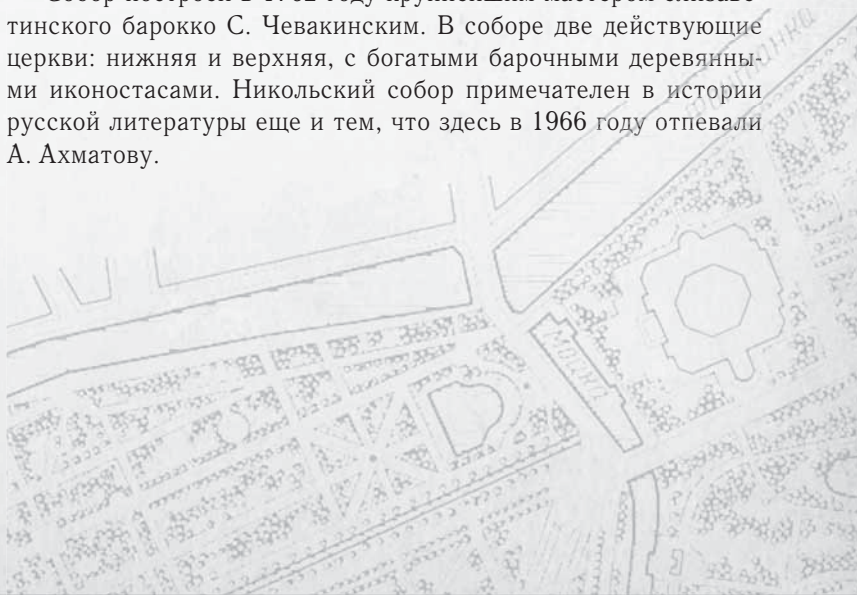
Никольский морской собор,
Никольская площадь

она, по-видимому, очень внимательно смотрела на мутную воду канала». Так происходит завязка романа — встреча Мечтателя с Настенькой.

Мечтатель живет в «отдаленнейшей части города... у -ского моста». Мост этот — через канал. Каналом без уточнений часто называли в Петербурге Екатерининский (Грибоедова) канал. Это дает нам ключ к отысканию возможного местожительства Мечтателя. «Отдаленнейшая часть города», по которой протекает Екатерининский канал, — Коломна, тогдашняя глухая окраина. Здесь через Крюков канал переброшены Коломенский и Ново-Никольский мосты. Но уличные часы с боем, на которых «пробило десять часов», были только у Ново-Никольского моста. Это часы выходящей на Крюков канал четырехъярусной колокольни Никольского Морского собора.

Никольский Морской собор (официальное его название — Морской собор Святителя Николая Чудотворца и Богоявления) посвящен самому почитаемому в православии святому — Николаю Чудотворцу, покровителю всех моряков и путешественников. Построен он был в Морской слободе, где жили матросы и офицеры Балтийского флота, отсюда и название.

Собор построен в 1762 году крупнейшим мастером елизаветинского барокко С. Чевакинским. В соборе две действующие церкви: нижняя и верхняя, с богатыми барочными деревянными иконостасами. Никольский собор примечателен в истории русской литературы еще и тем, что здесь в 1966 году отпевали А. Ахматову.

МАРШРУТ 4

ПОСЛЕДНЕЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ (ПО ОБЕ СТОРОНЫ НЕВСКОГО)

С 1873 по 1881 год Достоевский сменил три квартиры. Все они располагались за Фонтанкой в пяти минутах ходьбы от Невского проспекта. Федор Михайлович всю жизнь провел, как сейчас сказали бы, в районе новостроек, там, где только начиналось активное жилое строительство. Именно здесь в 1860–1880-е годы с необычайной скоростью строились многоэтажные жилые дома. «Взрытая мостовая, фасады со старого на новое, для шику, для характеристики», — так писал об этой местности Достоевский.

Цены здесь дешевле, чем в центре, но это недалекая окраина. Эти места гораздо фешенебельнее «Петербурга Достоевского», но все же не аристократическая зона. Своего выезда у Достоевских не было, поэтому подобные районы для них являлись оптимальными по соотношению «цена/качество». Рядом редакции, издательства, типографии — все под рукой.

Гостиница «Пале-Рояль»,
Пушкинская улица, 20

Малая Итальянская,
двор дома № 18

1. Николаевский
(ныне — Московский) вокзал
2. Знаменская церковь
3. Знаменская (ныне — Октябрьская)
гостиница
4. Дом Сливчанского
5. Дом Струбинского
6. Павловский институт
7. Родильный дом им. В. Ф. Снегирева
8. Музей-квартира Н. А. Некрасова
9. Маринская больница
10. Квартиры Михаила Салтыкова-
Щедрина и Федора Трепова
11. Дом Константина Победоносцева
12. Гостиница «Москва»
13. Дом Корсаковых
(ныне — театр им. Ленсовета)
14. Церковь Владимирской
иконы Божией Матери
15. Дом Каншина
16. Ремесленная управа
17. Квартира Николая Чернышевского
18. Подворье Коневского монастыря
19. Штаб-квартира «Народной воли»
20. Первая гимназия
21. Дом Тулубьева
22. Дом Всеволода Гаршина
23. Извозчий трактир
24. Дом князя Владимира Мещерского
25. Квартира Григория Данилевского
26. Гостиница «Пале-Рояль»
27. Памятник А. С. Пушкину

Спасская улица
(ныне — ул. Рылеева) (1862)

Бассейная улица; перспектива
от Басковой улицы (1858–1860)

Дом Путятина на углу улиц Итальянской
и Надежинской (ныне — ул. Маяковского)
в сторону ул. Кирочной

Манежный переулок между Преображенской
площадью и Надеждинской улицей (1862)

Этот кусок города входил в четыре административные части. Между Фонтанкой и Лиговским каналом (проходившим по нынешнему Лиговскому проспекту), к северу от Невского — Литейная часть, к югу — Московская. За Лиговкой к Неве — Рождественская часть, к Обводному каналу — Александро-Невская.

История кварталов

ЛИГОВКА

Лиговский проспект проложен в царствование Александра III на месте одноименного канала, зловонного и ненужного городу.

В прошлом веке по Лиговке, от Невского до Обводного канала, не было дома без извозчичьего двора. Еще Петр I переселил сюда «для отправления почтовой гоньбы» крестьян разных губерний (об этом напоминают и нынешние названия здешних улиц: Воронежская, Тамбовская, Курская). Ямщикам выделили земельные участки «восьми сажень по фасаду и тридцати сажень длины». Они понастроили каменные дома преимущественно в один-два этажа с узкими, длинными, плохо мощеными дворами и деревянными службами. В конце XIX века в Ямских находилось 200 извозчичьих дворов, 35 кузниц, 40 экипажных мастерских и помещалось одновременно до 13 тысяч лошадей и столько же экипажей. Многие извозоторговцы были и домовладельцами. Здесь свирепствовали заразные болезни. По уровню смертности участок занимал одно из первых мест в городе.

Русская поговорка «Пьян, как извозчик» вполне правдива. Калужские и рязанские крестьяне, жившие в страшных берлогах, работавшие часов по 12–16 в день, находили отдохновение в извозчичьих трактирах, расположенных на Лиговке. В любое время суток под селяночку тут земляки пили очищенную: днем из графинчика, ночью из чайника, вспоминали свои поокские деревни. В притонах Лиговки немый, усталый, затерянный в городе, оторванный от семьи «желтоглазый гужеед» (такова была городская кличка извозчиков), обретал за 30 копеек девицу для радостей.

Бывший извозчий трактир
Стремянная, 4

На улицах, примыкавших к Николаевскому (ныне — Московскому) вокзалу, селились и артели крючников. Артели брали подряды на разгрузку товарных вагонов. В ночлежках у Обводного канала ночевали поденщики, нанимавшиеся на ту же работу на свой страх и риск.

Все это был народ грубый, лихой, забубенный. В праздники пьяные лежали на откосах Обводного канала, на мостовой Лиговки. Воздух оглашало чудовищное сквернословие. Слышались песни под тульскую гармонику. Драки, убийства, беспричинная поножовщина были здесь бытовым явлением. Как писал один старообрядец, возмущенный идеей открыть в Ямских храм, «район этой местности глухой и отдаленный по своему положению, грязный, циничный и буйный по сложившейся там жизни, окружен публичными домами, трактирами низшего разряда и тому подобными вертепами».

ПЕСКИ

Знаменская площадь (сейчас — площадь Восстания) вплоть до середины XIX века являла собой глухую окраину: неопрятные одноэтажные дома; пасутся козы; течет мутный Лиговский

канал. Что-то типа нынешнего Девяткино, Володарки, Металлостроя. Уже не город, но еще не пригород: граница Ямской (на запад от Лиговки) и Песков (на восток от тогдашнего канала — нынешнего проспекта). Пески административно образовывали Рождественскую часть, в Ленинграде это был Смольнинский район. Десять застроенных деревянными домишками Рождественских улиц (ныне — Советские) пересекались Слоновой улицей, переименованной позже в Суворовский проспект.

Населяли Пески мельчайшие чиновники, купеческие вдовы, фельдшеры и прочая служилая и ремесленная мелкота. Здесь в Мыльном переулке жила, например, Агафья Тихоновна — несостоявшаяся супруга Подколесина из «Женитьбы» Гоголя. Пропащий, праздный, бродячий люд сосредоточивался и на 4-й Рождественской, наполненной рассадниками порока — дешевыми кабаками и борделями. По воскресеньям контраст буйству столичной черни составляли наивные песковские купеческие семейства, выходившие на прогулку в залежавшихся, отдающих камфарой праздничных костюмах покроя 1850-х годов.

Со времен Александра II прибежищем купеческой «приличной» молодежи считался сквер у Греческой церкви (на Греческой площади).

Особая жизнь отличала Калашниковский проспект (ныне — проспект Бакунина). Он вел к одноименной пристани, к которой по Неве через Мариинскую систему каналов приходили из Рыбинска, с Волги барки с зерном и мукой. Здесь их разгружали многочисленные артели крючников, тут получали расчет и шабасили ватаги бурлаков и судорабочих. Зимой в пустых барках ютились бродяги и нищие. Степенные старообрядцы — хлебные короли, определявшие конъюнктуру европейских хлебных цен, — заключали в «чистых» половинах трактиров по Калашниковскому и Староневскому многомиллионные сделки.

По берегам Невы выросли ткацкие фабрики, и на Мытнинской, Дегтярной, Новгородской улицах пели, пили, дрались, читали марксистские брошюры и копили классовую ненависть ткачи — выходцы из унылых смоленских и витебских деревень. Характерное твердое белорусское «ч» (как у Андрея Громыко и Александра Лукашенко) стало диалектной особенностью местного говора.

ПРУДКИ

Та часть Лиговки, где поселился Достоевский, считалась более респектабельной, называлась она Прудки. Дело в том, что на месте нынешнего сквера на углу улицы Некрасова и Греческого проспекта находились пруды, которые в течение пятидесяти лет (с 1727 по 1777 год) использовались как бассейн, снабжавший водой фонтаны Летнего сада. Пруды засыпали уже после смерти Достоевского, в 1892 году.

С 1788 по 1822 год Греческая площадь именовалась Конной. Другой вариант названия — Летняя Конная площадь — просуществовал до 1875 года. На этом месте летом торговали лошадьми. Зимой конный торг перебирался на Зимнюю Конную площадь, располагавшуюся на месте сада им. Чернышевского. С 1812-го до 1821 года иногда употреблялось название Александровская площадь, которое было связано с относительной близостью ее к Александро-Невской Лавре.

Здесь, в районе Прудков, в 1860–1870-е годы развернулось строительство: появилась частная гимназия Ф. Бычкова (Лиговский проспект, 1), Евангелическая женская больница (Лиговский проспект, 2–4), детская больница принца Петра Ольденбургского (ныне — больница Раухфуса, Лиговский проспект, 8) и множество доходных домов.

Достоевский жил напротив греческой церкви Дмитрия Солунского, построенной на бывшей Летней Конной площади в 1865 году на деньги богатейшего откупщика, грека Дмитрия Бенардаки. Храм принадлежал греческому посольству. Церковь, вероятно, напоминала Достоевскому его любимую геополитическую идею — присоединение Константинополя к России. Ему казалось, что греки этому могут помешать: «Греки ревниво будут смотреть на новое славянское начало в Константинополе и будут ненавидеть и бояться славян даже более, чем бывших магометан... Предстоятели православия в Константинополе могут унижаться до интриги, мелких проклятий, отлучений, неправильных соборов и проч., а может быть, упадут и до ереси — и все это из-за национальных причин, из-за национальных оскорблений и раздражений. Почему славяне выше нас, могут сказать все греки вместе, почему признается их безусловное право на Константи-

нополь, хотя бы и вместе с нами?!» Сейчас на месте снесенного в 1962 году храма — концертный зал «Октябрьский».

Место, на котором располагается нынешняя площадь Восстания, долгое время оставалось городским пригородом. Называли его урочище Пеньки. Где-то здесь находился Егерский двор — резиденция егермейстера, по-нашему — заведующего императорским охотничьим хозяйством. С 1744 года в Пеньках разместили 14 слонов, подаренных императрице Анне Иоанновне персидским шахом Надиром. «Слоновая Ее Императорского Величества охота» состояла из нескольких дубовых слоновников, обнесенных высоким частоколом. На водопой животные ходили к пруду, находившемуся на месте нынешней больницы Раухфуса. По этому экзотическому учреждению главную улицу Песков и называли Слоновой (в 1900 году она была переименована в Суворовский проспект: приближалось столетие со дня смерти генералиссимуса). При Екатерине II слонов перевели в Царское Село, а на месте слоновников построили каретные сараи.

Рядом с Николаевским (Московским) вокзалом было полно приезжих — гостей города. Квартал являл не столько место постоянного жительства, сколько огромный караван-сарай: меблированный дом «Пале-Рояль», гостиницы «Знаменская», «Дагмар», Щукина и 13 меблированных комнат (сейчас сказали бы, мини-гостиниц).

Русский обычай — дела делать в столице. Так было, так будет. Получение лицензий, казенных подрядов, ссуд из средств бюджета, решение запутанных судебных дел, устройство сына в гвардию или лицей — все это требовало визита в Петербург. Мечтавший о карьере молодой провинциальный актер должен был понравиться чиновникам Дирекции императорских театров. Служивший в гарнизонной глуши штабс-капитан видел только одну возможность выбиться в полковники — поступить в Военную академию. Литератора влекли столичные журналы и издательства, певичку — загородные театры, кокетку — кошельки знати. Даже уважающие себя воры (большинство из них было варшавянами) знали: нигде так не «поработаешь», как на берегах Невы.

Обладавшим солидными средствами путеводители рекомендовали первоклассные гостиницы: «Гранд-Отель» на Ма-

лой Морской, 20; «Европейскую» на углу Невского проспекта и Михайловской улицы; «Отель де Франс» на Мойке; «Демут» на Большой Конюшенной. Цены за номер в сутки («с прислужгой, электрическим освещением и отоплением») здесь были от 10 до 30 рублей в сутки (жалование чиновника средней руки — 150 рублей в месяц). Обед из шести блюд (без вина) в ресторанах таких гостиниц обходился в полтора рубля, завтрак из двух блюд в 75 копеек (примерно столько получал в день рабочий средней квалификации). У вокзалов дежурили гостиничные экипажи, довозившие в гостиницу за 75 копеек. Обратный путь, к вокзалу, обходился в два раза дороже.

Средний класс, стремившийся к комфорту в рамках бюджета, предпочитал гостиницы, где номера стоили от рубля до пяти за сутки. Таковыми считались «Виктория» на Большой Конюшенной, «Балабинская» на Знаменской, «Виктория» на Казанской, «Москва» на углу Владимирского и Невского.

Любимой резиденцией русского купечества считалась «Маринская» гостиница в Апраксином дворе. Хорошо пообедать в ней можно было за рубль. В ресторанах предпочитали русскую кухню.

Приезжающим с более скромными средствами приходилось пользоваться помещениями в меблированных комнатах, имеющих в достаточном количестве в любой части города. Заплатив от 1 до 2 рублей за номер в сутки, здесь можно было иметь вполне приличную комнату без добавочных расходов на белье, самовар и свечи.

Оставив вещи на хранение при вокзале, приезжий, выбрав улицу для жительства, отправлялся туда конкой, дилижансом или извозчиком и, наняв подходящий по цене номер, посылал рассыльного или слугу при меблированных комнатах за своими вещами. Обеды за табльдотом в меблированных комнатах стоили от 65 копеек до 1 рубля. Цены на меблированные комнаты летом понижались в два раза. Жили здесь иногда годами. «Меблирашки» выбирали холостяки, не желавшие обрести хозяйством, литературная и артистическая богема.

Солидные люди предпочитали снимать в столице квартиру. Наиболее полный массив информации об условиях аренды можно было найти в газете «Новое Время». Годовые цены на квартиры в Петербурге начала века колебались в зависимости от ме-

стоположения, этажа, условий в следующих пределах: квартира в 1–3 комнаты — 360–500 рублей в год; 3–5 комнат — 500–900 рублей; 5–10 комнат — от 900 до 2000 с дровами и услугами (ремонт, печник, швейцар). Дополнительный расход (без которого обходились останавливающиеся в гостиницах и «меблирашках») — наем прислуги. Месячная плата повара составляла 20–50 рублей, кухарки вместо повара — 15–20, лакея — 15–25, горничной — 8–12, няни — 6–10. Наниматель обеспечивал прислугу проживание и питание.

Конечно, огромное количество приезжих в Петербурге не имело денег на гостинцы или наем отдельной квартиры. Студенты и рабочие снимали комнаты, артели строителей — подвальные помещения, бродяги находили приют в ночлежных домах или в ямах и шалашах столичных свалок.

ЮГ ЛИТЕЙНОЙ ЧАСТИ

Юг Литейной части — переходная зона от разночинного Петербурга к аристократическому. Здесь, в отличие от расположенных к северу Кирочной, Захарьевской, Фурштатской улиц, нет гвардейских казарм, рядом шумный Невский. Районы, прилегающие к Невскому проспекту за Фонтанкой, исторически противопоставлены друг другу, как разные страны: бедные и богатые. Московская сторона (нынешние окрестности Владимирского и Загородного проспектов) выросла из слободок дворцовых служителей: население пестрое, по преимуществу купцы, мелкие чиновники, служилая интеллигенция.

В целом Литейная часть к концу XIX века — самая благополучная и модная: в ней проживали гвардейские офицеры, строилось множество особняков. Здесь были ниже, чем в любом другом районе города, процент жителей из крестьян, уровень смертности, плотность населения, выше — количество жилой площади на одного проживающего.

Между улицей Жуковского и Невским проспектом — больше служили, чем жили, сюда забегали, здесь не селились. Множество редакций, адвокатских контор, офисов акционерных компаний, ресторanchики. Так было в конце XIX века, так обстоит дело и в начале XXI.

Квартал между Невским проспектом и Симеоновской улицей (ныне — Белинского) — один из самых неуклюжих в центре. Он несуразно длинный. Если идти по Литейному или по Фонтанке, инстинктивно хочется его уполовинить. Местные жители (и кто знает дорогу) могут добраться от набережной к Литейному через дворы Фонтанного дома (со стороны Шереметевского дворца на западе или Музея Ахматовой на востоке). Но любому понятно: что-то здесь не так, — должна быть еще одна улица. И это правда: когда-то прямой проход на Фонтанку от Литейного существовал.

С 1712 по 1804 год на огромном участке, занимаемом ныне филиалом Российской национальной библиотеки, «Академкнигой», Мариинской больницей и роддомом Снегирева, от Фонтанки до Лиговки параллельно Невскому простиралась императорская усадьба — Итальянский дворец — с огромным парком. Впрочем, дворец, построенный для дочери Петра Великого Анны, пустовал. Анна Петровна вышла замуж за Карла, герцога Шлезвиг-Гольштейн-Готторпского, и уехала к нему в Киль (там у нее и родился будущий российский император Петр III). В 1800 году во дворце разместилось Училище ордена Святой Екатерины. В 1804 году Итальянский дворец разобрали, и на его месте Джа-

Литейный проспект

комо Кваренги построил для училища специальное здание на всю ширину Итальянского сада. Так проход от Фонтанки к Литейному был закупорен. Затем тот же Кваренги воздвиг здание Мариинской больницы на противоположной — четной — стороне Литейного проспекта и закрыл прямой выход на восток от Литейного к Лиговке, параллельный нынешней улице Жуковского (тогда Малой Итальянской). Остатки Итальянского сада тем не менее видны на местности. Это скверик в «Пале-Рояле» — дворе между Публичкой и «Академкнигой», садик Мариинской больницы (через комплекс которой можно при удаче пройти от Литейного до улицы Маяковского) и, наконец, раскрытые проходные дворы от Маяковского до Восстания.

СЕВЕР МОСКОВСКОЙ ЧАСТИ

К востоку от Владимирского и к югу от Невского проспекта со времен императрицы Анны Иоанновны размещалась Дворцовая слобода.

В 1736 и 1737 годах два колоссальных пожара уничтожили центр Петербурга. Размер стихийного бедствия, по мнению властей, напрямую был связан со скученностью построек в центре города. Отсюда решение: переселить часть горожан в пригороды, за Фонтанку. 28 июня 1737 года императрица Анна Иоанновна издала указ выселить придворных служителей из дворцовых помещений, а «тем, которым наперед сего квартиры по указам даваны, ныне от тех квартир отказать и впредь не давать».

Погорельцы из дворцовых служителей получили ссуду на застройку за Фонтанкой. В 1739 году Комиссия от строений представила императрице доклад с точным указанием границ будущего жилого района: «для поселения Вашего Императорского Величества как Придворных, так и Конюшенных, так и дворцовых служителей, в правой стороне Невской перспективы, в том месте... а за теми слободами, от Литейной улицы до болота, на котором построен господина Генерал-Фельдмаршала и Кавалера Графа фон Миниха двор...» (то есть до нынешней площади Восстания).

Места для застройки предоставлялись эксклюзивно: «Кроме тех Придворной, Конюшенной и Дворцовой команд в тех назна-

ченных им местах под строение дворов места другим посторонним никому не отдавать, а быть тем местам за теми командами вечно». На Невский, Владимирский и Загородный проспекты выходили дома «первых чинов», их полагалось строить на каменном фундаменте по индивидуальным проектам. В глубине квартала отводились места для «тех же команд подлых служителей».

Повара поселились в Поварском переулке, кузнецы — в Кузнечном, хлебники — в Хлебном (ныне — Дмитровском), стремянные (конюшенные) — на Стремянной улице. С запада слободу ограничивала часть Литейной перспективы (Владимирский проспект), с востока — Грязная улица (ныне — улица Марата).

Нынешняя Звенигородская улица (тогда — 12-я рота Семеновского полка) обозначала восточную границу Семенцов — слободы лейб-гвардии Семеновского полка. Загородный проспект являлся рубежом между выходившими на Фонтанку барскими усадьбами и землями, отданными под застройку кабинетским служителям. Кабинет Ее Величества занимался собственно императорским хозяйством, играя функционально роль нынешних Администрации президента и Управления делами президента. Кабинетским служителям бесплатно раздавались земельные участки между Загородным проспектом и Кабинетской улицей

Ремесленная управа,
Загородный проспект, 2

(от этого и произошло тогдашнее название улицы Правды). Разъезжая улица вела от Загородного проспекта в Московско-Ямскую слободу — поселение ямщиков, перевозивших путников и почту в Москву (это район, лежащий вдоль Лиговки); с Разъезжей можно было свернуть и на Новгородскую дорогу, ставшую позднее Боровой улицей.

Наконец, перерезающая квартал посередине Ивановская улица (ныне — Социалистическая) вела к Ямской Иоанно-Предтеченской церкви, в честь нее улицу и назвали.

Тогда же определилось и местонахождение Владимирской площади: «Посреди же тех Придворной и Дворцовой команд, в месте, где Литейная и позади набережных по Фонтанке перспективная улица сойдутся вместе, сделать торговую площадь, на которой против обеих тех улиц построить церковь».

Случилось, однако, то, что и всегда бывает с поселениями, основанными людьми одной профессии: дети не шли по пути отцов, недвижимость переходила в другие руки. Мелкий служилый люд, кормившийся от императорского двора, те, кто, пушкинскими словами, «ваксил царские сапоги», постепенно растворялись среди разночинных новоселов. В отличие от соседних кварталов, этот окончательно застроился каменными домами уже в царствование Николая I. Его не затронул ни разрушительный пожар 1862 года (как район Пяти углов), ни строительный бум 1870-х (как Пушкинскую или улицу Рубинштейна, бывшую Троицкую).

Двух- и трехэтажные особнячки и доходные дома населялись по преимуществу мелким чиновным людом, ремесленниками. Это район акакиев акакиевичей и тех, кто их описывал. Именно в 1840–1850-е годы, в гоголевский период русской литературы, в этих домишках ютились чуть ли не все представители «натуральной школы» — те, кто дебютировал в русской литературе во второй половине царствования Николая I. Поблизости жили Белинский, Достоевский, Григорович, Гончаров, Некрасов, Панаевы, Тургенев, Чернышевский. Такому сгущению молодых литераторов способствовали три обстоятельства: сравнительная дешевизна жилья в этом квартале, близость большинства редакций и, наконец, «гуртовое» начало русской литературы: писатели всегда ходят стайками.

Спустя некоторое время они стали общепризнанными лидерами русской литературы и переехали на более фешенебельные улицы. А здешние переулки так и остались хранить память о временах безумной популярности итальянской оперы, о «Записках охотника», «Еду ли ночью по улице темной», «Бедных людях», «Антоне-Горемыке», «Обыкновенной истории» и «Русском человеке на randevu».

Набережная Фонтанки от Графского переулка в сторону Гороховой — смесь особняков, доходных домов, казенных (Запасной двор Дворцового ведомства, казармы гвардейского Московского полка) и торгово-промышленных заведений (лесная биржа, торговые бани, лесной двор, водокачальная машина, рынок).

Кузнечного рынка, сейчас главного в районе, тогда не было, продукты покупали на Ямском (угол нынешних Разъезжей и Марата).

Среди жителей Московской части преобладали мелкие чиновники и купцы с Апраксина и Гостиного дворов. Жизнь была патриархальная. Лечились у знахарей, «отворяли кровь» у цирюльников, «от заразы» у входных дверей квартиры вешали открытую банку с дегтем и пучок чеснока.

На Стремянной улице располагались сады Харжевской и Мичуриной, в Щербаковом переулке — Верховской сад. Погулять и подышать свежим воздухом также можно было во дворе дома Фредерикса (он и сейчас стоит на углу Графского переулка и Владимирского проспекта), за оградой Владимирского собора, во Владимировой роще на Лиговке. У Пяти углов и на Кузнечном переулке находились пруды.

По дворам ходили шарманщики, «Петрушки» с ширмами, дрессировщики с учеными собаками, обезьянами, тюленями в бадьях, акробаты.

На нынешних Большой и Малой Московской, Социалистической (в прошлом — Ивановской), Правды (Кабинетской) — частные дома, огороды, пустыри, сараи. Скорее пригород, чем столичный город.

Вплоть до 1860-х годов больших каменных домов (за исключением университета и гимназии) здесь не было, район напоминал нынешние дачные предместья: небольшие двухэтажные домики в глубине приусадебных садов. В царствование Александра II квартал стал застраиваться доходными домами.

В 1870-е проложена и застроена Пушкинская улица, освоена бо́льшая часть Литейного проспекта, улица Рубинштейна (бывшая Троицкая). Литейную и Выборгские части соединил постоянный Литейный мост.

В эти годы в Московской части практически не было особняков — сплошь доходные дома. По Чернышеву переулку (нынешняя улица Ломоносова) проходил короткий путь к Апраксину двору, поэтому и селились здесь, как и прежде, лавочники, а с ними и вся торговая обслуга — приказчики и «мальчики». В Щербаковом переулке традиционно жили татары-халатники, старьевщики, торговцы галантереей и казанским мылом. Место это привлекало их еще и тем, что поблизости находился крупнейший в городе частный ломбард (Владимирский, 14).

По Загородному и Кабинетской население было не купеческим, а чиновным и разночинным: рядом несколько известных в городе мужских и женских гимназий, коммерческих училищ, адвокатских контор, типографий, редакций. Недалеко — министерства народного просвещения и внутренних дел. Селились на этих улицах также студенты и преподаватели институтов: гражданских инженеров и технологического.

Ближе к Пяти углам располагалось множество портерных и трактиров, так что угол Щербакова переулка и Троицкой (Рубинштейна) улицы считался местом значным и забубненным.

МАРАТА И ПУШКИНСКАЯ

Квартал между Пушкинской и Марата непропорционально длинен. Планировщики конца XIX века здесь схалтурили — продолжение Лиговского переулка в сторону Стремянной и Колокольной улиц просто напрашивалось: получился бы дублер Невского проспекта от Лиговки до Владимирского. Впрочем, с Марата и так есть несколько проходов на Пушкинскую: по проходным дворам (по Марата дома № 2, 4, 14, 16).

Улица Марата — топонимический памятник красному Петрограду, столице Всемирной революции. Жан-Поль Марат, кровожадный карлик — один из самых зловещих политиков якобинской Франции; он был не даром заколот Шарлоттой Корде. И переименование проспекта Двадцать Седьмого Февраля (так

в память о свержении самодержавия называлась улица Марата (с весны 1917-го) в конце 1918 года означало: большевики возвращаются к якобинскому красному террору.

Первое название проезда от Невского проспекта в сторону слободы Семеновского полка (район нынешнего Витебского вокзала) появилось в конце царствования императрицы Анны Иоанновны. Тогда нынешняя улица Марата называлась Преображенской Полковой улицей, потому что вела от преображенцев к семеновцам, другому старейшему полку русской гвардии. Первоначально проезд шел от Невского только до Разъезжей и лишь в 1790-е годы улица получила современное свое начертание, изгибаясь параллельно Загородному проспекту и заканчиваясь Семеновским плацем (сейчас — Звенигородской улицей). В XIX веке Преображенскую Полковую улицу пренебрежительно переименовали в Грязную. В 1856 году улица была названа Николаевской в честь императора Николая I. Это название сохранялось до Февральской революции 1917 года. После революции (в 1917–1918 годах) улица называлась проспектом Двадцать Седьмого Февраля в честь даты свержения самодержавия. Нынешнее имя улица Марата получила в ноябре 1918 года.

Пушкинская улица уникальна для Петербурга одностильностью и одновременностью застройки. Ее проложили в 1874 году и до 1876-го улица называлась Новой. Затем, до 1881 года улица носила название Компанейской (возможно, в честь лейб-кампании — гвардейцев, возведших на престол Елизавету Петровну). Наконец, с 1881 года и до наших дней наименование ее не меняется — Пушкинская улица. Футуристам не удалось сбросить Александра Сергеевича с «корабля современности»: с середины XIX века он остается и главным государственным, и главным народным поэтом России. Коммунисты любили «Послание в Сибирь», «Вольность», «Кинжал». Патриоты всех времен предпочитали «Клеветникам России» и «Полтаву». Эпикурейцы и либералы восторгались «Графом Нулиным» или «Из Пиндемонти». Пушкин — всепогоден, удароустойчив, словом, универсален.

Из 20 домов на улице, девять (№ 1, 2, 3, 5, 6, 7, 12, 13, 14) построил Павел Сюзор, три (№ 17, 18, 20) — Александр Иванов. Длина Пушкинской — всего 477 метров. Она открывается с Невского пропилями двух доходных домов М. Мальцевой, постро-

енных в 1874 году Павлом Сюзором. Роскошные доходные дома в «парижском» стиле образуют уникальный ансамбль времен Анны Карениной. В центре, в створе Лиговского переулка — общественный сквер, разбитый городским садовником А. Визе.

Маршрут по местам последних лет жизни писателя

НИКОЛАЕВСКИЙ (НЫНЕ — МОСКОВСКИЙ) ВОКЗАЛ

В 1843 году началось строительство Николаевской железной дороги между Москвой и Петербургом. Указ гласил: «Пред станцією в Санкт-Петербурге по высочайшему повелению будет образована площадь и обстроена частными красивыми, соответственными станции зданиями». Вокзал решено было построить за рекой Лиговкой, на пересечении ее с Невским проспектом. Здесь сходились собственно Невский и старая Новгородская дорога. Знаменская (в наши дни Восстания) площадь получила свою нынешнюю трапециевидную планировку по проекту известного архитектора Николая Ефимова. 18 августа 1851 года в четыре часа утра из Петербурга в Москву отправился царский поезд. Состоял он из девяти вагонов. Царские апартаменты со столовой, кабинетом и опочивальней были обиты пунцовой материей, полы всюду застланы персидскими коврами. Для оформления царского поезда в Россию из Франции специально были вызваны мастера-декораторы. Во время первой поездки императора Николая I и его семью сопровождала целая свита именитых гостей. Царь очень боялся переезжать по мостам и шел через реки вслед за поездом пешком. Несмотря на все остановки и задержки, поезд прибыл в Москву в тот же день (через 19 часов).

Первый пассажирский состав для простых смертных был отправлен только 1 ноября. Этот поезд состоял из паровоза, двух мягких, трех жестких и одного багажного вагонов — всего на 192 человека. Плата за проезд по тем временам была очень высокой: в первом классе — 17 рублей, во втором классе — 13 рублей, в третьем — 7 рублей. Простой люд размещался в товарных вагонах или на открытых платформах, стоило это по 3 рубля с человека. Приобрести билет было непросто: желающий отправиться в Москву должен был предварительно подать в полицию особое прошение и свой паспорт. После проверки личности просителя ему давали разрешение на приобретение билета, а паспорт возвращался обер-кондуктором поезда только на конечной станции, после прибытия.

Николаевский вокзал построен по проекту знаменитого архитектора Константина Тона — при Николае I он играл ту же роль, что Растрелли при Елизавете. Это въезд в город со стороны исторической столицы России, поэтому здание подчеркнуто парадно. Архитектура намекает на елизаветинское барокко: скорее дворец, чем железнодорожная станция. В центре — часовая башня, перекликающаяся с ратушами средневековой Италии и башней Городской думы на Невском проспекте. К Московскому кремлю

Николаевский
(ныне — Московский) вокзал

близок другой архитектурный мотив — двойная арка, вписанная в арочный проем. Она использована Аристотелем Фиораванти в Успенском соборе и с тех пор применялась древнерусскими зодчими, получив название «вислое каменье».

Николаевский вокзал для Достоевского — место, откуда он отправлялся по несколько раз в год в Москву или Старую Руссу (поезд шел до Чудово, там брали извозчика). Денег на комфортный первый класс не хватало: ехал вторым или уже совсем неудобным третьим. Отсюда вечные жалобы: «Дорогой я устал ужасно, так что и теперь еще невмочь»; «В вагоне все сквозной ветер»; «В вагонах, закупоренных, с гадчайшей вентиляцией, была такая духота, что думал умереть. Кроме того, закурили воздух так, что я кашлял всю ночь до надрыва».

Поезда на Москву отправлялись в 1870-е годы 5 раз в сутки. Курьерский поезд отправлялся в 19:15 и прибывал в Чудово в 22:00, а в Москву в 10:15. Билет в Москву стоил 8 рублей в третьем классе, 13 — во втором, 19 рублей — в первом классе.

ЗНАМЕНСКАЯ ЦЕРКОВЬ

Застройка Песков начиналась со Знаменской церкви. Указ о ее постройке был издан еще в 1759 году — за два года до смерти императрицы Елизаветы. Деревянную церковь «против Егерского и Птичьего дворов» освятили только в 1765 году: район был бедный, и сбор средств на строительство шел медленно. Перестройка церкви (ее официальное название — во имя Входа Господня во Иерусалим) в камне также двигалась неспешно — процесс занял 10 лет, с 1794 по 1804 год. Белую пятикупольную церковь на высоком гранитном цоколе спроектировал архитектор Федор Демерцов. Она была похожа на сохранившийся до наших дней собор в Софии (ныне это часть Пушкина), построенный Чарльзом Камероном. В плане Знаменская церковь имела вид квадрата. Пять ее шлемовидных глав располагались на высоких барабанах. Вокруг церкви — чугунная ограда и две часовни. Церковь Входа Господня во Иерусалим называли Знаменской по ее главной святыне — иконе «Знамение», исполненной в 1175 году в Новгороде греком Христофором Семеновым.

В 1170 году князь Андрей Боголюбский, тиран и автократ, послал с войной на вольный Новгород своего сына Мстислава. Силы были неравные. Новгород вот-вот должен был пасть. Архиепископ Новгородский Иоанн три дня и три ночи с самого появления врагов стоял при алтаре Господнем в соборной церкви, ограждая свою паству неусыпными молитвами. В последнюю ночь, когда все знали, что следующий день решит свободу или рабство Новгорода, святитель услышал голос, повелевавший ему идти в церковь Спаса на Ильинской улице, взять оттуда икону Владычицы и вознести ее на городскую стену — и «узриши спасение граду». Тучи стрел летели на стену. Вдруг одна стрела какого-то суздальца вонзилась в икону — внезапно она отвратила свой святой лик от нападавших и обратилась к городу. Слезы падали из очей Богородицы, и святитель Иоанн, приняв их на свою фелонь, в умилении воскликнул: «О, дивное чудо! Как из сухого дерева текут слезы? Царице! Ты даешь нам знамение, что сим образом молишься пред Сыном Твоим и Богом нашим об избавлении града». Враг бежал в страхе. Спасение Новгорода все признали чудом от иконы Знамения Божией Матери.

Знаменская церковь выступала символом преемственности двух столиц российского Севера — Новгорода и Петербурга. В церкви стоял барочный иконостас с иконами дворцовых мастеров петровского и аннинского царствований; в ризнице хранилась великолепная утварь и на престольный серебряный крест с частицами святых мощей, Животворящего Креста и ризы Божией Матери.

Дальше — грустная история. Церковь закрыли в 1938 году, в 1941-м — взорвали. В 1955 году на этом месте построили наземный вестибюль станции метро «Площадь Восстания» (архитекторы И. Фомин, Б. Журавлев, В. Ганкевич), в архитектуре которого присутствуют переключки с архитектурой Знаменской церкви. «Площадь Восстания» — станция пилонного типа. Она была конечной для первого участка первой линии метро («Автово» — «Площадь Восстания»). С обеих сторон вестибюля, на втором пилоне — барельефы, на которых уцелели изображения генералиссимуса Иосифа Сталина.

ЗНАМЕНСКАЯ (НЫНЕ — ОКТЯБРЬСКАЯ) ГОСТИНИЦА

Лиговский проспект, 10

В 1851 году «Санкт-Петербургские ведомости» писали о будущей гостинице: «Гостиница будет называться Знаменскою, по имени находящейся в этом месте приходской церкви». Мысль об учреждении в этой части города обширной гостиницы и вокзала принадлежит покойному императору Николаю Павловичу: «всемилоостивейше соизволить пожаловать предпринявшим осуществление этой мысли за ничтожнейшую плату обширное место против самой станции железной дороги». Недостаточность средств предпринимателей долго замедляла ход работ, которые в настоящее время быстро приводятся к окончанию. «Гостиница будет помещаться во всех четырех этажах переднего фасада здания. Парадная лестница, вся на чугунных арках, легкая и красивая, уже совершенно готова. В бельэтаже предполагается поместить отделение для городских посетителей. Прямо с лестницы — вход в большой в два света вокзал с хорами, имеющий 11 сажень в длину, $51/2$ в ширину и $31/4$ сажень вышины. Отделка потолков и стен лепною работою и под белый мрамор еще не окончена. Залу эту предполагается отдавать внаем для концертов. По бокам вокзала две меньшие залы — столовая и биллиардная; от них через коридор со стороны столовой будет небольшой зимний сад с фонтанами, а со стороны биллиардной — особая стеклянная галерея для помещения в обширных водохранилищах живой рыбы. Тут же рядом — большая светлая кухня с мозаическим полом и с множеством различных печей и плит нового устройства. Прочие комнаты еще не совсем отделаны, полы во всех них паркетные. В верхних этажах — номера для приезжающих, устроенные очень удобно. Отопление производится пневмическими печами, и каждый номер снабжен вентилятором для очистки воздуха. Вообще, удобство, чистота и порядок здесь замечательны во всем, и если цены на номера и порции будут умеренные, то как приезжающие по железной дороге, так и городские жители не оставят новой гостиницы без внимания. Потребность в обширной, устроенной на большую ногу и удовлетворяющей современным требованиям гостинице чувствуется у нас давно».

Знаменская (ныне — Октябрьская) гостиница,
Лиговский проспект, 10

Фасад «Знаменской» выходил на одноименную площадь, а на Лиговский проспект — построенный Александром Гемилианом (как и гостиница) доходный дом Фредерикса. Из постояльцев «Знаменской» отметим имама Шамиля, находившегося осенью 1859 года, после сдачи в плен, с визитом в российской столице. По словам тогдашнего журналиста, наибольшее впечатление на воинственного аварца произвел газовый рожок. «Он вертел его во все стороны, желая убедиться в своем предположении, что тут непременно должно скрываться где-нибудь масло, которое поддерживает горение. Он никак не хотел верить словам: не масло, а газ». В 65-м номере гостиницы провел ночь перед преступлением Дмитрий Каракозов, стрелявший 4 апреля 1866 года в Александра II.

«Знаменская» гостиница с 1856 года принадлежала княгине Вачнадзе, с 1864-го — жене титулярного советника Марии Руадзе; в 1866 году гостиницу купила жена губернского секретаря Екатерина Голынская, а от нее в 1871 году она перешла к дворянке Анне Пантелеевой. Однако и это не все. В 1876 году «Знаменская» стала собственностью купца Василия Тулякова. Но в 1882 году он обанкротился, и собственником стал ротмистр Митрофан Сементовский-Курилло. При нем в 1891 году «Знаменская» была переименована в «Большую Северную».

В наше времена «Знаменская» считалась бы типичным пятизвездочным отелем.

Впрочем, как это часто бывает, количество «звезд» не соответствовало качеству обслуживания. Федор Достоевский останавливался здесь несколько раз, пока Анна Григорьевна с детьми находилась в Старой Руссе. В феврале 1875 года он ропщет в письмах к жене: «За номер — 2 рубля, цены против летних, сами говорят, что увеличены, и гостиница во всех отношениях ветховата».

К тому же, как и всякая привокзальная гостиница, она предназначалась не только для приезжих, но и для «приходящих». В полшестого утра 7 февраля 1875 года Достоевского, проработавшего всю ночь над «Подростком» разбудил шум: «В соседнем номере, который был пустой, хохот, женский визг, мужской бас и так часа на три: только что приехал какой-то купец с двумя дамами и остановился... Спал всего часа четыре. Чувствую раздражение нервов и даже озноб».

На следующий день все еще хуже: «В 7 часов (утра. — Л. Л.) соседи, купец с двумя дамами, поднимают опять визг, хохот, самый громкий разговор, доходящий до крику. Отделяется же не стеной, а одной лишь дверью. Я вскочил, оделся и немедленно потребовал другой номер. Оказался свободным только один, в три рубля в самом низу, я немедленно переехал и лег, но уже заснуть не мог». Но и новый номер оказался не лучше: «В залах гостиницы праздновалась свадьба купцов-лавочников, сотня пьяных гостей, музыка, конфетти. Я лег в 2. Но до 5 1/2 не мог заснуть, потому что по нашему коридору бродили и кричали забредшие сверху пьяные. Я вскакивал, отворял двери и ругался с ними».

Сервис тоже не на высоте: «В гостинице все так медленно исполняют. Закажешь чай, и раньше полчасу не подадут».

Но от добра добра не ищут и, даже переехав на Кузнечный переулоч, Достоевский предпочитал жить (когда уезжала семья) в этой гостинице, хотя давали ему «номер отвратительный, в котором в первый же час... простудился — окнами на север, тесно, мрачно».

ДОМ СЛИВЧАНСКОГО

Лиговский проспект, 25

В доме Сливчанского на углу Лиговского проспекта и Гусева переулоч (переименованного в переулоч Ульяны Громовой) Достоевские поселились зимой 1873 года. Здание было четырехэтажное, построено в 1854 году военным инженером К. Егоровым. При советской власти дом капитально отремонтировали, надстроили один этаж, но наружный его облик остался прежним.

Квартира Достоевских находилась во втором этаже, окна с балконом выходили на Лиговскую улицу. Напротив — детская больница Раухфуса (тогда — принца Ольденбургского).

«Чтобы жить поближе к редакции „Гражданина“, нам пришлось переменить квартиру и поселиться на Лиговке, на углу Гусева переулоч, в доме Сливчанского. Выбор квартиры», — по словам А. Достоевской — «был очень неудачен, комнаты были небольшие и неудобно расположенные».

Домохозяин — купец Моисей Петрович Сливчанский — оказался хамом и измучил писателя мелкими придирками. Анна

Григорьевна отмечала «беспокойный характер хозяина нашего дома. Это был старичок очень своеобразный, с разными причудами, которые причиняли и Федору Михайловичу и мне большие огорчения».

Домовладельцу то не нравилось, что посыльные ходят к Достоевскому по парадной, а не по черной лестнице, то вдруг придирался к паспорту кухарки; поэтому, несмотря на относительное удобство местоположения дома (он находился в пяти минутах ходьбы от редакции «Гражданина», возглавляемой тогда Достоевским), писатель прожил в нем недолго.

19 августа 1873 года Достоевский писал Анне Григорьевне: «Серьезнейшее дело теперь — это наша квартира. Нельзя оставаться, Аня, говорю не горячася, с рассудком. Я пересказывал дело Анне Николаевне (матери А. Достоевской. — Л. Л.) и она говорит, что нельзя оставаться. Сливчанский — это какой-то помешанный (я серьезно это думаю). Он нам в декабре скажет: съезжайте, безо всякой причины, и выгонит нас на улицы. У Александры (горничной. — Л. Л.) паспорту срок вышел. Паспорт ее он сам видел и знает, что она не бродяга. Она переслала паспорт в Кронштадт градскому главе и деньги для высылки нового и получила почтовую расписку, что паспорт принят. Но из Кронштадта вот уже 2 недели ни слуху, ни духу. И вот Сливчанский пристаёт к ней и грозит прогнать из дому. Сегодня встретил ее и говорит: „Я твоему барину такое письму напишу, что увидит!“ Каково же это с жильцами поступать, коли гнать от них прислугу из пустяков, за которые уж он ни за что отвечать не может». 6 июня 1874 года Достоевский окончательно расплатился со Сливчанским, отдав ему 50 рублей.

В доме Сливчанского произошел важный поворот в отношениях Федора Михайловича с литераторами, а именно — сближение с Н. Некрасовым. С начала 1870 годов, после появления романа «Бесы» и редакторства крайне правого журнала «Гражданин», отношения Достоевского с большинством русских писателей казались испорченными навсегда.

А. Достоевская вспоминала: «В одно апрельское утро, часов в двенадцать, девушка подала мне визитную карточку, на которой было напечатано: „Николай Алексеевич Некрасов“... Федор Михайлович... пригласил гостя в свой кабинет. Меня страшно

заинтересовал приход Некрасова, бывшего друга юности, а затем литературного врага... Любопытство мое было так велико, что я не выдержала и стала за дверь, которая вела из кабинета в столовую. К большой моей радости, я услышала, что Некрасов приглашает мужа в сотрудники, просит дать для „Отечественных записок“ роман на следующий год и предлагает цену по двести пятьдесят рублей с листа, тогда как Федор Михайлович до сих пор получал по ста пятидесяти».

Достоевский дал согласие не сразу, он не желал выглядеть ренегатом своего литературного лагеря. Но обычный его редактор, М. Катков, не мог предложить условия материально более выгодные и Достоевский начал, как и за тридцать лет до этого, сотрудничество с Некрасовым. Для «Отечественных записок» он написал роман «Подросток».

Достоевский был в душе польщен и доволен возобновившимися дружескими отношениями. Впрочем, он был и насторожен: «Теперь Некрасов вполне может меня стеснить, если будет что-нибудь против их направления... Но хоть бы нам этот год пришлось милостыню просить, я не уступлю в направлении ни строчки!» Неудобство квартиры, ее относительная дороговизна заставили Достоевских провести зиму 1874–1875-го в Старой Руссе, где и писался «Подросток».

ДОМ СТРУБИНСКОГО

Греческий проспект, 6

22 сентября 1875 года Анна Григорьевна написала: «Живем мы по Греческому проспекту (Пески) рядом с Греческим садом, в доме Струбинского, квартира № 6, в третьем этаже».

Четырехэтажный дом, построенный Людвигом Фонтана в 1863 году, находился на углу Греческого проспекта и 5-й Рождественской улицы (ныне — 5-я Советская). Домовладелец, поручик А. П. Струбинский, занимал квартиру из 11 комнат.

Достоевские прожили в этом доме до осени 1878 года. Здесь был закончен роман «Подросток» и несколько выпусков «Дневника писателя».

М. А. Александров вспоминал: «Квартира его находилась в третьем этаже и очень походила расположением приемных комнат

на прежнюю; даже окнами эти комнаты выходили в одну и ту же сторону, именно на восток... Особенною простотою отличался кабинет Федора Михайловича. В нем и намека не было на современное шаблонное устройство кабинетов, глядя на которые обыкновенно нельзя определить — человеку какой профессии принадлежит данный кабинет... Кабинет Федора Михайловича в описываемое мною время (1876 г.) была просто его комната, студия, келия... В этой комнате он проводил большую часть времени своего пребывания дома, принимал коротко знакомых ему людей, работал и спал в ней. Площадь комнаты имела около трех квадратных сажен. В ней стояли: небольшой турецкий диван, обтянутый клеенкою, служивший Федору Михайловичу вместе и кроватью; два простых стола, какие можно видеть в казенных присутственных местах, из коих один, поменьше, весь был занят книгами, журналами и газетами, лежавшими в порядке по всему столу; на другом, большем, находились чернильница с пером, записная книжка, довольно толстая, в формате четвертки писчей бумаги, в которую Федор Михайлович записывал отдельные мысли и факты для своих будущих сочинений, пачка почтовой бумаги малого формата, ящик с табаком да коробка с гильзами... перед столом стояло кресло, старое же, как и остальная мебель, без мягкого сиденья. В углу стоял небольшой шкаф с книгами. На окнах висели простые гладкие шторы...»

Переезд Достоевских с квартиры на Греческом проспекте, 6 на Кузнецкий переулок связан с трагедией в семье. Весной 1878 года Достоевские собирались на дачу в Старую Руссу. Но «16 мая 1878 года, — пишет жена писателя Анна Григорьевна Достоевская, — нашу семью поразило страшное несчастье: скончался наш младший сын Леша». Смерть трехлетнего мальчика была внезапной и оттого еще более трагической. В квартире на Греческом все напоминало умершего сына, и 5 октября 1878 года, после возвращения из Старой Руссы, Достоевские переехали.

ПАВЛОВСКИЙ ИНСТИТУТ

Улица Восстания, 8

В 1794 году в Гатчине, где проживал тогда цесаревич Павел Петрович (через два года он стал императором Павлом I) откры-

ли сиротское училище, предназначенное для малолетних детей, чьи родители — простые солдаты или обер-офицеры — погибли на войне. В 1798 году заведение переименовали в Военно-сиротский дом и оно переехало в Петербург. До 1806 года в доме призывались дети обоего пола, затем — только девочки. С 1829 года заведение стало именоваться Павловским институтом. Как писал тогдашний историк, институт «давал своим питомцам — „Павлушкам“ — подготовку для скромной семейной и трудовой жизни и воспитывал их в духе христианской нравственности, в начатках любви к Царю и Отечеству». Обучали поначалу отставные унтера и капралы, сами знавшие грамоту кое-как.

Каждой девице в общей спальне полагались отдельная кровать, табуретка и тумбочка на двоих с соседкой. Воспитаннице выдавали также в год по три рубашки грубого полотна, три пары чулок, три носовых платка и 2 полотенца. Зимой институтки носили темно-зеленые байковые платья, летом — белые миткалевые. Офицерским дочерям перчатки полагались замшевые, солдатским — нитяные. В отличие от других институтов, в Павловском «музыка, танцы и светское пение не были допущены, чтобы не создавать у девиц привычек, которым они впоследствии не смогли бы найти удовлетворение в окружающей их среде».

Павловский институт.
Бывший сиротский дом для девочек

Институт во времена Николая I разделен был на два отделения: для солдатских и для офицерских дочерей. Солдатских девочек не баловали — они обязаны были по очереди дежурить по кухне, «дабы упражняться в изготовлении пищи, в закупке и сохранении припасов». Их готовили к должностям ключниц, кастиелянш, помощниц кухарок. Словом, Павловский институт напоминал не Смольный, а типическое сиротское заведение времен Оливера Твиста. Положение начало постепенно меняться после того как в 1851 году институт переехал в специально построенное для него здание на Знаменской (Восстания) улице, 8 (до того он поменял три помещения на Фонтанке). Ученицам стали давать чай (правда, в оловянных кружках), выводить на прогулки. В институте обучали теперь только офицерских дочерей, солдатских перевели в школу Человеколюбивого общества. С 1855 года в институте ввели преподавание литературы (прежде несчастные питомицы и не слыхали про Пушкина). Появился дополнительный класс, готовивший институтских надзирательниц (для тех девушек, что не выйдут замуж).

РОДИЛЬНЫЙ ДОМ ИМ. В. Ф. СНЕГИРЕВА

Улица Маяковского, 5

«Незаконнорожденными» назывались в старой России дети матерей-одинок. В Петербурге их доля была значительно выше, чем в стране в целом. В столице России вне брака рождалось в разные годы от 34% (1894–1898 годы в среднем) до 22,1% (в 1904 году), в то время как во всей Российской империи число незаконнорожденных составляло 2,7%. Процент внебрачных детей в Петербурге был, впрочем, ниже, чем в Москве, Париже и Вене, но выше, чем в Берлине. Наибольшая доля внебрачных рождений приходилась на женщин 26–30 лет (34,5%). Греху были больше подвержены православные (29%). У католичек внебрачных рождений — 13%, у протестанток — 9%, иудеек — 0,6%, мусульманок — 0,3%. Чаше незаконнорожденные дети появлялись при первых родах (43,8%).

Подавляющее большинство матерей-одинок в Петербурге составляла домовая прислуга: кухарки, горничные, няньки.

Семейных в дом на брали, меж тем природа и искусы большого города побеждали нравственность. Контрацептивы были не в ходу, аборт — дороги и разрешались только по медицинским показаниям. Город и Ведомство учреждений императрицы Марии старались, как могли, помочь несчастным девицам. При полицейских участках существовали родильные приюты.

Главным прибежищем «секретных рожениц» было Петербургское родовспомогательное заведение. Основано оно было еще в 1771 году при Воспитательном доме (главном петербургском, говоря современным языком, Доме ребенка). 20 тысяч рублей на создание родильного дома на 20 коек пожертвовал Павел Демидов. В 1784 году при родовспомогательном заведении основали Школу повивальных бабок. До 1797 года заведение размещалось на Марсовом поле, затем на месте сегодняшнего университета Герцена, а в 1864 году переехало в нынешнее здание, построенное на Надеждинской (Маяковского) улице архитектором Г. Штегеманом.

Вот как описывал его петербургский журналист Александр Бахтиаров: «Сюда приезжают налегке, не имея средств заплатить даже за извозчика. Прибывшие роженицы принимаются дежурным врачом во всякое время дня и ночи. Если места бывают

Родильный дом им. В. Ф. Снегирева,
бывшее прибежище «секретных рожениц»,
улица Маяковского, 5

все заняты, на воротах вывешивается объявление. Роженицы, приютившиеся в родовспомогательном заведении, могут оставаться, кто из них пожелает, секретными, причем они во все время своего пребывания в заведении никем из посторонних лиц не могут быть посещаемы. Им предоставляется, не объявляя своего места жительства, оставить в запечатанном конверте записку, в которой лишь на случай смерти должны быть обозначены: имя, фамилия, и местоположение родильницы. Этот конверт хранится у директора и при выходе родильницы из заведения возвращается по принадлежности, а в случае ее смерти вскрывается директором».

После революции в здании Родовспомогательного заведения находится знаменитая «Снегиревка» — родильный дом № 6.

МУЗЕЙ-КВАРТИРА Н. А. НЕКРАСОВА

Литейный проспект, 36

Здесь Некрасов прожил с конца лета 1857 года до самой смерти 8 января 1878 года. В этом доме, принадлежавшем издателю Андрею Краевскому, находилась редакция журналов «Современник» и «Отечественные записки», главным редактором которых был Некрасов.

Николай Некрасов — старинный знакомый Федора Достоевского. Собственно, Николай Алексеевич сыграл в судьбе Достоевского-литератора роль крестного отца. Он первым в 1845 году оценил значение «Бедных людей» и, будучи уже заметным литератором, познакомил автора с Виссарионом Белинским, создавшим Достоевскому мгновенную литературную славу. И Николай Алексеевич, и Федор Михайлович всегда помнили майскую встречу 1845 года, предопределившую их особые отношения: взаимную приязнь, которую не могли окончательно испортить ни разница политических убеждений, ни внутрилитературные интриги и сплетни.

Осенью 1846 года отношения Достоевского с товарищами по «Современнику» испортились. Их смешила и даже бесила его завышенная самооценка (тем более что «Хозяйка», «Господин Прохарчин» и «Двойник» успеха не имели). Как писала Авдотья

Панаева, «пошли перемывать ему косточки, раздражать его самолюбие уколами в разговорах».

Федор Михайлович был человек ранимый, и насмешки простить не хотел и не умел: «Достоевский заподозрил всех в зависти к его таланту и почти в каждом слове, сказанном без всякого умысла, находил, что желают умалить его произведение, нанести ему обиду».

Решающую роль в ссоре молодых писателей «Натуральной школы» сыграло издевательское стихотворение Николая Некрасова и Ивана Тургенева «Послание Белинского к Достоевскому»: Витязь горестной фигуры, Достоевский, милый пыщ, на носу литературы рдеешь ты, как новый прыщ. Хоть ты юный литератор, но в восторг уж всех поверг, тебя знает император, Уважает Лейхтенберг. За тобой султан турецкий скоро вышлет визирей... и т. д.

Достоевский устроил скандал Некрасову и покинул навсегда круг «Современника». Деловые отношения издателя-Некрасова и писателя-Достоевского, впрочем, продолжались вплоть до ареста Федора Михайловича в 1849 году и возобновились после освобождения.

Музей-квартира Н.А. Некрасова,
Литейный проспект, 36

Если в 1840-е годы причина охлаждения отношений между писателями была личной, то, начиная с 1860-х, западник Некрасов и почвенник Достоевский находились в разных общественных лагерях. Известно немало неприязненных взаимных отзывов: о пристрастии Некрасова к картам Федор Михайлович говорил, например: «Дьявол, дьявол в нем сидит».

Тем более приятным и неожиданным стало предложение Некрасова, сделанное лично Достоевскому в апреле 1874 года: напечатать свой новый роман в «Отечественных записках».

Отношения между писателями строились с этой поры поверх идеологических барьеров. Особенно трогательно отношение Федора Достоевского к больному Некрасову. Вот воспоминания сестры Николая Алексеевича Анны Буткевич: «Пришел Ф. М. Достоевский. Брата связывали с ним воспоминания юности (они были ровесники), и он любил его. “Я не могу говорить, но скажите ему, чтобы он вошел на минуту, мне приятно его видеть”. Достоевский посидел у него недолго. Рассказал ему, что был удивлен сегодня, увидев в тюрьме у арестанток “Физиологию Петербурга” (альманах, изданный Некрасовым в молодости — Л. Л.). В тот день Достоевский был особенно бледен и усталый; я спросила его о здоровье. “Нехорошо”, — отвечал он...»

Некрасов начал свою петербургскую жизнь в полной нищете: «Ровно три года я чувствовал себя постоянно, каждый день голодным. Не раз доходило до того, что я отправлялся в один ресторан... где дозволялось читать газеты, хотя бы ничего не спросил себе. Возьмешь, бывало, для вида газету, а сам пододвинешь себе тарелку с хлебом и ешь». Николай Алексеевич человеком был непростым: угрюмым, с тяжелыми приступами хандры, грубым, любящим деньги и чувственные наслаждения. Странно соединял он в себе талант дельца, искреннее народолюбие и щедрость. Он не останавливался перед карточной игрой на грани шулерства и, как считали Тургенев и Герцен, украл огромные деньги, доверенные ему Николаем Огаревым. Герцен после этой истории отзывался о Некрасове не иначе как «мошенник, мерзавец и вор». Он начал жизнь нищим и, в конце концов, стал миллионером.

После смерти Некрасова Достоевский писал: «Миллион — вот демон Некрасова! Что ж, он любил так золото, роскошь, наслаждения и, чтобы иметь их, пускался в „практичности“?»

Нет, скорее это был другого характера демон; это был самый мрачный и унижительный бес. Это был демон гордости, жажды самообеспечения, потребности оградиться от людей твердой стеной и независимо, спокойно смотреть на их злость, на их угрозы. Я думаю, этот демон присосался еще к сердцу ребенка, ребенка пятнадцати лет, очутившегося на петербургской мостовой, почти бежавшего от отца... Вот тогда-то и начались, может быть, мечтания Некрасова, может быть, и сложились тогда же на улице стихи: «В кармане моем миллион». Это была жажда мрачного, угрюмого, отъединенного самообеспечения, чтобы уже не зависеть ни от кого. Я думаю, что я не ошибаюсь, я припоминаю кое-что из самого первого моего знакомства с ним. По крайней мере мне так казалось всю потом жизнь. Но этот демон все же был низкий демон. Такого ли самообеспечения могла жаждать душа Некрасова, эта душа, способная так отзываться на все святое и не покидавшая веры в него. Разве таким самообеспечением ограждают себя столь одаренные души?»

Свою издательскую карьеру Некрасов начал на деньги приятеля литератора Ивана Панаева, человека светского, состоятельного и крайне легкомысленного. Жена его, Авдотья Панаева, красавица и умница (ею в середине 1840-х Достоевский сильно увлекался), в 1846 году ушла от Панаева к Некрасову. Но они продолжали жить втроем. Правда, вначале Некрасов занимал комнату в квартире Панаева, а затем Панаев потеснился и стал жить одной в комнате.

По словам Корнея Чуковского, «его карета стала каретой Некрасова, и его жена стала женой Некрасова, и его журнал стал журналом Некрасова: как-то так само собою вышло, что купленный им „Современник“ вскоре ускользнул из его рук и стал собственностью одного лишь Некрасова, а он из редактора превратился в простого сотрудника, получающего гонорар за статьи, хотя на обложке журнала значился по-прежнему редактором. Легко ли было бедняге смотреть, как в его журнале Некрасов печатает любовные стихи к его жене».

В 1862 году Иван Панаев умер, а в 1863-м Авдотья Панаева, так и не ставшая Некрасовой, ушла из квартиры на Литейном. Вскоре ее место заняла француженка из труппы Михайловского театра Селина Лефрен-Потчер, ставшая содержанкой поэта.

А когда та уехала в Париж, появилась некая ярославская вдова, а потом 23-летняя Фекла Викторова, взятая из какого-то притона. За восемь месяцев до мучительной смерти Некрасова от рака прямой кишки они обвенчались, и она стала Зинаидой Некрасовой.

Достоевский писал: «Умер Некрасов. Я видел его в последний раз за месяц до его смерти. Он казался тогда почти уже трупом, так что странно было даже видеть, что такой труп говорит, шевелит губами. Но он не только говорил, но и сохранял всю ясность ума. Кажется, он все еще не верил в возможность близкой смерти. За неделю до смерти с ним был паралич правой стороны тела, и вот 28 утром я узнал, что Некрасов умер накануне, 27-го, в 8 часов вечера. В тот же день я пошел к нему. Страшно изможденное страданием и искаженное лицо его как-то особенно поражало. Уходя, я слышал, как псалтирщик четко и протяжно прочел над покойным: „Несть человек, иже не согрешит“. Воротясь домой, я не мог уже сесть за работу; взял все три тома Некрасова и стал читать с первой страницы».

В 1946 году в доме на углу Литейного проспекта и улицы Некрасова открылся мемориальный музей. Он включает собственную некрасовскую квартиру, квартиру Панаевых и квартиру Андрея Краевского (издателя и многолетнего редактора «Отечественных записок»).

МАРИИНСКАЯ БОЛЬНИЦА

Литейный проспект, 56

Федор Михайлович Достоевский родился и вырос в Москве в Мариинской больнице для бедных, где служил штаб-лекаром его отец Михаил Андреевич. Семья М. А. Достоевского, отца будущего писателя, занимала на первом этаже небольшую квартиру из двух комнат. Ф. М. Достоевский жил в этой квартире до 1837 года. В Петербурге он часто проходил мимо аналогичной петербургской Мариинской больницы. Они и построены были одним и тем же архитектором — Джакомо Кваренги.

В 1802 году вдова Павла I Мария Федоровна попросила сына, императора Александра I, открыть больницу для бедных в озна-

Мариинская больница,
Литейный проспект, 56

менование 100-летнего юбилея столицы. Сын не ослушался матери: больницу основали в 1803 году. До 1805 она находилась в здании Воспитательного дома у Калинкина моста через Фонтанку. За это время Джакомо Кваренги построил главный корпус и флигеля на месте Итальянского сада. Строительство началось 28 мая 1803 года с закладки церкви Святого апостола Павла. Главное больничное здание — двухэтажная ампирная постройка фасадом на Литейный проспект, с церковью посередине, центральным коридором, боковыми палатами. Открытие больницы отложили до дня Святого Александра — 3 августа 1805 года — дня тезоименитства молодого императора. После смерти императрицы в 1828 году больницу назвали Мариинской.

Палаты и комнаты отделялись друг от друга толстыми стенами, чтобы больные меньше беспокоили друг друга. В самой большой палате размещалось не более 15 кроватей. В полуподвале находились вспомогательные службы: кухня, баня и кладовые; в бельэтаже — аптека и смотровые; на верхних этажах — палаты и конференц-зал. При небольшом жалованье молодые врачи-интерны имели при больнице стол и квартиру.

С начала 1814 года к уходу за больными привлекли «сердобольных вдов» — одиноких пожилых женщин из Вдовьего дома: «Должность не многосложна, но важна для страждущих и требует хорошего рассудка и много терпения». Вдовы эти «одеты в платье темного цвета и носят на шее золотой крест на зеленой ленте. На кресте сем с одной стороны, вокруг образа Божьей матери, написано: всех скорбящих радость, а с другой одно слово: „Сердоболие“».

Поначалу врачами назначались шведы и немцы. Лечение в то время сводилось к массажу, кровопусканиям, шпанским мушкам и пиявкам. Скорбные листы велись на немецком и латинском языках. До 1866 года имена больных значились только по-немецки. Названия болезни и предписанных лекарств писали по латыни на аспидной доске, висевшей в головах больного. Надо сказать, что Федор Достоевский, при всей своей нелюбви к немцам, предпочитал немецких врачей русским.

Мариинская больница каждую осень, когда в столице случались холерные эпидемии, заполнялась больными так, что к уходу за ними привлекали даже пожарников.

В 1848 году на территории больницы по проекту архитектора А. П. Брюллова возвели здание Александринской женской больницы.

Люди приходили сюда «с надеждой выздороветь», от этого выражения произошло новое название бывшей Шестилавочной улицы, к которой примыкало недавно построенное отделение больницы, ее стали называть Надеждинской (ныне — Маяковская).

Больнице назначался богатый почетный опекун. В 1832–1839 годах им был известный композитор и меценат М. Ю. Вильгорский, затем принц П. Г. Ольденбургский, по инициативе которого при больнице было создано фельдшерское училище с трехгодовым курсом обучения.

КВАРТИРЫ МИХАИЛА САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА И ФЕДОРА ТРЕПОВА

Литейный проспект, 60

Дом графа Николая Дмитриевича Гурьева был построен в 1843 году архитектором Гаральдом Боссе. Граф Гурьев — сын министра финансов (творца знаменитой «гурьевской каши») — российский дипломат, поверенный в делах в Гааге, посланник в Риме и в Неаполе. В конце XIX века дом принадлежал Александру Ивановичу и Марии Семеновне Скребицким. Он — врач-окулист, она — либеральная дама.

С августа 1876 года до смерти в мае 1889-го здесь жил Михаил Евграфович Салтыков, писавший под псевдонимом Николай Щедрин и его семейство: жена Елизавета Аполлоновна (урожденная Болтина), сын Константин и дочь Елизавета. Занимали они весь второй этаж — 9 комнат (тогда квартира № 4, сейчас — квартиры № 4 и 19: дом перепланирован).

В бельэтаже жил отправленный в отставку после знаменитого покушения Веры Засулич (в 1878 году) петербургский экстраординарный Федор Трепов, чем Салтыков был крайне недоволен: «Что я с ним буду говорить? Он литературой никогда не занимался, я по полиции никогда не служил, что же у нас общего. Они как выйдут в отставку, так в оппозиционном направлении начинают думать и начнут захаживать, воображая что стали

интересны и что нечто общее у нас есть. Нисколько он мне не интересен, и ничего общего у нас нет, ничего!»

Впрочем, суровость Салтыкова часто была деланная, позже он сошелся с соседом и характеризовал его как «типа» и «прелюбопытного» и «настоящего полицейского».

Федор Трепов вообще любил литературу. Вынужденный осуществлять надзор за бывшим каторжником Федором Достоевским, он просил у шефа жандармов Николая Мезенцова надзор этот снять, так как «во все время... он оказывался поведения одобрительного».

Из воспоминаний Михаила и Софьи Унковских, детей ближайшего приятеля писателя, адвоката Алексея Унковского: «Обстановка квартиры была самая скромная: небольшая прихожая, налево кабинет хозяина с большим письменным столом и зеленой мебелью, прямо — столовая, мрачная комната с одним окном во двор, из столовой одна дверь налево вела в гостиную — большую комнату с мебелью, обитой синим шелком, а другая дверь направо — в узкий длинный коридор, с левой стороны которого тянулась стена, а с правой — дверь в спальню Салтыковых, в две детские, в ванну и в конце коридора — кухню, где жила кухарка — чухонка Минна, говорящая на ломаном русском языке. У Минны была всегда еще помощница — чухонка».

Несомненно, что Михаил Евграфович женился на Елизавете Аполлоновне не иначе как по горячему увлечению. Но увлечься своей Лизой и сохранить это увлечение надолго Салтыков мог, нужно думать, исключительно благодаря ее привлекательной наружности, отменному изяществу, положительной художественности как ее движений, так и всех ее внешних проявлений — свойствам, сохранившимся без особых изменений в Елизавете Аполлоновне до последних лет жизни, несмотря на достижение ею довольно преклонного возраста.

Елизавета Аполлоновна была крайне наивна и непосредственна: что на уме, то и на языке, как говорят. Детей сильно баловала, и когда сама приходила к выводу, что это баловство кроме вреда ничего не принесло, то говорила: «Ну что же делать? Ведь у меня их только двое — сын и дочь; если бы были еще двое, то я их воспитывала бы по-другому: я кричала бы на них с утра и до вечера». Сознывая свою красоту и молодость, она име-

ла непреодолимое желание не стариться и все, что услышит от людей, проделывала, чтобы сохранить свою молодость; так, например, спала только на спине, чтобы не было на щеках морщин, мыла волосы дикой рябиной, чтобы не седесть; ела она только молодое мясо, то есть цыплят, телят, барашков, и даже ухитрилась раз зайти в рыбную лавку и попросила там продать ей несколько рыбок, но обязательно молодых, на что ей продавец ответил: «Мы рыбам, сударыня, годов не считаем».

Слово «дура» не выходило из обихода домашнего обращения Салтыкова с женой. Но ежедневно раздражаясь каждым шагом и словом жены, Салтыков, в то же время, не мог прожить без нее даже двух-трех дней, не начав испытывать грызущую по ней тоску.

Квартиры Михаила Салтыкова-Щедрина
и Федора Трепова,
Литейный проспект, 60

Бранчливый Салтыков поддерживал с Достоевским чисто формальные отношения, в 1860-е годы они принадлежали к разным политическим лагерям. Салтыков считал Достоевского писателем, доказывающим, что «всякий человек дрянь, и до тех пор не сделается хорошим человеком, пока не убедится, что он дрянь». Достоевский писал о Салтыкове: «Пусть хоть что-нибудь удастся России или в чем-нибудь будет ей выгода и в нем уже яд разливается».

Мировоззрение Салтыкова Достоевский выразил в пародийных заметках «Из дачных прогулок Кузьмы Пруткова и его друга». Сюжет такой: из пруда на Елагином острове вдруг появился гигантский тритон и скоро исчез. Как отреагировала столичная пресса, «имело особенный и почти колоссальный успех мнение известного нашего сатирика, г-на Щедрина. Быв тут же на гулянье, он не поверил тритону и, рассказывали мне, хочет включить весь эпизод в следующий же номер „Отечественных записок“ в отдел „Умеренности и аккуратности“. Взгляд нашего юмориста очень тонок и чрезвычайно оригинален: он полагает, что всплывший тритон просто-напросто переодетый, или, лучше сказать, раздетый донага, квартальный, отряженный еще до начала сезона, тотчас же после весенних наших петербургских волнений, на все лето в пруд Елагинского острова, на берегах которого столь много гуляет дачников, для подслушивания из воды преступных разговоров, буде таковые окажутся. Догадка эта произвела впечатление потрясающее, так что даже дамы перестали спорить и задумались».

ДОМ КОНСТАНТИНА ПОБЕДОНОСЦЕВА

Литейный проспект, 62

Дом № 62, как и соседний, построил в 1858 году архитектор Гаральд Боссе и с тех пор он не перестраивался. Это особняк Эммануила Нарышкина — сына Александра I и знаменитой красавицы польки Марии Антоновны Нарышкиной-Четвертинской (ее законный муж — «рогоносец величавый» Дмитрий Львович Нарышкин). Эммануил Дмитриевич Нарышкин, человек во всех смыслах достойный, служил при дворе в звании обер-камергера

и знаменит был обильными пожертвованиями. Будучи тамбовским помещиком, облагодетельствовал город Тамбов, построив там музей, библиотеку и учительский институт, и щедро их финансировал. Дом свой Нарышкин в 1870-е годы продал в казну, и в нем разместилась казенная квартира обер-прокурора Святейшего Синода. В 1880 году им стал хороший знакомый Федора Михайловича — Константин Победоносцев, переехавший сюда с Большой Конюшенной улицы (там он жил в доме Финской церкви).

Константин Победоносцев происходил из духовной среды: предки по мужской линии — священники, отец — профессор московского университета. Закончив училище правоведения, Константин Победоносцев считался лучшим в России специалистом по гражданскому праву. В юности либеральничал, и даже, состоя на службе в Сенате, пописывал под псевдонимом обличительные статьи в герценовский «Колокол».

С 1861 года преподавал законоведение тогдашнему наследнику престола цесаревичу Николаю Александровичу, а когда тот умер, его брату — будущему императору Александру III. К этому времени мировосприятие Победоносцева изменилось, он стал убежденным консерватором. Министры-реформаторы Александра II для него — «люди, оторванные от земли, не имеющие корней в быте общества». Он пишет про царствование царя-реформатора: «Нас тянет роковым падением в какую-то бездну. Прости, Боже, этому человеку — он не ведает, что творит, и теперь еще менее ведает. Лучше уж революция, русская и безобразная смута, нежели конституция. Первую еще можно побороть вскоре и водворить порядок на земле; последняя есть яд для всего организма, разъедающий его постоянною ложью, которой русская душа не приемлет». Победоносцев стал идеологическим наставником цесаревича Александра, вдохновителем так называемой партии Аничкого дворца (резиденции Александра Александровича). Она состояла из людей, желавших прекратить всякое движение России в сторону «Общечеловеческих ценностей» и вернуться в политике к известной идеологической триаде «Самодержавие, православие, народность». И когда Александр II погиб от взрыва бомбы Игнатия Гриневецкого, Победоносцев по существу возглавил государственный переворот.

Написанный им манифест от 29 апреля 1881 года означал перемену политики, отказ от конституции и отставку почти всех министров предыдущего императора. Победоносцев на 20 лет стал главным идеологом русского самодержавия, действительным тайным советником, статс-секретарем. Гонитель старообрядцев, сектантов, местного самоуправления, свободной мысли, он, вместе с тем, не напоминал идеологических церберов XX века, таких как Жданов или Суслов, — он являлся плодовитым и талантливым писателем, знатоком литературы и истории, полиглотом, законопослушным подданным.

В письме к вдове Достоевского Победоносцев писал: «В последние годы часто приходил он (Достоевский. — *Л. Л.*) ко мне по субботам вечером на беседу — и как теперь помню, как бывало, одушевляясь и бегая по комнате, рассказывал он главы Карамазовых, которые писал тогда». После смерти Достоевского Победоносцев ходатайствовал о пенсии семейству Федора Михайловича и был назначен опекуном его детей.

Совершенно по-другому относился Победоносцев к Толстому, собственно именно он подготовил знаменитое «Определение Синода», в котором говорилось: «Церковь не считает Толстого своим членом». Вполне возможно, что Победоносцев послужил для Льва Николаевича прототипом Алексея Александровича Каренина, благо в обществе ходили слухи, что супруга, Екатерина Энгельгардт, его обманывала. Бог не дал им детей, и они в конце концов удочерили подкидыша (девочку подкинули на парадное крыльцо особняка на Литейном).

В октябре 1905-го Победоносцева отправили в отставку, через полтора года он умер. Мимо его дома шли демонстрации и специально приостанавливались у фасада, чтобы выкрикнуть какую-нибудь гадость. Может быть и прав Константин Петрович: «Да знаете ли Вы, что такое Россия? Ледяная пустыня и по ней ходит лихой человек».

ГОСТИНИЦА «МОСКВА»

Невский проспект, 49

Первое здание на том месте, где сейчас стоит гостиница «Рэдиссон САС Ройял», было построено в середине XVIII века

и представляло собой одноэтажный «деревянный двор на каменном жилом фундаменте». К концу века дом вырос до трех этажей, а в 1837 году под руководством Василия Стасова был надстроен еще один этаж. 1 мая 1879 года дом приобрел купец 2-й гильдии Абрам Ушаков, наследники которого владели им до революции. Для перестройки своего нового приобретения Ушаков пригласил молодого архитектора Павла Сюзора, по проекту которого к 1881 году была завершена очередная реконструкция.

Фактически дом на углу Невского и Владимирского проспектов функции отеля выполнял весь XIX век, но гостиница под названием «Москва» появилась здесь только в середине 1860-х годов и просуществовала до конца 1920-х. Останавливались здесь Михаил Глинка, Василий Суриков, Антон Чехов, Николай Некрасов. Достоин упоминания и народоволец Александр Михайлов, арестованный здесь в 1880 году, но не выдавший своих товарищей, рывших под Малой Садовой подкоп с целью покушения на императора.

Бывшая гостиница «Москва»,
Невский проспект, 49

ДОМ КОРСАКОВЫХ (НЫНЕ — ТЕАТР ИМ. ЛЕНСОВЕТА)

Владимирский проспект, 12

Восемь полуколонн в ряд, треугольный портик, замковые камни в виде женских масок, чугунные балконы по бокам, зрительный зал, зимний сад с фонтаном — особняк Корсаковых, построенный архитектором Андреем Михайловым в 1828 году. На фасаде — два герба: Корсаковых и Голицыных (мужем владелицы особняка Корсаковой был князь Голицын). Когда Достоевский приехал в Петербург, здание уже стояло.

Состояние представителей рода Корсаковых-Голицыных, как у многих, после реформ исчезло, родовой особняк был продан. В 1860-х годах здесь разместился Купеческий клуб, а когда Достоевский жил в этом околоте — зимний клуб «Орфеум», который содержал купец Кулебякин.

Как писали в тогдашнем путеводителе, «Зимний сад помещается в великолепном доме... Некогда пышные хоромы с разными художественными затеями, золоченая дорогая мебель, живо-

Дом Корсаковых (ныне — театр им. Ленсовета),
Владимирский проспект, 12

пись и резьба на стенах, а в особенности замечательный по красоте и акустике концертный зал, затем зимний сад с фонтанами и гротами — вся эта потускневшая барская роскошь и краса при экономном газовом освещении, среди непрезентабельной обстановки „музыкальных“ вечеров „Орфеума“ и подходящего жанра ее публики представляет собой какую-то странную картину. „Орфеум“ открыт только в зимний сезон. Его увеселения: пение на разных языках, танцы, гимнастические упражнения и пр. Цена за вход — 1 рубль». Большие деньги.

ЦЕРКОВЬ ВЛАДИМИРСКОЙ ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ

Владимирский проспект, 20

В общей сложности около семи лет Достоевский прожил в приходе церкви Владимирской иконы Божией Матери. Здесь с «Бедными людьми» он начал свою литературную карьеру, здесь на Кузнечном переулке он закончил свой жизненный путь.

Этот район в конце Владимирского проспекта, рядом с «Пятью углами» — оживленным перекрестком Загородного проспекта, Разъезжей и Троицкой (ныне — Рубинштейна) улиц — был в те годы заселен по преимуществу купцами, небогатыми чиновниками, разного рода ремесленниками. Это был в основном русский район, с некоторым вкраплением татар.

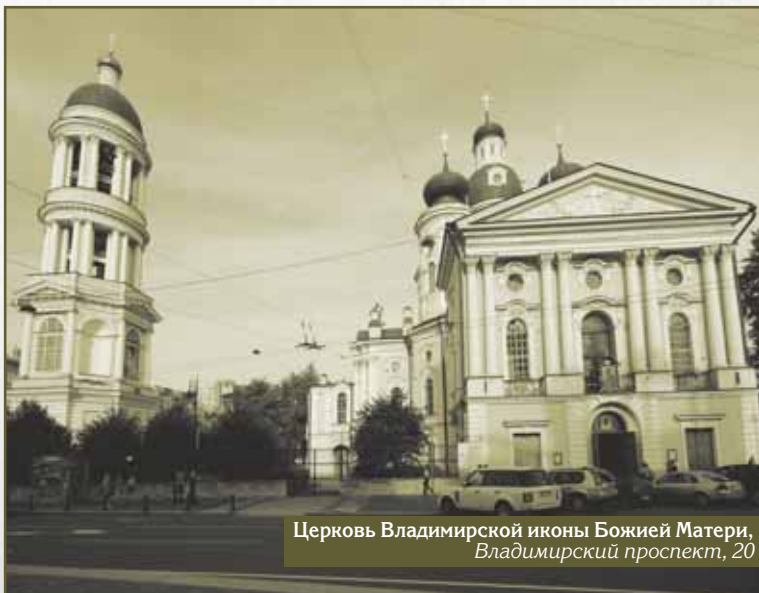
Церковь Владимирской иконы Божией матери, недавно ставшая собором, строилась долго. Вначале она помещалась в частном жилом доме на углу улиц Колокольной и Марата (тогда — Грязной). Затем на Владимирской площади появилась деревянная церковь. Нынешний храм заложили 26 августа 1761 года, в самом конце царствования Елизаветы, а освятили 9 апреля 1783 года, уже при Екатерине II. Пятиглавая двухэтажная церковь, одна из красивейших в России, построена в стиле елизаветинского барокко. Автор ее неизвестен, многие исследователи склоняются к тому, что проект принадлежал Пьетро Антонио Трезини. В момент закладки храма он был городским архитектором при петербургской Полицмейстерской канцелярии и строил большую часть приходских и несколько лаврских церквей.

Но авторских проектных чертежей не сохранилось, в 1751 году он покинул Россию. К тому же известные нам работы этого архитектора не так декоративны и праздничны, как Владимирская церковь. Игорь Грабарь писал: «В Петербурге и его окрестностях сохранилось еще несколько памятников елизаветинской эпохи, авторы которых неизвестны. Приписывать их по стилистическим признакам тому или другому мастеру очень рискованно. И впредь до какой-либо счастливой находки подтверждающих документов мы предпочитаем оставить их анонимными. Прежде всего, сюда надо отнести храм Владимирской Божьей матери. Существует указание на то, что автором этого проекта был Растрелли, но если бы он и составил в свое время — быть может, еще в 1750-х годах — проект, то позже он подвергся существенным изменениям. Но и помимо этих изменений тот облик, который он получил в 1760-х годах, мало вяжется с растреллиевской архитектурой». Может быть, Ринальди, Чевакинский, Аргунов? В 1791 году по проекту Джакомо Кваренги, при участии Ивана Руска севернее церкви была сооружена трехъярусная колокольня. В 1847 году прихожане обратились к Николаю I со следующим прошением: «Колокольня церкви имеет наружность красивую, но гораздо более она имела бы красоты и приятности, если бы была доведена до надлежащей высоты». В 1848 году колокольня по проекту Франца Руска была надстроена четвертым ярусом и высоким куполом. В 1829 году архитектор Авраам Мельников пристроил к собору со стороны площади массивное трехэтажное сооружение — трапезную, выходящую на Владимирскую площадь, — типичный поздний николаевский ампир.

Владимирская церковь обязана процветанием и богатством своей пастве. Вокруг жили купцы — народ богобоязненный. Писатель Николай Лейкин, проживший детство и юность в этом районе, вспоминал: «...в церковь меня водили каждый праздник ко всенощной и к обедне... и я... стал подпевать на клиросе и собирать огарки. Певчих тогда при нашей церкви не было, и пела „сборная братия“, как тогда называли. Козлил тенором купечичник, был бас — приказчик мужа моей тетки, пели братья-фруктовщики Н., мой двоюродный брат Саша Крупенкин, мальчик моих лет, пел посудник Щ. и какой-то безбородый, испитой

скопец в длиннополой сибирке с жирно смазанными волосами на голове. Помню, что Щ. хорошо читал часы и Апостола, куда лучше дьячков. Усердствующие прихожане из купцов ходили и за сбором с кружками по церкви во время богослужений, а кружек, блюдев и кошельков носили тогда куда больше десятка. Впереди всех шел с блюдом приказчик старосты, звонил в колокольчик и расталкивал народ, за ним двигалась вся вереница. На кошельках также были колокольчики. И вот в этой процессии участвовал иногда и я с кошельком или блюдом, и это мне очень нравилось...

Вскоре я так сжился с церковью, что знал всех нищих на паперти, а нищих тогда было такое множество, что они покрывали всю паперть. Были хромые и безрукие отставные солдаты, бабы с ребятами за пазухами, слепые, распевające Лазаря, расслабленные, привозимые в колясочках, ныли ребятишки в отрепьях, протягивая руки и причитая, стонало множество старух в капорах и с лукошечками для сбора, монахини и сборщики на церковь с книгами, странники, подвязанные лица в замасленных фуражках с кокардами, которых все звали „чиновниками“. Пом-

Церковь Владимирской иконы Божией Матери,
Владимирский проспект, 20

ню, что про одного нищего в синих круглых очках все говорили, что у него есть „капитал“, но ему все-таки подавали; про другую старуху нищую рассказывали, что она выдала дочку замуж за иконописца и дала за ней хорошее приданое. Такое скопище теперь можно видеть разве в провинциальных монастырях. Полиция нищих тогда не разгоняла. Это был ее доход. Подавали милостыню почти все, так как благотворительных обществ почти не было. Милостыня была непременно принадлежностью посещения церкви. Купцы и купчихи являлись в церковь с кожаными кисами, наполненными медными деньгами, и раздавали то за упокой, то за здоровье, произнося при каждой подачке по пяти, по шести имен. Многие нищие грубили прихожанам, говорили дерзости, плевались, грозили за малую подачку, но их считали юродивыми, и успех их был еще больший в деле сбора милостыни.

Кроме нищих, около паперти стояли торговцы-разносчики, продававшие дешевые иконы, крестики, ладанки, книжки житий святых, освященные стружки, камешки, деревянное масло в пузырьках. Были и разносчики с квасом, сбитнем, пряниками. И все это раскупалось охотно. У нас говорили, что весь нищий, а также и торговый люд, стоявший у церкви, делился тогда с церковными сторожами, и отец мой и дядя в шутку называли сторожей откупщиками...

Лечил от разных болезней сторож Владимирской церкви, давая пить какой-то настой трав на водке, лечил будочник, полицейский страж, хохол, будка которого находилась около ограды Владимирской церкви на Колокольной улице».

Достоевский бывал здесь много раз, здесь он крестил своих младших детей. В последние годы жизни он любил сидеть в прицерковном сквере.

Вспоминает И. Попов, тогда студент: «Как-то я подсел к нему на скамью... какой-то малютка высыпал из деревянного стакана песок на лежавшую на скамье фалду пальто Достоевского.

— Ну что же мне теперь делать? Испек кулич и поставил на мое пальто. Ведь теперь мне и встать нельзя, — обратился Достоевский к малютке...

— Сиди, я еще принесу, — ответил малютка.

Достоевский согласился сидеть, а малютка высыпал из разных деревянных стаканчиков, рюмок ему на фалду еще с полдю-

жины куличей. В это время Достоевский сильно закашлялся... Полы пальто скатились с лавки, и „куличичи“ рассыпались... Прибежал малютка.

— А где куличичи?

— Я их съел, очень вкусные...

Малютка засмеялся и снова побежал за песком, а Достоевский, обращаясь ко мне, сказал:

— Радостный возраст... Злобы не питают, горя не знают... Слезы сменяются смехом».

Священник церкви Владимирской иконы Божией Матери Е. Мегорский исповедал и причастил Достоевского перед смертью.

ДОМ КАНШИНА

Кузнечный переулок, 2—6

Василий Каншин имел чин коллежского регистратора — низший в табели о рангах, но был одним из богатейших людей Петербурга пушкинского времени. Происходили Каншины из однодворцев — полукрестьян, полудворян. Жили в Козлове (ныне Мичуринск). С начала XIX столетия Каншины становятся откупщиками, то есть торгуют водкой.

Дом Каншина,
Кузнечный переулок, 2—6

Козловский купец первой гильдии Семен Каншин — первый в уездном городе богатей и городской голова — в 1812 году на свои деньги содержал пехотный полк. Его сыновья Василий и Александр перебрались в Петербург. Василий Семенович состоял в 1830-е годы «содержателем петербургских питейных сборов». Он получил дворянство и стал даже уездным предводителем в Калужской губернии. Тогда же он купил дом в Кузнечном переулке рядом с церковью Владимирской иконы Божией Матери. Этот дом был уже тогда каменным, в два этажа. Классицистический особнячок, на барельефах вакхический сюжет. Соседний дом, № 4, принадлежал П. А. Баратынскому, дяде поэта. Но к 1850-м годам и он был куплен Василием Каншиным для сына Андрея — инженера-путейца. Архитектор Густав Барч перестроил его в стиле позднего барокко. В том же стиле архитектор Александр Оссоланиус перестроил и дом Василия Каншина. Тогда же Василий Каншин прикупил и дом № 6 в Кузнечном переулке. Дома № 4 и 6 оставались в собственности Каншиных до конца XIX века (ими владели дочери Василия Каншина А. В. Лазарева, жена генерал-майора, и Ю. В. Теляковская). Дома в значительной степени сохранили интерьеры и внешний вид, приданный им Василием Каншиным.

РЕМЕСЛЕННАЯ УПРАВА

Загородный проспект, 2

Дом бывшей Ремесленной управы выходит фасадами на Загородный проспект и Владимирскую площадь. Учреждение это основано было при Екатерине Великой в 1785 году. Оно состояло из выборного ремесленными цехами старшины своего сословия, членов управы от каждого из цехов (булочников, живописцев и т. д.) и заседателей от иностранных цехов (скажем, немецких ювелиров). Этот орган занимался, как сказали бы сейчас, лицензированием, выработкой стандартов работы, следил за условиями жизни и труда учеников ремесленников, собирал деньги на цели благотворительности. Управа должна была разделять ремесленников по «различию званий» согласно «особенным обрядам каждого ремесла». В управе были представлены следующие цеха:

кондитерно-булочный (немецкий), серебряно-позументный, портновский, обойно-волосняной, слесарно-кузнечный, кожевенно-сапожный, столярно-токарный, живописно-малярный. С дозволения управы «всякий цех, по умножении в нем мастерства и работы, может разделяться на столько частей, на сколько то мастерство делиться может». Работала Ремесленная управа, по общему мнению, неважно: надзора за работой подмастерьев и учеников фактически не было, они трудились нередко по 12–14 часов в день, гибли от несчастных случаев.

В служебные обязанности учреждения входило: попечение об обучении детей ремесленников мастерству; пропитание, поиск прибежища и места работы увечных ремесленников, их вдов и сирот; разрешение споров между ремесленниками.

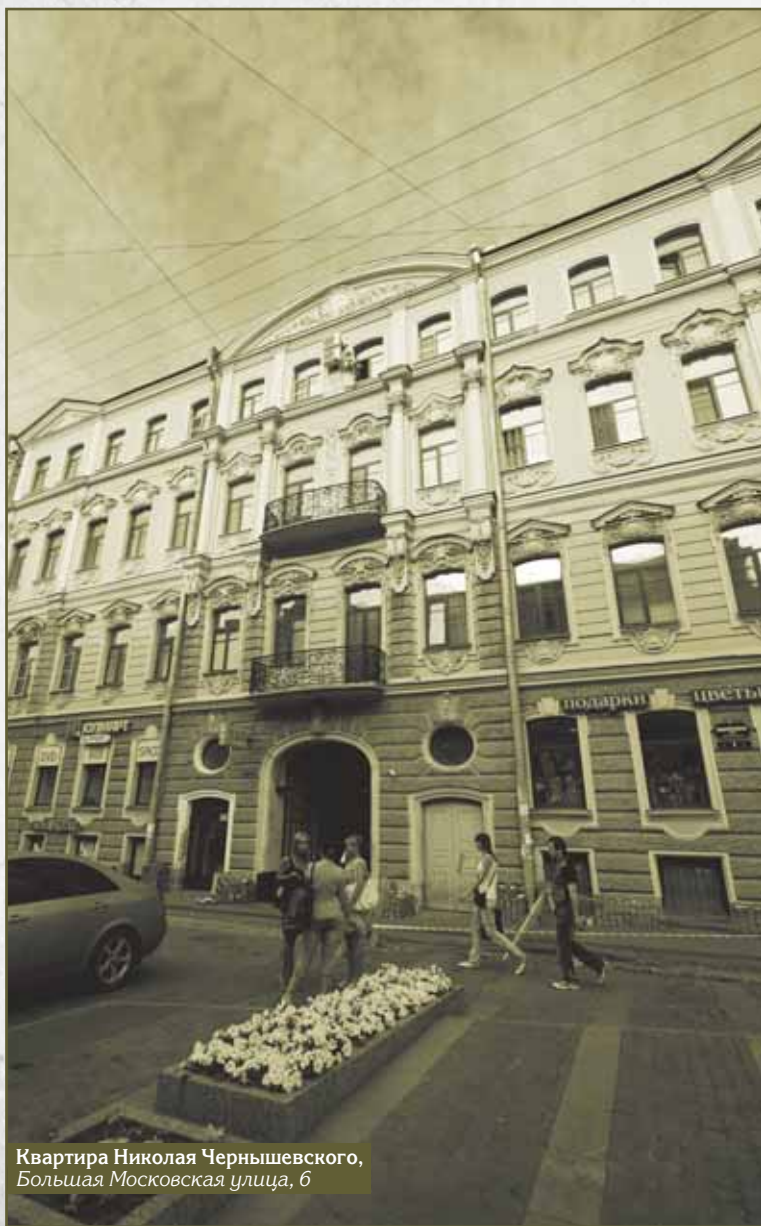
КВАРТИРА НИКОЛАЯ ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Большая Московская улица, 6

В доходном доме Есауловой, построенном в 1853 году архитектором Августом Ланге в стиле «второго барокко», Николай Чернышевский прожил последний перед арестом год. Здесь в мае 1862 года состоялась его встреча с Федором Достоевским.

До этого, по воспоминаниям Федора Михайловича, они «встречались очень нечасто, разговаривали, но очень мало. Всегда, впрочем, подавали друг другу руку».

К 1862 году Чернышевский — самый популярный русский писатель. «Что делать?» еще не написан, Николая Гавриловича знают как едкого, эрудированного, убедительного, отважного публициста в духе «реальной школы». Чернышевский не верил в успех Великих реформ и ожидал кровавой революции, если осторожный и противоречивый правительственный курс будет продолжен. «Современник» с его статьями выходил рекордным для тогдашней России тиражом, только годовых подписчиков у недешевого журнала — 6598 человек по всей России. Чернышевский был кумиром нигилистов — революционного студенчества, считавшего, что крестьянский бунт — единственный выход для России. Впрочем, непосредственное участие его в революционном движении не смогли доказать ни жандармы, ни советские исследователи.

Квартира Николая Чернышевского,
Большая Московская улица, 6

Федор Достоевский в 1862 году еще не занял подобающего ему положения на литературном Олимпе. Публика знала его прежде всего как бывшего каторжанина, автора «Записок из Мертвого дома». С Чернышевским они были знакомы шапочно и принадлежали к разным литературным лагерям.

Тем больше стало удивление Чернышевского, когда едва известный ему литератор, без всякого приглашения, явился к нему домой. Хозяин открыл гостю сам: семья и прислуга были на даче. Разговор сразу пошел о страшном бедствии — охвативших Петербург пожарах.

В мае 1862 года в Петербурге установилась необычайно жаркая и сухая погода. Начались пожары. Горело на Большой Охте, в Московской и Каретной частях, в Коломне. На Малой Охте выгорела вся Солдатская слобода. Время вообще было неспокойное: в деревнях бунтовали мужики, готовилась восстать Польша, по городу распространялись прокламации нигилистов. Горожане считали, что пожары не случайны, полиция искала поджигателей.

16 мая, в Духов день, все петербургское купечество традиционно собралось в Летнем саду. По праздникам там происходил своеобразный смотр невест: купеческие девушки в сопровождении своих семей прогуливались по аллеям, а потенциальные женихи высматривали тех, кто им придется по сердцу. Тут же сновали свахи, любопытствующие.

Большинство лавок Апраксина и Щукина дворов в Духов день были закрыты. Именно там пожар и начался, по-видимому, сразу в нескольких местах. Позже говорили, что поджог был: кто-то застраховал свою лавку, и таким образом хотел получить за нее страховку.

Лавки по преимуществу строились из дерева и быстро занялись огнем. Дул сильный ветер. Потоки пламени охватили весь квартал, барки на Фонтанке, склад дров на углу Апраксина переулка и набережной. Огонь перенесся на другую сторону реки, загорелись дома в Щербаковом и Графском переулках. Узнав о несчастье, купцы бросились спасать свое имущество. В Летнем саду образовалась давка, людей затаптывали насмерть. Извозчики заламывали за провоз до Невского невиданные суммы, с упавших на землю купчих воры под шумок срывали драгоценности.

Да и на самом рынке грабеж шел страшнейший. На тушение пожара был брошен гарнизон, мобилизованы все пожарные части. Но из-за сутолоки и отсутствия руководства все было тщетно. Приехал государь. Несколько крупных слез тихо скатилось по царственному лицу.

К концу дня Апраксин двор представлял из себя гигантское пепелище, убытки составляли 60 миллионов рублей. 20 тысяч человек остались без куска хлеба. 4 июня по высочайшему указу торговля была временно возобновлена на Семеновском плацу (около нынешнего ТЮЗа). 8 июня Семеновский плац посетила императрица Мария Александровна: покупала всякую ненужную ей снедь и платила втридорога. 13 июня она же посетила пепелище Апраксина двора и передала погорельцам икону Казанской Божией матери. Было образовано Опекунское управление, приступившее к управлению рынком. Казна, частные лица и владельцы — Апраксины — пожертвовали на восстановление рынка 360 тысяч рублей. 17 августа 1863 года новое каменное здание вдоль Большой Садовой было освящено и названо Александровской линией. Для Щукина двора на деньги Министерства народного просвещения построили галерею, выходящую также на Садовую улицу и загибавшуюся в Чернышев проезд — Маринскую линию (стык между ней и Александровской линией — чуть левее современного центрального входа на рынок).

Еще догорали последние здания, когда состоялся странный визит Федора Михайловича к Николаю Гавриловичу. В руке у Достоевского была только что найденная им на ручке двери революционная прокламация «Молодая Россия» (автор, как позже выяснилось, московский студент Петр Заичневский). Текст довольно страшный: «Выход из этого гнетущего, страшного положения... один — революция... кровавая и неумолимая... Мы не страшимся ее, хотя и знаем, что прольется река крови, что погибнут, может быть, и невинные жертвы; мы предвидим все это и все-таки приветствуем ее наступление, мы готовы жертвовать лично своими головами, только пришла бы поскорее она, давно желанная!» Позже журнал братьев Достоевских «Время» назвал прокламацию произведением «трех золотушных школьников», которые «напечатали и разбросали глупейший листок, не справившись даже хорошо с иностранными книжками, откуда они все выкрали и бездарно перековеркали».

По словам Достоевского, дальнейшее выглядело так: «Николай Гаврилович, что это такое?» — вынул я прокламацию. Он взял ее как совсем незнакомую ему вещь и прочел... «Ну что же? — спросил он с легкой усмешкой. — Неужели они так глупы и смешны? Неужели нельзя остановить их и прекратить эту мерзость?» Он чрезвычайно веско и внушительно отвечал: «Неужели вы предполагаете, что я солидарен с ними, и думаете, что я мог участвовать в составлении этой бумажки?»

Как рассказывал Николай Чернышевский, дальше речь шла о пожарах; Федор Михайлович твердо считал: авторы прокламации и поджигатели — люди одного круга:

— Я к вам по важному делу и с горячей просьбой. Вы близко знаете людей, которые сожгли Толкучий рынок, и имеете влияние на них. Прошу вас, удержите их от повторения того что сделано ими.

«Я, — продолжает вспоминать Чернышевский, — слышал, что Достоевский имеет нервы расстроенные до беспорядочности, близкой к умственному расстройству, но не полагал, что его болезнь достигла такого развития, при котором могли бы сочетаться понятия обо мне с представлениями о поджоге Толкучего рынка...

— Хорошо, Федор Михайлович, я исполню ваше желание.

Он схватил меня за руку, тискал ее. Насколько доставало у него силы, произнося задыхающимся от волнения голосом восторженные выражения личной его благодарности мне за то, что я по уважению к нему избавляю Петербург от судьбы быть сожженным, на которую был обречен этот город».

Это была последняя встреча Достоевского с Чернышевским. 7 июля 1862 года Николай Гаврилович был арестован на той самой квартире, куда пришел Федор Михайлович. Николая Чернышевского заключили в Петропавловскую крепость, где он пробыл около двух лет. 19 мая 1864 года на Мытнинской площади в Петербурге был совершен обряд «гражданской казни», после чего писателя отправили на каторгу в Сибирь, а потом в Верхоянск — в ссылку. Только в 1883 году, уже после смерти Достоевского, Чернышевский получил разрешение переехать в Астрахань, а потом в Саратов.

ПОДВОРЬЕ КОНЕВСКОГО МОНАСТЫРЯ

Загородный проспект, 7

Коневский Рождество-Богородичный мужской монастырь расположен на острове в Ладожском озере в 30 километрах от Приозерска. Главная святыня обители — чудотворная Коневская икона Божией Матери, принесенная в XIV веке с Афона.

В 1821 году купцы Николай Козулин и Иван Кувшинников пожертвовали участок земли по Загородному проспекту для устройства монастырского подворья, в церкви которого хранилась копия этой иконы. Во время страшного пожара 1862 года огонь дошел сюда от сгоревшего Апраксина двора. Купцы Гостиного двора, опасаясь, что и их лавки сгорят, умолили духовенство совершить крестный ход с образом Коневской иконы Божией Матери вокруг крупнейшего торгового комплекса на Невском. И что же: внезапно ветер переменился, огонь стал стихать. В память об этом купцы в 1866 году построили подворью существующее и поныне на Загородном проспекте каменное здание.

Подворье Коневского монастыря
Загородный проспект, 7

ШТАБ-КВАРТИРА «НАРОДНОЙ ВОЛИ»

Переулок Джамбула, 15

15 августа 1879 года к управляющему дома Андреева в Лештуковом (ныне — Джамбула) переулке заглянула молодая интеллигентная пара: он — русоголовый великан, похожий на викинга, она — миниатюрная брюнетка с огромными карими глазами. Осмотрев четырехкомнатную квартиру № 22 на пятом этаже дворового флигеля, господин и дама пожелали ее снять. Из документов, сданных на прописку, следовало: будущие жильцы — отставной учитель Чернышев и жена дворянина Лихарева. Видимо, живут в блудном сожительстве и уже не первый год, смекнул управляющий. Что ж, закон этого не запрещает, а сердцу, как говорят, не прикажешь. Меж тем парочка обзавелась обстановкой, наняла кухарку на Никольском рынке, а вскоре в Лештуковом поселилась и сестра Лихаревой, некая Евгения Побрежская, тоже молодая дама вполне пристойного вида. Ничего необычного в поведении новых жильцов не было: с утра Чернышев уходил на

Штаб-квартира «Народной воли»,
переулок Джамбула, 15

службу, Лихарева шла за покупками или что-то писала, сестра играла на пианино, пела. Бывали и гости — все под тридцать, как и хозяева. Но без шума и пиршественных криков — видно, играли в картишки, что водилось в Петербурге повсеместно. Не знали ни управляющий, ни сам хозяин Андреев, ни местный околоточный, что когда хозяева отпускали кухарку к мужу — сцепщику вагонов, в Лештуков приходили не картежники, а опаснейшие террористы — здесь находилась главная конспиративная квартира Исполнительного комитета (ИК) «Народной воли». К членам ИК Вере Фигнер (она жила по паспорту Лихаревой), Александру Квятковскому («Чернышеву») и агенту ИК, сестре Веры Фигнер Евгении, присоединялись Желябов, Перовская, Колодкевич, Ошанина и еще с десятков представителей народно-вольческой верхушки.

Квартира № 22 по всем правилам конспирации выбрана была знаменитым «Дворником» — Александром Михайловым, главой разведки и контрразведки террористов: оживленная парадная, окна, видные издалека (в случае провала можно было выставить «знак опасности»), черный и парадный входы в разные дворы. Именно здесь планировались три покушения на Александра II: под Александровском (нынешнее Запорожье), под Москвой и в Зимнем дворце. Меж тем в ноябре 1879 года жандармам удалось расколоть курсистку Богословскую, подружку Евгении Фигнер («Побрежской»). 24 ноября в 5 утра в квартире был проведен обыск. Большую часть бумаг Квятковскому удалось сжечь. Но найдены были динамит, револьверы, прокламации, четыре запа-ла с гремучей ртутью. Среди несожженных бумаг обнаружили и план Зимнего дворца с отметками для Халтурина, который готовился в это время к взрыву.

Отношение Ф. М. Достоевского к народнической и даже народовольческой молодежи было сложным, насилие он не одобрял, но не мог ни признать: «не было у нас, в нашей русской жизни, когда молодежь (как бы предчувствуя, что вся Россия стоит на какой-то окончательной точке, колеблясь над бездной), в большинстве своем огромном была более, как теперь, искреннею, более чистою сердцем, более жаждущею истины и правды, более готовою пожертвовать всем, даже жизнью, за правду и за слово правды».

ПЕРВАЯ ГИМНАЗИЯ

Улица Правды, 11

Первая петербургская гимназия на самом деле, по старейшинству — третья. Вначале была основана Вторая (она и сейчас так называется и находится в историческом здании на Казанской улице), затем появилась Третья на Гагаринской улице (рядом с Мухинским училищем).

История учебного заведения на углу Кабинетской и Ивановской (ныне — Правды и Социалистической) восходит к Благородному пансиону при Петербургском университете, своеобразному рабфаку для дворян, где юноши, принадлежавшие к благородному сословию, жили и готовились к поступлению в университет. С 1823 по 1835 год университет находился на углу Звенигородской и Кабинетской улиц, и неподалеку от него выстроили здание для пансиона. В январе 1831 года Благородный пансион был преобразован в Первую гимназию. Почетный первый номер присвоили учебному заведению потому, что принимали сюда в отличие от других столичных гимназий по-прежнему только дворян. В царствование Николая I гимназия была интер-

Первая гимназия,
улица Правды, 11

натом: даже петербуржцев отпускали к родителям только на выходные. Гувернерами служили исключительно иностранцы — 4 дня гимназисты говорили только по-французски, 3 — по-немецки. Воспитание было спартанское: даже в зимнее время на прогулку во дворе выходили без шинели — в одном мундирчике: побегать, поиграть в городки. По ночам в спальнях дежурили гувернеры: спать разрешалось только на правом боку, если ученик переворачивался, его будили и заставляли принять правильную позу. Выпускники с похвальным аттестатом приобретали классный чин и могли поступать в университет без экзаменов, трое лучших учеников средних классов за казенный счет зачислялись в Лицей. Раз в неделю двое особо отличившихся гимназистов отправлялись в Зимний дворец, где имели счастье играть с наследником престола.

Николай I бывал в Первой гимназии по несколько раз в году, приходил на уроки. По воспоминаниям выпускника Ивана Можайского, «во время перемены младшие классы выстраивались вдоль всего рекреационного зала во фронт. Государь выходит в зал, становясь перед фронтом, кричит: „Маленькие, ко мне!“ Выбегают вперед и к нему — кто хватается за ноги, кто за руки, некоторые стараются лезть на спину. Он стоит непоколебимо с улыбкой на устах, берет двух самых маленьких к себе на руки, и они целуют ему рукава сюртука, эполеты и воротник. „Ну довольно, дети“, — и пойдет обходить заведение, а мы бежим и кричим „Ура!“. В сенях: „Я доволен, доволен вами“ и к начальству: „Распустить воспитанников на три дня“. Мы подаем шинель, калоши, вырываем на память из султана перышки и провожаем его до подъезда, к коляске. Лошадь трогается, мы кричим „Ура!“ и только теперь замечаем, что улица наша запружена народом, который также кричит „Ура!“ вслед нашему царственному гостю».

В конце 1840-х годов в гимназии была введена строевая подготовка. По рассказу выпускника Петра Гнедича (впоследствии драматурга и режиссера Александринского театра), случилось это так. «Весною пошли воспитанники нашей гимназии в Летний сад с гувернером. Была репетиция майского парада, на Марсовом поле был сам государь, остановились мальчуганы, скачет мимо Николай, показал на одного гимназиста и крикнул адъютанту: „Взять его!“

Тот перекинул мальчишку через седло и умчался. Гувернер приходит в гимназию, говорит „так и так“. Пишут рапорт министру. После долгих соображений написали: „Такой-то ученик арестован за несвоевременное снятие фуражки“. Николай написал собственноручно: „Не за фуражку, а за то, что стоял как бурлак“. После этого и введена была маршировка, и затрещали в коридорах гимназий барабаны».

С 1850-х годов гимназия переживала кризис. Университет не пользовался престижем среди дворян, и выпускники, как правило, готовились по окончании Первой гимназии поступать в Лицей, Училище правоведения, Пажеский корпус, Николаевское кавалерийское училище. Меж тем в Петербурге открылось несколько частных пансионов: плата там была такая же или даже меньшая, а учили быстрее и лучше. Число пансионеров стало уменьшаться, и условия приема пришлось облегчить: принимали детей личных дворян, мелких чиновников, допустили вольноприходящих, живущих у родителей. При всей строгости почти не прибегали к исключению, держались правила: «Дети даны нам счетом и счетом должны быть возвращены родителям и обществу».

С 1859 года все гимназии были уравнены по условиям обучения. Среднее образование открывало дорогу в университет (в него выпускников гимназий вне зависимости от оценок в аттестате зрелости стали брать автоматически). Теперь коридоры гимназии заполняли мальчики из петербургского «среднего класса»: дети чиновников, преподавателей, университетских профессоров. Среди выпускников — Александр Серов (композитор и отец живописца), автор «Петербургских трущоб» Всеволод Крестовский, ректоры Петербургского университета Андрей Бекетов (дед Александра Блока) и Иван Андриевский, академики Владимир Вернадский и Владимир Ламанский, правовед Николай Коркунов. Преподавал знаменитый педагог Василий Водовозов.

Комплекс гимназии был построен в основном в 1838–1840 годах и состоял из двухэтажного лицевого здания с церковью Преображения Господня (ее купол и сейчас высится на углу улиц Правды и Социалистической), двух лазаретов, гимнастического зала, спальных помещений, квартир инспектора и трех гувернеров. Строил здания Николай Бенуа при участии Адриана Кокорева. В 1893 году комплекс капитально перестроил Василий

Косяков, а в 1915-м во дворе гимназии Лев Шишко возвел новый гимнастический зал с первым в Петербурге крытым плавательным бассейном.

ДОМ ТУЛУБЬЕВА

Поварской переулок, 13

Александр Дмитриевич Тулубьев, из хорошего дворянского рода, родился в 1793 году. Отучившись в Пажеском корпусе, получил звание камер-пажа при дворе великой княгини Екатерины Павловны (сестры Александра I), служил прапорщиком в лейб-гвардии Семеновском полку, сражался под Люценом, Бауценом, Пирно, был ранен под Кульмом. Произведен в штабс-капитаны.

Пока штабс-капитан Тулубьев пытался вылечить ногу в Германии, в 1821 году случился бунт Семеновского полка. Полк раскассировали, Тулубьева перевели в армию. В царствование императора Николая I он был уволен от службы «за раную» подполковником, «с мундиром и полной пенсией». Жил в Санкт-Петербурге в Поварском переулке, 12 (сейчас это дом № 13) в собственном доме, часть которого сдавал внаем. Дом построен в 1830-е, надстроен четвертым этажом в 1903-м. В 1853 году А. Д. Тулубьев приехал в Берлин лечиться от каменной болезни и умер, не выдержав операции.

В середине октября 1845 года в письме к сестре Николай Некрасов указывал новый свой адрес: Владимирская улица, Поварской переулок, дом Тулубьева. Жил он здесь, впрочем, с весны. Именно в этот дом в мае 1845-го Дмитрий Григорович принес Некрасову «Бедные люди» Федора Достоевского. И жил здесь Николай Алексеевич до осени 1846 года. Написал душераздирающее стихотворение «В дороге» и лихого «Огородника» («По торговым селам, по большим городам я недаром живал, огородник лихой, раскрасавиц девиц насмотрелся я там, а такой не видал, да и нету другой...»).

13 декабря 1853 года Иван Тургенев писал в Москву Сергею Аксакову: «Сегодня пятый день, что я приехал сюда, любезный и добрый Сергей Тимофеевич — и я еще не успел хорошенько оглядеться — а потому не ждите от меня путного письма. Я хочу дать Вам пока мой адрес — а именно: я поселился в Поварском

переулке, в доме Тулубьева, близ Владимирской». Прожил на Поварском Тургенев около года, написал повесть «Затишье».

Особенно долго жил в доме Тулубьева Николай Чернышевский — с осени 1855 года до середины лета 1860-го. Николай Гаврилович создал здесь ту основу произведений, которая сделала его самым известным публицистом России: «Очерки гоголевского периода русской литературы», «Эстетические отношения искусства к действительности», «Русский человек на rendez-vous», «История цивилизации в Европе от падения Римской империи до Французской революции»; вел в «Современнике» обозрение текущих событий в России и за границей.

Чернышевский был необычайно трудоспособен — не человек, а фабрика по производству печатной продукции. Круглый день стоял он за конторкой и писал, одновременно диктуя какой-нибудь перевод стенографистке или секретарю. Его логику и аналитические способности отмечали даже враги, тогдашние и будущие. Много позже Василий Розанов писал, упрекая правительство Александра II: «Не использовать такую кипучую энергию, как у Чернышевского, для государственного строительства — было преступлением, граничащим со злодеянием». В результате,

Дом Тулубьева,
Поварской переулоч, 13

в пору «перестройки» после Крымской войны писатель оказался в уникальной позиции политического деятеля по преимуществу. Его основная мысль в том, что русская крепостническая элита не способна изменить Россию. Надежда — на давление снизу разночинцев и учащейся молодежи. Если коренного переворота правительственной политики не будет, неизбежен всеобщий «русский бунт».

Авторитет Чернышевского к 1862 году, когда он был арестован — нечто среднее между отношением к Александру Солженицыну в 1980-е и Михаилу Ходорковскому в 2000-е. Николай Некрасов сравнивал его с апостолом:

Его еще покамест не распяли,
Но час придет — он будет на кресте;
Его послал бог Гнева и Печали
Раба́м земли напомнить о Христе.

ДОМ ВСЕВОЛОДА ГАРШИНА

Дмитровский переулок, 5

Всеволод Гаршин — один из самых много обещавших и мало сделавших русских писателей: его проза укладывается в один нетолстый томик. Подобно Эдгару По, он предвосхитил в своих рассказах 1870–1880 годов XX век. Его «Красный цветок» (1883), «Attalea princeps» (1880), «Из воспоминаний рядового Иванова» (1883) предвосхищают если не Кафку, то уж точно Леонида Андреева и символистскую прозу. Преждевременный гений — такое бывает.

Детство Гаршина может послужить предметом исследования для психоаналитика. Мамаша бежала от отца с домашним учителем. Отец, помещик, пожаловался жандармам. Поклонник матери оказался революционером, его арестовали и сослали. Женщина последовала за ним. Мальчик жил то с матерью и отчимом, то с отцом. Родители ненавидели друг друга. К тому же, у Гаршиных безумие было в роду: позже покончили жизнь самоубийством два старших его брата. Всеволод Гаршин, уже начинающий прозаик, в 1877 году ушел добровольцем на русско-турецкую войну, где получил тяжелую контузию и стал убежденным пацифистом.

«Четыре дня», «Трус», «Из воспоминаний рядового Иванова» — предвестники военной прозы «потерянного поколения».

С конца 1870-х Гаршин страдал тяжелыми депрессиями, не раз лечился в психиатрических клиниках. В 1883 году он женился на курсистке. Не надеясь на литературный заработок, в том же году поступил секретарем в канцелярию Съезда представителей железных дорог, это у церкви Владимирской иконы Божией Матери и снял квартиру в Дмитровском переулке, в верхнем этаже дворового флигеля дома № 5. Квартира была недорогая, «с крутой грязной лестницей и низким потолком, с беспокойными соседями и звуками пианино за досчатой перегородкой».

Весной 1888 года депрессия Всеволода Гаршина обострилась. «Ему трудно было даже стоять на ногах. Домой приходилось его провожать. Но вдруг на полпути он срывался, с удивлением смотрел на идущего с ним рядом приятеля и быстрым шагом удалялся от него». Гаршины собирались на Кавказ — отдохнуть и лечиться. 19 марта, сообщает «Петербургский листок», «делая приготовления к этой поездке, писатель отправился сделать кое-какие покупки и, возвращаясь вечером домой, оступился на лестнице, причем получил несколько ушибов». Большинство современников, однако, считали, что Гаршин сам бросился в пролет. Еще неделю Всеволод Михайлович промучился в больнице на Бронницкой, умер 24 марта, был отпет в Измайловском соборе и похоронен на «Литераторских мостках».

ИЗВОЗЧИЙ ТРАКТИР

Стремянная, 4

Трактир сменил множество названий, а в начале XX века существовал под вывеской «Одесса». Для тысяч петербургских извозчиков трактиры были важнейшими институциями: чем-то вроде салунов в жизни американских дальнобойщиков или котлетными для ленинградских таксистов. Здесь можно было распрячь лошадь, напоить ее, задать корма и провести (особенно ночью, когда мало седоков) несколько часов в тепле с земляками. По наблюдениям петербургского журналиста Н. Н. Животова, проработавшего в 1893 году несколько дней извозчиком, чтобы посредством «включенного наблюдения» лучше узнать быт пред-

ставителей этой профессии, в извозчицких трактирах, «...большая часть извозчиков ездит в известный свой трактир, где съезжаются его же земляки, люди одной волости, а то и деревни. В таких трактирах образуется нечто вроде артели. Имеются большей частью и общие кружки, где извозчики хранят сбережения. Все сидящие... одна семья, близкие товарищи — земляки или работники одного хозяина. В Эртелевом переулке есть трактир, в который ездят извозчики известного села и уезда Рязанской губернии. Администрация этого трактира на свой счет отремонтировала сельскую церковь на родине извозчиков и послала туда новую церковную утварь на значительную сумму. Другой трактир на свой счет выстроил в деревне своих посетителей здание для школы...»

Артели существовали при трактирах на Кабинетской (Правды), Спасской (Рылеева), Глазовой (Константина Заслонова), Волоколамской, Стремянной, Боровой, Можайской, Вереysкой, 8-й Рождественской (сейчас — 8-я Советская) улицах, в Басковом и Кузнечном переулках. В «Одессе» собирались в основном извозчики-калужане. Место это для них было стратегически важное, так как седока легче всего было взять на Невском проспекте. А жило большинство извозчиков в Ямской части.

Извозчицьи трактиры, в том числе и «Одесса», открыты были круглосуточно. Места — не для состоятельных петербуржцев. Извозчики сидели в своих тулупах, запах стоял соответствующий, половина клиентов спала, половина пьянствовала. Да и лексика употреблялась в соответствии с поговоркой: «Ругается, как извозчик».

ДОМ КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА МЕЩЕРСКОГО

Улица Марата, 9

Этот дом построен в 1870 году по проекту архитектора Е. П. Варгина, надстроен в 1878 году (архитектор В. И. Славянский) и в 1902 году (архитектор В. Ф. Розинский). Здесь жил Владимир Мещерский — писатель, царедворец, издатель.

Внук Николая Карамзина, князь Владимир Мещерский закончил в 1857 году в возрасте 18 лет аристократическое учили-

ще правоведения. Как и многие другие закрытые заведения для мальчиков, училище часто пристращало своих питомцев к однополрой любви. Владимир Мещерский, как и его соученики Петр и Модест Чайковские и Алексей Апухтин, навсегда сохранили полученные в юности сексуальные пристрастия. Тогдашнее светское общество отличалось политической корректностью, и склонности Владимира Мещерского вовсе не мешали его удачной во всех отношениях карьере.

Ловкий делец, способный журналист, обходительный собеседник, он был принят при дворе, стал приятелем наследника престола цесаревича Николая Александровича, а после его смерти цесаревича Александра Александровича — будущего Александра III.

В 1873 году Федор Достоевский редактировал принадлежавший Мещерскому журнал «Гражданин» и часто с ним встречался. По средам в доме на Николаевской улице (ныне — Марата) у Владимира Петровича был открытый день: собирались политики, литераторы, — вообще народ сколько-нибудь интересный.

Хотя и Мещерский, и Достоевский были людьми консервативными и принадлежали к партии наследника престола, их многое разъединяло. И прежде всего даже не сексуальные пристрастия Мещерского (Достоевский был семьянином и верующим человеком), а угодливость Владимира Петровича. То, что для Достоевского являлось убеждением, для его издателя служило средством для укрепления карьеры и получения денежного довольствия из казны.

Александр II был недоволен журналом, особенное раздражение вызвала у него статья Владимира Мещерского «Точка», в которой князь предлагал «поставить точку реформам». Мещерскому ничего не оставалось как подать в отставку. Цесаревич перестал принимать его, страшись гнева отца. К тому же супруга наследника, будущая императрица Мария Федоровна, терпеть не могла князя, считая его грязным развратником.

Тем больше стал триумф Мещерского, когда Александр III сделался императором. Теперь на углу Николаевской и Стремянной улиц в редакции «Гражданина» делалась большая политика. Мещерский фактически занял пост советника императора: с его мнением считались придворные и министры, его протекция дава-

ла серьезные карьерные преимущества, а гнев стоил должностей самым влиятельным царедворцам. На приемы к князю приходили Сергей Витте (во многом обязанный Мещерскому карьерой, он был снят с должности министра финансов его же интригами), Дмитрий Толстой, Тертый Филиппов, Иван Вышнеградский и другие высшие должностные лица империи.

Вокруг него толпились молодые люди, мечтавшие о хорошей должности. Некоторые не прочь при этом были услужить князю и по части удовлетворения его сексуальных прихотей. В докладе о гомосексуальных притонах Петербурга начальник столичной сыскной полиции, знаменитый русский сыщик Иван Путилин писал о Мещерском: «употребляет молодых людей, актеров и юнкеров и за это им протезирует. В числе его любовников называют Аполлонского и Корвин-Круковского (актеры Александринского театра. — *Л. Л.*). Для определения достоинств задниц его жертв у него заведен бильярд». Доклад этот никак не отразился на положении Мещерского при дворе, а вот Путилин был вынужден подать в отставку.

КВАРТИРА ГРИГОРИЯ ДАНИЛЕВСКОГО

Невский проспект, 71

На доме висит мемориальная доска, установленная еще в 1911 году: «В этом доме жил 26 лет и скончался 6 декабря 1890 года писатель-романист Григорий Петрович Данилевский».

Писатель этот подзабыт, но, надо сказать, ничего драматичного в этом забвении нет. Довольно средний исторический романист — уровня графа Евгения Салиаса или Всеволода Соловьева. Доска — памятник литературной табели о рангах, знак изменения литературных оценок.

Сверстник Федора Достоевского и Льва Толстого, Данилевский происходил из малороссийского казачьего рода. Вслед за автором «Тараса Бульбы» и под сильным его влиянием дебютировал с романами из жизни запорожцев. С 1870 года он начал делать карьеру в Министерстве внутренних дел, а с 1881-го стал главным редактором «Правительственного вестника», имел чин тайного советника (выше — только канцлер). «При небольшом, но приличном своем росте он, вбегая куда-нибудь, как-то пыжил-

ся, как будто вырастая на глазах у вас, во всей красе выставляя украшавшую его звезду и надменно сощуривая глаза. Но не думайте, чтобы всегда и везде он корчил из себя сановника; попадая в общество настоящих сановников или родовитых людей с большим влиянием и значением, он, со свойственной ему эластичностью, как-то сразу становился чрезмерно скромным, мягким и даже угодливым. Он рад был всей душой быть полезным и всячески вызывался на услуги и действительно оказывал их, но всегда так, что это ничего ему не стоило: все делалось чужим горбом, чужими силами и даже на чужие средства...

В редакцию „Правительственного вестника“ Григорий Петрович являлся обыкновенно в третьем часу дня. Здесь он обычно доставал из ящика письменного стола сложенную четвертушками бумагу с отогнутыми полями и начинал пестрить ее своим мелким почерком, продолжая какой-либо свой роман или повесть... А контора с многочисленным штатом исполняла свои обязанности и, кроме того, давала сановитому романисту великолепных переписчиков. Пишущих машинок тогда еще не было, и все произведения Григория Петровича с малоразборчивых его оригиналов переписывались вручную в двух, трех экземплярах каждое. И два маленьких чиновника, занимавшихся этой работой, посвящали ей все служебное время да еще работали и на дому», — вспоминал литератор, подчиненный Данилевского, Евгений Опочинин. Так были написаны «Девятый вал», «Мирович», «Княжна Тараканова», «Сожженная Москва», «Черный год» и другие сочинения плодовитого беллетриста. Мемориальные доски — вообще штука любопытная: не отмечены, скажем, Даниил Хармс, Михаил Кузмин, Георгий Иванов, зато есть доски Алексею Чапыгину, Александру Прокофьеву, Леониду Соболеву, Николаю Тихонову, Григорию Данилевскому.

ГОСТИНИЦА «ПАЛЕ-РОЯЛЬ»

Пушкинская улица, 20

«Большой меблированный (sic!) дом „Пале-Рояль“. СПб, Пушкинская ул., д. 20. Близь Николаевского вокзала и Невского пр., 175 меблированных комнат от 1 р. до 10 р. в сутки (включая постельное белье). Месячно — уступка. Электрическое освещение

бесплатно. Ванны. Телефон. Комиссионеры. Просят извозчикам не верить», — так гласила реклама.

«Пале-Рояль» изначально строился в 1875–1876 годах как дом для приезжих. Центральная лестница выходила на Пушкинскую, от нее на всех этажах расходились в обе стороны длинные коридоры с дверьми в номера — комнаты с альковами. Построил меблированный дом Александр Иванов, тогда молодой тридцатилетний выпускник Академии художеств. Позже архитектор «развернулся»: к 1917 году он спроектировал 45 зданий только в Петербурге (из них 3 — на Пушкинской улице), а кроме того, множество домов в Москве (в том числе гостиницы «Националь» и «Балчуг») и провинции.

Первоначально гостиница (тогда в ней было 99 номеров) так же, как и соседний дом (Пушкинская, 18) принадлежали Анне Петровне Рот, даме из почтенного ост-зейского рода, и называлась «Дом меблированных комнат А. П. Рот». Затем дом по Пушкинской, 18, не меняя своего назначения, отошел к баронессе Таубе (баронский герб до сих пор на фасаде). В 1880–1890-е годы гостиницей управляли совладельцы — баронесса, какой-то заезжий итальянский маркиз Сакрипанте (он же граф Витутти), его жена и некий А. А. Неклюдов.

Тогда-то гостиница и получила название «Пале-Рояль». Так называется знаменитый дворец, построенный рядом с Лувром для кардинала Ришелье архитектором Жаком Лемерсье. Известен он был каждому российскому гимназисту по «Трем мушкетерам», именно здесь собирались злейшие враги Д'Артаньяна и его друзей — гвардейцы кардинала. В 1642 году кардинал умер, а дворец отошел Бурбонам. Людовик-Солнце подарил его Орлеанам.

Перед революцией в 1770-х герцог Шартрский, будущий Филипп Эгалите, заказал архитектору Виктору Луи застроить дворцовый сад с трех сторон домами с аркадами, где на первых этажах расположились лавочки (кстати, в одной из них Шарлотта Корде купила нож, которым зарезала Марата) и кафе. Там же разместился театр — будущий Комеди Франсэз. У торгово-развлекательного центра в сердце Парижа прогуливались женщины легкого поведения. Таким образом, в общественном сознании петербуржца 1890-х годов «Пале-Рояль» отзывался примерно

так же, как в сознании нынешнего петербуржца «Куршавель» или «Уимблдон» — нечто европейское, дорогое, легкомысленное, аристократическое.

Постояльцы «Пале-Рояля» отличались от обычных гостиничных клиентов. Сюда не пускали случайные парочки на ночь или пару часов (а в этой зоне Невского такие персонажи составляли органическую часть ландшафта). Цена за номер — от рубля и выше в сутки — была щадящей для среднего класса, но служила барьером для студентов или мелких чиновников: дешевая комната стоила в Петербурге 15 рублей в месяц, минимальная пристойность требовала семейного дохода от 100 рублей.

Семейные люди снимали квартиры, небогатые одиночки (вроде князя Льва Мышкина или Родиона Раскольникова) довольствовались «комнатами от хозяйки». В «Пале-Рояле» селились работающие холостяки и «зимогоры», постоянно обитавшие в окрестностях, но наезжавшие в Петербург по делам на несколько суток. Как-то получилось, что постепенно среди них стали преобладать люди «свободных профессий» — прежде всего литераторы и актеры.

Определенную репутацию этому месту создал Глеб Успенский. Человек прелестный: совестливый, скромный, работающий, — он, как и многие из его «разночинного» поколения,пил горькую. Более того, утверждал, что русский писатель вынужден наблюдать и описывать такие мерзости жизни, что для разрядки ему и остается только водка; в крайнем случае — бром. Александра Васильевна, жена-страдалица, долго терпела возлияния Глеба Ивановича, пока не увезла его на постоянное место жительства в Чудово: и под присмотром, и «Власть земли» из крестьянской жизни писать сподручнее: объект наблюдения рядом. С другой стороны, от столицы недалеко — два часа и писатель в редакции «Отечественных записок» или «Русского богатства». В «Пале-Рояле» он бывал наездами, почти каждый из которых приводил к загулу. Писатель был, что называется, душой компании, символом поколения, в «Пале-Рояль» к нему приходили приятели, литературные дамы, поклонники таланта, начинающие писатели. Выбраться из этого круговорота удавалось с трудом. Кстати, напротив, на Пушкинской, 17, жил лечащий врач Успенского — психиатр Борис Синани, который и выводил пи-

Памятник Пушкину,
улица Пушкинская

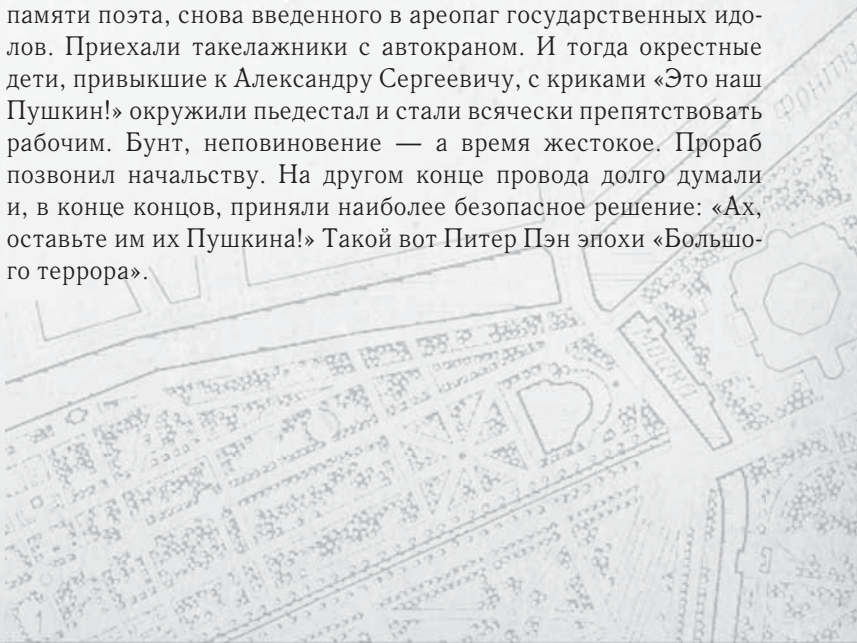
сателя из запоя. В конце концов, ему пришлось отправить окончательно впавшего в белую горячку Успенского в сумасшедший дом, где он, после десятилетнего безумия, и закончил свое страдальческое существование.

ПАМЯТНИК А. С. ПУШКИНУ

Улица Пушкинская

Маленький, прелестный памятник Пушкину совсем не монументален. Это не московский Пушкин-Каменный гость, а скорее Пушкин-митек. Деньги собрали по подписке: на такой бюджет не развернешься. Автор — ярославский самородок, скульптор Александр Опекушин. Архитекторы — Николай Бенуа и Антонин Лыткин (частый соавтор Опекушина). Памятник открыли 7 августа 1884 года. Домашний, маленький Александр Сергеевич во все времена привлекал детей и пьяниц. С ним связана прелестная легенда, которую любила рассказывать Анна Ахматова.

В 1937 году, к столетию со дня смерти Пушкина, было решено убрать памятник, который Смольный счел недостойным памяти поэта, снова введенного в ареопаг государственных идолов. Приехали такелажники с автокраном. И тогда окрестные дети, привыкшие к Александру Сергеевичу, с криками «Это наш Пушкин!» окружили пьедестал и стали всячески препятствовать рабочим. Бунт, неповиновение — а время жестокое. Прораб позвонил начальству. На другом конце провода долго думали и, в конце концов, приняли наиболее безопасное решение: «Ах, оставьте им их Пушкина!» Такой вот Питер Пэн эпохи «Большого террора».

МАРШРУТ 5

ПАМЯТ О ДОСТОЕВСКОМ

Музей-квартира Ф.М. Достоевского,
Кузнецкий переулок, 5

МУЗЕЙ-КВАРТИРА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Кузнечный переулоч, 5

В доме на углу Кузнечного переулка и Ямской улицы (сейчас — улица Достоевского) Достоевский жил дважды с перерывом в 33 года. Каменный дом появился здесь в начале XIX века. В 1849 году его перестроил архитектор С. Пономарев, а вскоре после смерти Достоевского, в 1882 году, дом подвергся еще одной перестройке.

В первый раз Федор Михайлович поселился здесь в январе 1846 года. «Я переехал с квартиры и нанимаю теперь две прекрасные комнаты от жильцов. Мне очень хорошо жить. Адрес мой: у Владимирской церкви, на углу Гребенской (так некоторое время называлась улица Ямская (Достоевского). — *Л. Л.*) и Кузнечного переулка, дом купца Кучина». Здесь был дописан «Двойник». Съехал Достоевский весной следующего года.

Когда осенью 1878 года Достоевский снова снял тут квартиру, здание сменило владельца. К этому времени оно принадлежало прусской подданной Розалии-Анне Клинкострем. В четырехэтажном каменном доме находилось 29 квартир, булочная, винный погреб и мелочная лавка. Во дворе помещались две конюшни и три сарая. Достоевские жили в квартире № 10, на втором этаже.

В 1971 году, к 150-летию Достоевского в доме открыли литературно-мемориальный музей. Большая часть личных вещей писателя к этому времени или пропала, или оказалась в Москве, в столичном музее. Поэтому квартира на Кузнечном представляет собой некую обобщенную модель жилища Федора Михайловича, созданную на основании описи вещей Достоевского, по воспоминаниям и типологическим образцам. Подлинных предметов в музее не так уж много.

Музей открыли не случайно. С середины 1960-х годов произошел важный поворот в отношении официального советского литературоведения к писателю. Непримиимый враг революционного движения и социализма, монархист, ортодоксальный православный, русский националист, Достоевский, охарактеризованный Лениным как писатель «архискверный», долгое время считался маргинальной фигурой в русской литературе.

По мере перехода от интернационализма к национализму в официальной советской идеологии отношение к писателю постепенно «теплело». В школьный курс включили «Преступление и наказание», начало выходить академическое собрание сочинений Достоевского. В то же время изучение его произведений,

Вход в музей

интерес к писателю продолжал оставаться, парадоксальным образом, своеобразным признаком либерализма и «антисоветскости».

Поэтому организация и создание музея, происходившие вокруг него события были яркой страницей интеллектуальной жизни Ленинграда периода застоя.

В доме в это время проводился капитальный ремонт, и он был расселен. Квартиру, в которой жил Достоевский, отдали музейщикам. Кроме того, под экспозицию, фонды, выставочные помещения и лекционный зал отдали еще три квартиры на первом и втором этажах. Со стен аккуратно сняли слой за слоем обои; в результате удалось определить, как они выглядели во времена Федора Михайловича.

При жизни Достоевского в дом входили со стороны Кузнечного переулка, через парадную дверь. Сейчас на лестницу посетитель попадает через вход с угла улицы Достоевского и Кузнечного переулка. Не слишком презентабельно выглядели и район, и дом, в котором жили Достоевские, такой же была и лестница. Современник писал о ней: «Узкая, грязенькая, темненькая. Пахнет кошками и жареным кофе». Дверь в квартиру № 10 была обита обтрепанной клеенкой. На двери — медная дощечка с гравировкой: Ф. М. Достоевский. Старинный звонок.

Экспозиция музея состоит из двух частей: историко-литературной и мемориальной.

Существующий историко-литературный раздел музея уже третий по счету со времен основания. Это два зала, погруженных в темноту. Собственно экспозиция — в подсвеченных витринах-модулях, повешенных на окрашенные черным кирпичные стены. Перемежаются экспонаты, связанные с биографией Достоевского, историей его времени, его творчеством, инсталляции и мониторы с видео. На видео — снятые методом «субъективной камеры» Михайловский замок с его запутанными переходами и лестницами, доходные дома, петербургские храмы, а также странствия Достоевского по Европе и цитаты из его произведений..

Чрезвычайно интересны рисунки Бориса Костыгова — петербургского архитектора, сотрудника Государственной инспекции охраны памятников, работавшего над созданием пешеходной зоны «Петербург Достоевского» (ее так и не открыли). Он скру-

пулезнейшим образом изобразил виды главных «достоевских» мест города такими, какими они были при жизни писателя. Он «восстановил» в своей серии рисунков весь подлинный декор и малые формы: мощение, рисунок ворот, балконов, подлинный вид оконных переплетов и окон, вывески; добавил стаффаж — прохожих, гуляющих по городу Достоевского.

Через лестничную площадку — мемориальный раздел — восстановленный облик квартиры писателя.

Первое помещение квартиры — передняя. Возле зеркала на круглом столике под стеклянным колпаком — подлинные вещи Достоевского: шляпа и бумажник. Слева от входа — дверь в кладовую. Здесь жена писателя хранила книги для продажи иногородним читателям. Книгораспространение без посредников, затеянное Анной Григорьевной, стало важным источником семейного бюджета.

Из передней дверь ведет в гостиную. Единственная вещь в гостиной, достоверно принадлежавшая Достоевскому — коробка из-под табака фирмы «Лаферм» с папиросными гильзами. На оборотной стороне коробки — запись карандашом, сделанная дочерью писателя, одиннадцатилетней Любочкой: «28-ого января 1881 г. Сегодня умер папа».

Обстановка гостиной воссоздана по описаниям. Интерес представляют (конечно, никогда не висевшие здесь при жизни Достоевского) фотографии его особенно частых посетителей в последние годы жизни.

Режим дня Достоевского был необычен: он работал ночью, засыпал под утро и вставал часа в два дня. Около трех, после завтрака, Достоевский принимал посетителей. Он писал: «Только проснусь в час пополудни, как пойдут звонки за звонками: тот входит одно просит, другой другое, третий требует, четвертый настоятельно требует, чтобы я ему разрешил какой-нибудь неразрешимый „проклятый“ вопрос... наконец депутация от студентов, от студенток, от гимназий, от благотворительных обществ — читать им на публичном вечере. Да когда же думать, когда работать, когда читать, когда жить».

Вечер, как правило, посвящался семье; близкие и родственники приходили часто вне пределов времени, принятых для случайных посетителей. Знакомых у Достоевского, особенно в по-

следние годы жизни, было множество, что касается друзей, то он признавался молодому тогда романисту Вс. Соловьеву: «Вы думаете у меня есть друзья? Когда-нибудь были? Да, в юности, до Сибири, пожалуй что, были друзья настоящие, а потом, кроме самого малого числа людей, которые, может быть, несколько и расположены ко мне, никогда друзей у меня не было... всегда, всю жизнь друзья появлялись ко мне вместе с успехом. Уходил успех — и тотчас же и друзья уходили».

Читательский успех у Достоевского в годы, когда он жил на Кузнечном, был невиданный. Среди фотографий на стене — портреты трех светских дам, выделявшихся среди многочисленных поклонниц его творчества в конце 1870–1880-х годов. «Достоевский имел больший успех у женщин, чем у мужчин, — писала в своих позднейших воспоминаниях его дочь, — потому что он всегда относился к слабому полу с уважением. Он не развлекал женщин и не собирался их обольщать. Успех Достоевского у женщин можно объяснить и иначе: отец принадлежал к того рода мужчинам, которые, как высказался по этому поводу Мишле, „обладают очень сильной мужественностью, но имеют много от женской натуры“».

Среди снимков частых гостей Федора Михайловича — фото Анны Философовой — одной из создательниц высших женских курсов — первого университета для женщин, жены главного военного прокурора, поклонницы литературы и искусства, хозяйки салона, куда на огонек (по воспоминаниям ее дочери) «обыкновенно приходило пять-шесть человек самых иногда разнообразных по „поситион социале“, по виду, по убеждениям». Достоевский был для Философовой «дорогим, нравственным духовником». Либеральная по своим политическим убеждениям, Филосовова позволяла себе ожесточенно спорить с писателем, что, впрочем, не портило их приятельских отношений.

На следующем снимке — Елена Штакеншнейдер — дочь знаменитого петербургского архитектора, известная мемуаристка, умная и тонкая горбунья, принимала гостей по вторникам в своем роскошном особняке с домашним театром и зимним садом. Достоевский был знаком с ней со времен возвращения с каторги. Она имела возможность сравнивать его тогдашнюю относительную малоизвестность и славу, пришедшую в последние годы

жизни: «Стоит ему появиться, чтобы все глаза устремились на него, и прошел бы шепот: „Достоевский! Достоевский!“ А тогда, бывало, сидит он у нас, а молодежь... пляшет себе и поет и никакого внимания не обращает на него».

Висит в гостиной и фотография брата Елены Штакеншнейдер, Адриана — юриста, много помогавшего Достоевскому в работе над «судебными страницами» «Братьев Карамазовых».

Софья Толстая (Берс) — вдова писателя и философа графа Льва Толстого. Она была некрасива: «Лицо чухонского солдата в юбке», — говорил о ее внешности Иван Тургенев. У нее была бурная юность: незаконнорожденный ребенок, развод, любовники и, наконец, брак с графом Толстым, который с первой встречи и до конца жизни был в нее пылко влюблен. Она пережила мужа на 20 лет. В салоне Софьи Толстой на Миллионной, 30 бывал двор и писатели: Федор Достоевский, Владимир Соловьев, Иван Гончаров, Яков Полонский.

Анатолий Кони — знаменитый судебный деятель, плодовитый мемуарист, консультант Достоевского по юридической части.

Орест Миллер — автор (наряду с Н. Страховым) первой посмертной биографии Достоевского, филолог, профессор Петербургского университета. Мягкий, милый человек, любимец студентов, он был частым посетителем гостиной Достоевских. Миллер, в отличие от многих давних приятелей писателя, прощал ему частую его грубость и несправедливость. По поводу одной из таких выходок Достоевского (за несколько дней до его смерти), Миллер писал Анне Григорьевне: «Сердиться на Федора Михайловича... для меня невозможно — как в прошлом, так и в будущем». Зная, что Миллер находится в затруднительном материальном положении, Достоевский, тайком от своей экономной жены, ежемесячно посылал ему деньги.

Старейший из литературных приятелей Достоевского, его однокашник по Главному инженерному училищу — Дмитрий Григорович. Он, как мы помним, привел Достоевского в литературу. Но отношения после выхода Федора Михайловича с каторги были у них непростые. Григорович притесствовал с ненавидимым Достоевским Тургеневым и входил во враждебную ему либеральную партию.

Осуждал Федор Михайлович своего старого знакомого и за ловеласничанье, даже приревновал к нему однажды (и, конечно, совершенно безосновательно) свою верную жену.

О самом близком в течение долгого времени литературном друге писателя, Аполлоне Майкове, мы говорили ранее. Во время их сотрудничества в «Отечественных записках» взаимосклонность писателей несколько охладилась. Майков, как и Страхов, стал относиться к Достоевскому, как он говорил, «со складкой». Позже Майков писал своей жене, что Достоевский «и оскорбит, и обидит, и рассердит, — уж такой человек». Но перед смертью Достоевский из всех друзей пожелал проститься именно с Майковым.

С Яковом Полонским, известным лирическим поэтом, Достоевский познакомился в начале 1860-х годов. Близки они никогда особенно не были, но их объединяли общие литературные вкусы и круг знакомств.

«Пятницы» Полонского, частым посетителем которых был Достоевский, в 1878–1879 годах собирали и литераторов, и музыкантов, и художников.

Религиозный философ Владимир Соловьев — самый молодой из приятелей Достоевского. Они сблизились в 1877 году, когда Владимиру Соловьеву было 24 года, а Достоевскому — 56. Федор Михайлович посещал публичные лекции Соловьева, присутствовал на его диссертационном диспуте в Петербургском университете. Вдвоем с Соловьевым Достоевский ездил в знаменитый монастырь — Оптину пустынь. Очевидец одной из встреч писателя со своим юным другом, литератор Дмитрий Стахеев вспоминал: «Владимир Сергеевич что-то рассказывал, Федор Михайлович слушал, не возражая, но потом придвинул свое кресло к креслу, на котором сидел Соловьев, и, положив ему на плечо руку, сказал:

— Ах, Владимир Сергеевич! Какой ты, смотрю я, хороший человек...

— Благодарю вас, Федор Михайлович, за похвалу.

— Погоди благодарить, погоди, — возразил Достоевский, — я еще не все сказал. Я добавлю к своей похвале, что надо бы тебя года на три в каторжную работу.

— Господи! За что же?

— А вот за то, что ты еще недостаточно хорош: тогда-то, после каторги, ты был бы совсем прекрасный и чистый христианин...»

Двух любимых своих героев — Родиона Раскольникова и Митю Карамазова — автор отправил на каторгу, да и сам он прошел через испытание «Мертвым домом», так что в его словах не было ничего странного. Считается, что как раз Владимир Соловьев был одним из прототипов Алеши Карамазова, самого светлого из героев последнего романа писателя.

Главная часть мемориальной квартиры — кабинет Достоевского. На большом письменном столе — книги и страницы последнего выпуска «Дневника писателя» за январь 1881 года в корректуре (он вышел из печати на следующий день после смерти писателя). Здесь же «Русский вестник» с «Братьями Карамазовыми»; «Евгений Онегин» Пушкина открыт на восьмой главе со знаменитым письмом Онегина Татьяне: «Я знаю: век уж мой измерен...» На характере пушкинских героев в значительной степени строилась концепция «Пушкинской речи» Достоевского, написанной в этом самом кабинете. Восьмую главу

Кабинет Достоевского

«Онегина» писатель собирался читать на своем так и не состоявшемся из-за смерти публичном чтении.

Здесь же на столе — ксерокопия последнего письма Достоевского, написанного за два дня до смерти, одному из редакторов «Русского вестника».

В книжных шкафах хранятся те же книги, которые входили в личную библиотеку Федора Михайловича. Их список составил после его смерти Анна Григорьевна.

Из подлинных вещей писателя — в кабинете, в основном, мелочи: кошелек, коробочка из-под лекарства, ручка (на столе), над столом держатель для писем и бумаг (тогда говорили — кашлетр). В красном углу — подлинная икона в серебряном окладе «Божия Мать Всех Скорбящих Радость» с лампадкой.

Над диваном — большая репродукция «Сикстинской Мадонны» Рафаэля, любимой картины Достоевского — подарок С. А. Толстой. Писатель, по словам вдовы, «был тронут до глубины души ее сердечным вниманием... Сколько раз в последний год жизни Федора Михайловича я заставляла его стоящим перед этою великою картиною в таком глубоком умилении, что он не слышал, как я вошла, и, чтоб не нарушать его молитвенного настроения, я тихонько уходила из кабинета».

Дочь Достоевского вспоминала: «Достоевский не любил ламп и предпочитал писать при двух свечах... Во время работы он много курил и пил время от времени очень крепкий чай... На его письменном столе царил величайший порядок. Газеты, коробки с папиросами, письма, которые он получал, книги, взятые для справок, — все должно было лежать на своем месте... Так как мать знала, какое значение он придает этому педантическому порядку, она сама всякое утро осматривала его письменный стол. Затем она располагалась около него и приводила в порядок на столике свои тетради и карандаши. Окончив завтрак, мой отец возвращался в свою комнату и тотчас начинал диктовать главу, составленную им ночью. Моя мать стенографировала ее и затем переписывала. Достоевский исправлял переписанное, часто прибавляя много подробностей. После этого моя мать переписывала еще раз и посылала рукопись в типографию...»

В этом кабинете были написаны большая часть «Братьев Карамазовых» и два последних выпуска «Дневника писателя».

В ночь с 25 на 26 января 1881 года в кабинете с Достоевским произошло незначительное происшествие, возможно имевшее роковой характер. Его ручка с пером упала под тяжелую этажерку с книгами. Достоевский начал двигать этажерку: кровь пошла у него горлом. Утром стало хуже, кровотечение повторилось. Вечером, при врачебном осмотре, оно усилилось. Позвали священника, Достоевский исповедался и причастился.

А. Суворин описывал последующие события так: «Позвав детей — мальчика и девочку... говорил с ними о том, как они должны жить после него, как должны любить мать, любить честность и труд, любить бедных и помогать им. Потеря крови сильно его истощила, голова упала на грудь, лицо потемнело. Но ночь восстановила его силы. Вторник прошел хорошо, и мысль о смерти снова была далека. Ему предписали полное спокойствие, которое необходимо в подобных случаях. Но по натуре своей он не был способен к покою, и голова постоянно работала. То он ждет смерти, быстрой и близкой, делает распоряжения, беспокоится о судьбе семьи, то живет, мыслит, мечтает о будущих работах, говорит о том, как вырастут дети, как он их воспитает, какая светлая будущность ждет это поколение, к которому они принадлежат...

Настал третий день...»

Утром Федор Михайлович сказал жене, спавшей в кабинете на тюфяке, на полу рядом с диваном:

— Знаешь, Аня, я уже часа три как не сплю и все думаю, и только теперь сознал ясно, что я сегодня умру... Зажги свечу, Аня, и дай мне Евангелие!

Евангелие в руках Достоевского открылось на словах: «Иоанн же удерживал его и говорил: мне надобно креститься от тебя, и ты ли приходишь ко мне? Но Иисус сказал ему в ответ: не удерживай, ибо так надлежит нам исполнить великую правду».

— Ты слышишь — «не удерживай» — значит, я умру, — сказал больной.

Он снова простился с женой и детьми. В гостиную толпились многочисленные друзья, родственники, почитатели. Жена пустила к Достоевскому только Майкова. Больному становилось все хуже, и в 8 часов 38 минут вечера 28 января (9 февраля) 1881 года он умер в присутствии жены, на кожаном диване в кабинете своей квартиры.

Настольные часы, принадлежавшие брату Достоевского Андрею Михайловичу (возле окон на круглом столике), остановлены на времени смерти Достоевского.

Вот что сказала в 1916 году А. Г. Достоевская: «Смерть унесла его действительно полного замыслов. Он мечтал в 1881-м год всецело отдать „Дневнику“, а в 1882-м засесть за продолжение „Карамазовых“».

В столовой — несколько подлинных вещей, принадлежавших семье писателя: вазы, графинчик для водки, серебряная ложка с монограммой Достоевского, серебряный колокольчик в виде гири — все они в горке для посуды. На стенах фотографии родственников и свойственников Федора Михайловича.

На небольшом овальном столике в простенке между окнами — портреты братьев и сестер писателя.

«Предобрая и премилая» Вера Михайловна Иванова — любимая сестра Достоевского — счастливая мать семерых детей, в ее семье он часто останавливался в Москве, провел счастливое лето 1866 года в Подмосковье (члены семьи Ивановых стали прототипами большинства героев повести «Вечный муж»). Вера Михайловна была крестной матерью дочери писателя — Любы. Соне Ивановой, племяннице, Достоевский посвятил роман «Идиот».

Но именно разговор с любимой сестрой за несколько дней до смерти сыграл, по мнению жены и дочери писателя, фатальную роль в развитии его предсмертной болезни. Речь шла об общем наследстве, полученном Достоевскими после смерти их тетки А. Ф. Куманиной (получению наследства предшествовала почти десятилетняя судебная тяжба, в которой писатель активно участвовал). Вера Михайловна просила брата отказаться от своей части имения в пользу сестер. Разговор этот кончился ссорой и легочным кровотечением писателя, ставшим роковым для него.

Варвара Карепина-Достоевская, младшая сестра писателя, тоже жила в Москве. После смерти отца муж Варвары, П. А. Карепин, был опекуном Достоевского, его сестер и братьев.

О любимом старшем брате Достоевского, Михаиле, мы говорили ранее.

Оба младших брата писателя — Андрей и Николай — не были особенно близки Федору Михайловичу. Андрей жил с ним

некоторое время в Петербурге в юности, а затем, став архитектором, переехал в провинцию. Он оставил интересные воспоминания о писателе. Николай — неудачник, алкоголик, жил в Петербурге. Достоевский жалел его, часто давал деньги.

В Петербурге жила и самая младшая сестра Достоевского — Александра (по первому мужу Голеновская, по второму — Шевякова). Ее Достоевский недолюбливал за чванливость.

Над столом, рядом с фотографией Достоевского 1879 года — портреты некоторых из его бесчисленных племянников и племянниц.

Столовая — место, где семья Достоевских собиралась за обедом, часов около 6 вечера, вместе: отец, мать, дочь и сын. Разговор с детьми шел обычно о прочитанных ими книгах, особенно любил Достоевский вспоминать обожаемого им Диккенса.

В замечательных своей наивностью и неожиданным взглядом на вещи воспоминаниях П. Кузнецова, служившего помощником Анны Григорьевны в книготорговле (ему было тогда лет 16; он недавно приехал из деревни), рассказано и об одиноких завтраках Достоевского: «Как умоется, оденет куртку, приходит в столовую, чтобы самовар был на столе, и всюю кипел, и никогда не накроет колпачком. На стол ставят чайницу и кофейницу, что он пожелает, сам заваривает — чай, так кладет в чайник чаю очень много, пьет совершенно черный чай, или в кофейницу положит кофею несколько ложек — чуть не густой пьет кофе. Любил пить черный, без сливок...

Закуска была: сухари московские крупные, посыпаны миндалем, масло, сыр, иногда сиг копченый и булки. Пил чай и закусывал один и не смела Анна Григорьевна войти, когда он закусывает... Федор Михайлович очень любил хорошо пообедать, очень любил рябчики, т. е. больше, что из дичи, но Анна Григорьевна очень была жадная, нет-нет его своей беднотой расстраивала. Раз Ф. М. сам накупил всего много, из-за этого вышла целая баталия, и Ф. М. раскричался и затопал ногами...»

Комната Анны Григорьевны — не будуар, а кабинет. Из подлинных вещей здесь только чернильница в виде коробочки мака.

А. Г. Достоевская в представлении русской интеллигенции — образцовая жена писателя.

Лев Толстой сказал ей при их единственной встрече в 1889 году: «Многие русские писатели чувствовали бы себя лучше, если бы у них были такие жены, как у Достоевского».

Пушкин, погибший из-за действительной или мнимой измены жены на дуэли. Л. Толстой — восьмидесятидвухлетний старик, бегущий от непонимающей его заветных убеждений Софьи Андреевны и гибнущий на глухой железнодорожной станции. Александр Герцен, описавший историю измены своей страстно любимой жены в одной из глав «Былого и дум». Несложившаяся семейная жизнь Ивана Тургенева... В русской культуре, где биографии писателей играют в значительной степени житийный характер, образ Анны Достоевской на фоне других писательских жен видится как эталон и упрек.

Достоевский страстно любил жену. Их переписка во время многочисленных разлук настолько эротична, что до сих пор, даже в академических изданиях печатается с купюрами. «Дорогая, желанная и бесценная» Анна Григорьевна была осмотнительна и даже жестковата в практических делах. Достоевский, когда она вышла за него замуж, был обременен огромным долгом, не умел тратить деньги и раздавал их направо и налево: родственникам, случайным просителям, прислуге, играл на рулетке. Он был всю жизнь серьезно болен: эпилепсия, а затем болезнь легких. Ревнивый, вспыльчивый, раздражительный, он был тяжел в быту.

Метранпаж типографий, в которых печатались «Гражданин», а затем и «Дневник писателя», М. Александров писал: «Анна Григорьевна умело и с любящей внимательностью берегла хрупкое здоровье своего мужа, держа его, по собственному выражению, постоянно „в хлопочках“, как малое дитя, а в обращении с ним проявляла мягкую уступчивость, соединенную с большим, просвещенным тактом. И я с уверенностью могу сказать, что Федор Михайлович и сам по себе, а равно и многочисленные почитатели его обязаны Анне Григорьевне несколькими годами его жизни».

Другой знакомый Достоевского, Александр Милюков, вспоминал: «Если Федор Михайлович, при своей житейской непрактичности, успел выплатить более 25 000 своих и братниных долгов, то это могло сделаться только при распорядительности и энергии его жены, которая умела и вести дела с кредиторами, и поддерживать мужа в тяжелые дни».

Гимназическая подруга Анны Достоевской Мария Стоюнина: «Вообще у него (Достоевского. — Л. Л.) все почти всегда драмой или трагедией становилось. Бывало, соберет его перед уходом куда-нибудь Анна Григорьевна, хлопочет это возле него, все ему подаст, наконец он уйдет. Вдруг сильный звонок (драматический). Открываем: „Анна Григорьевна платок, носовой платок забыла дать!“ Все трагедия, все трагедия из всего у них. Ну, она мечется, пока все опять ему не сделает. Она за ним как нянюшка ходила. Ну, и правда, было у них взаимное обожание».

К концу жизни писателя, благодаря хлопотам Анны Григорьевны, Достоевские расплатились с долгами, и в материальном отношении их жизнь вполне устроилась (хотя богатыми людьми они не стали никогда).

После смерти Достоевского вдова много сделала для увековечения его памяти. Она написала превосходные мемуары, собрала многочисленные воспоминания о Достоевском, выпустила несколько собраний сочинений писателя, создала музеи Достоевского в Москве и в Старой Руссе, составила и опубликовала замечательную по полноте библиографию сочинений Достоевского и литературы о нем.

Детская меблирована и обставлена вещами по описаниям, подлинных предметов из семьи Достоевских здесь нет. Детство — самый любимый возраст писателя. Детские образы всегда ему удавались, а тема детской обиды, «слезы ребенка» — едва ли не центральная в его творчестве. «Ах, зачем вы на женаты, и зачем у вас нет ребенка, многоуважаемый Николай Николаевич. Клянусь вам, что в этом три четверти счастья жизненного, а в остальном разве одна четверть», — писал он Н. Страхову.

Из четверых детей Достоевского выжило двое — Люба и Федя. Федор Михайлович был образцовым отцом — дарил детям бесчисленные дорогие подарки (чем порой чрезвычайно расстраивал не любившую излишних трат жену), читал им вслух, водил в театр, в гости, на детские праздники.

Любовь Федоровна, повзрослев, стала писательницей. Отношения с матерью у нее были натянутые: Анну Григорьевну раздражали излишняя светскость дочери, ее личная жизнь (до конца своих дней она оставалась бездетной и одинокой), космополитизм (с 1913 года Любовь Федоровна постоянно жила в Европе). В 1920 году в Мюнхене на немецком языке вышла книга мемуаров Л. Достоевской.

Федор Федорович получил два высших образования, но всю жизнь занимался разведением лошадей, в чем весьма преуспел. От литературы он был далек.

Музей-квартира завершается умывальной комнатой. Л. Достоевская писала: «Встав, мой отец прежде делал гимнастику и затем мылся... Он употреблял для своих тщательных омовений много воды, мыла и одеколону. У Достоевского была истинная страсть к чистоте...

Обычно он напевал во время умывания... рядом с нашей детской, и каждое утро я слышала, как он пел мягким голосом одну и ту же песенку». «Песенка» — ни что иное как романс на стихи знаменитого русского поэта А. Фета «На заре ты ее не буди».

ПАМЯТНИК Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ

Большая Московская улица

В торце Владимирской площади сходятся Большая Московская улица, Кузнечный переулок, Загородный и Владимирский проспекты. Здесь всегда много народа из-за расположенной поблизости станции метро «Владимирская», здесь же находится и единственный в городе памятник Ф. М. Достоевскому.

При советской власти Достоевский считался классиком «второго ряда» (как, например, и Александр Блок). Улицу, переименованную из Ямской в Достоевского еще в 1915 году, трогать не стали, но и памятника не ставили.

Только в перестроечном 1988-м был объявлен конкурс на проект памятника. Из 12 проектов выбрали безусловно, лучший (что бывает редко). Любовь Холина, которой к этому времени исполнилось семьдесят, большой карьеры не сделала. Ученица выгнанного из профессоров Академии Художеств в 1948 году «за формализм» знаменитого скульптора Александра Матвеева, она была известна своими работами на Ленинградском фарфоровом заводе и горельефами подземного вестибюля станции метро «Нарвская». Над памятником Достоевскому Холина начала работать еще в 1956 году.

Несмотря на то, что ее проект победил в конкурсе, он подвергся изменению: задумывалась фигура в граните, ее заменили бронзовой. Новый этап работы начался в 1993 году. На этом этапе в создание памятника включились сын и внук Холиной: художник П. А. Игнатьев и скульптор П. П. Игнатьев. Отливка в бронзе произведена на заводе «Монументскульптура».

Памятник установлен рядом с церковью Владимирской иконы Божией Матери, недалеко от дома-музея писателя.

Открыли монумент 30 мая 1997 года, через год Любовь Холина умерла.

Дух произведений писателя как-то действует на пятак перед памятником: это традиционная точка сбора местных бомжей и пьяниц.

МОГИЛА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Набережная реки Монастырки, Александро-Невская лавра

В 20:38 28 января (9 февраля) 1881 года Федор Михайлович Достоевский скончался. А. Г. Достоевская писала: «...На другой день после кончины мужа в числе множества лиц, нас посетивших, был знаменитый художник И. Н. Крамской. Он по собственному желанию захотел нарисовать портрет с усопшего в натуральную величину и исполнил свою работу с громадным талантом. На этом портрете Федор Михайлович кажется не умершим, а лишь заснувшим, почти с улыбающимся и просветленным лицом, как бы уже узнавшим не ведомую никому тайну загробной жизни...» Копию портрета Ф. М. Достоевского работы Крамского и его посмертную маску можно видеть в историко-литературной части экспозиции музея-квартиры.

У Федора Михайловича были мысли о смерти. Он завещал Анне Григорьевне похоронить его на Новодевичьем кладбище — месте, памятном ему по прощанию с Николаем Некрасовым в 1877 году.

Однако в дело вмешались власти. Хроника событий предстает перед нами в дневнике Александры Богданович. 29 января, на следующий день после смерти Достоевского, она записала: «Комаров (полковник, издатель, один из руководителей Петербургского Славянского благотворительного общества, в котором состоял Достоевский) пришел от покойного Достоевского, говорит, что семья в нищете. Мною была высказана мысль, не попросить ли митрополита похоронить Достоевского безвозмездно в Александро-Невской лавре. Комаров схватился за эту мысль, и меня Е. В. (муж автора — генерал Евгений Богданович. — Л.Л.) и он попросили съездить к владыке попросить у него разрешения. Митрополит встретил очень холодно это ходатайство, устранил себя от этого, сказав, что Достоевский — простой романист; что ничего серьезного не написал; что он помнит похороны Некрасова... было много... демонстраций, нежелательных в стенах лавры, и проч.».

Однако, идея, впервые высказанная Александрой Богданович, нашла могущественного сторонника: ее поддержал обер-прокурор Синода Константин Победоносцев. «Победоносцев, —

пишет Богданович, — тоже ходатайствует, чтобы похоронили Достоевского в лавре, и это ходатайство равняется приказанию. Митрополит прислал наместника нам сказать, что он исполняет нашу просьбу, дает место, и служение будет безвозмездно».

В бурный 1881 год похороны Достоевского за государственный счет на таком почетном месте как Тихвинское кладбище Александро-Невской Лавры — мудрый ход, перехват инициативы у общества. Не дать повторить похороны Некрасова, носившие антиправительственный характер. Показать, что у самодержавия есть такие влиятельные сторонники, как покойный Достоевский. Анну Григорьевну посетил представитель лавры, сказал: монашество «просит принять место безвозмездно и будет считать за честь, если прах писателя Достоевского, ревностно стоявшего за православную веру, будет покоем в стенах лавры».

Анна Григорьевна выбрала место рядом с могилами Василия Жуковского и Николая Карамзина. На Тихвинском кладбище уже были похоронены к тому времени Росси, Клодт, Крылов, Глинка.

Похороны состоялись 1 февраля 1881 года. К десяти утра Кузнечный переулок, Владимирская площадь и прилегающие к ним улицы были запружены народом, собравшимся проводить тело писателя к месту погребения.

Порядок похорон был похож на похороны государственного деятеля или члена императорской фамилии: всякий знал свое место в шествии от дома писателя к Лавре. Первыми шли учащиеся петербургских учебных заведений, освобожденные в этот день от занятий. Среди них выделялись одетые в парадную форму воспитанники Главного инженерного училища, которое окончил Достоевский; затем шли художники, актеры, депутаты из Москвы — всего более семидесяти учреждений и обществ — около шестидесяти тысяч человек. Кортёж растянулся километра на полтора. Голова — на углу Невского и Владимирского, хвост — на Кузнечном. Гроб несли на руках, похоронная колесница, покрытая малиновым бархатом и украшенная страусовыми перьями, ехала пустая. По словам Николая Страхова, «можно смело сказать, что до того времени никогда еще не бывало на Руси таких похорон».

Погребение чуть не закончилось скандалом. Народническая молодежь пыталось превратить происходящее в антиправительственную манифестацию.

По воспоминаниям литератора Е. П. Летковой-Султановой: «Одну минуту на Владимирской площади произошел какой-то переполох. Прискакали жандармы, кого-то окружили, что-то отобрали. Молодежь сейчас же потушила этот шум и безмолвно отдала арестантские кандалы, которые хотела нести за Достоевским и тем отдать ему долг как пострадавшему за политические убеждения».

В ворота лавры пустили только тех, кто нес венки (а их было 74 человека), и официальных представителей различных институций: Петербургского университета (его представлял, в частности, и сам ректор, старинный приятель Федора Михайловича Андрей Бекетов), города Москвы (венки с надписью: «Из сердца России — великому учителю»), актеры императорских театров во главе с Марией Савиной. Народоволец Иван Попов вспоминал: «В церковь Святого Духа, где отпевали Достоевского, попасть было невозможно. У могилы также были толпы; памятники, деревья, каменная ограда, отделяющая старое кладбище — все было усеяно пришедшими отдать последний долг писателю. Григорович просил студентов очистить путь к могиле и место около нее. Мы с трудом это сделали и выстроили венки и хоругви шпалерами по обеим сторонам прохода. Служба и отпевание продолжались очень долго. В церкви было сказано несколько речей. Многочисленное духовенство, александроневские певчие и монахи проследовали к могиле, куда нам пробраться было уже невозможно. Речей я не слышал, но, взобравшись на дерево, видел ораторов... Разошлись от могилы, когда уже были зажжены фонари. Навстречу нам попадались группы людей, которые после службы шли отдать последний долг писателю. Это поклонение памяти Достоевского продолжалось вплоть до 1 марта».

В 1883 году на могиле поставили надгробный памятник работы известного скульптора того времени Николая Лаврецкого. В 1968 году рядом с памятником Ф. М. Достоевскому перезахоронили прах Анны Григорьевны, скончавшейся в 1918-м в Ялте, и внука писателя — А. Ф. Достоевского.

ПООБЕДАТ В ПЕТЕРБУРГЕ ДОСТОЕВСКОГО

Один из залов
ресторана «Доминик»

Ambassador

Европейская кухня,
бесплатный wi-fi
пр. Римского-Корсакова, 5/7,
гостиница «Амбассадор»
(812) 331 88 44

Barbazan

Европейская кухня,
бесплатный wi-fi
Невский пр., 49/2,
гостиница «Рэдиссон»
(812) 322 50 00

Bellini

Авторская кухня
Университетская наб., 13
(812) 331 10 01

Bier Konig

Пивные немецкие рестораны
Гороховая ул., 40
(812) 310 95 85
Невский пр., 170
(вход с ул. Конная)
(812) 717 17 06

Entree

Французская кухня
Никольская пл., 6
(812) 572 52 01

Francesco

Итальянская кухня
Суворовский пр., 47
(812) 275 05 52

Kristoff

Европейская, русская кухня,
бесплатный wi-fi
Загородный пр., 9
(812) 572 27 01

Le Paris

Французская кухня,
бесплатный wi-fi
Б. Морская ул., 63
(812) 571 95 45

Le Vernissage

Европейская кухня
пр. Римского-Корсакова, 5-7,
гостиница «Амбассадор»
(812) 331 88 44

Macaroni

Итальянская кухня,
бесплатный wi-fi
Ул. Рубинштейна, 23
(812) 572 28 49

Vox

Итальянская кухня,
бесплатный wi-fi
Соляной пер., 16
(812) 273 14 69

Антрекот

Европейская кухня
Б. Морская ул., 25
(812) 314 64 43

Борсалино

Европейская кухня
М. Морская ул., 24,
отель «Англетер»
(812) 494 51 15

Буше

Кондитерская

Разъезжая ул., 13
(812) 312 35 78

За сценой

Европейская кухня

Театральная пл., 18/10
(812) 327 05 21

Имбирь

Интернациональная кухня

Загородный пр., 15
(812) 713 32 15

Лапландия

Шведская, норвежская кухня

Ул. 5-я Советская, 44
(812) 948 00 99

Лента Мебиуса

Европейская кухня

Наб. канала Грибоедова, 52
(812) 310 64 19

Новая история

Интернациональная кухня,
бесплатный wi-fi

Ул. Белинского, 8
(812) 579 85 50

Палкин

Русская кухня

Невский пр., 47
(812) 703 53 71

Правила поведения

Средиземноморская,
русская кухня

Ул. Рубинштейна, 38
(812) 956 48 42

Ресторан «Палкин», сохранившийся
с дореволюционных времен

Публика

Рыбный ресторан,
сэндвич-бар
Владимирский пр., 12
(812) 947 80 78

Русская рюмочная № 1

Русская кухня,
бесплатный wi-fi
Конногвардейский б-р, 4
(812) 570 64 20

Русская чарка

Русская кухня
Наб. р. Фонтанки, 92/59
(812) 495 55 58

Самовар

Русская кухня
Гороховая ул., 27
(812) 314 39 45

Счастье

Испанская, итальянская,
французская кухня
Ул. Рубинштейна, 15/17
(812) 572 26 75

Терраса

Фьюжн
Казанская ул., 3,
(812) 937 68 37

Тритон

Средиземноморская,
рыбная кухня
Наб. р. Фонтанки, 67–69
(812) 310 94 49

Фартук

Домашняя кухня,
бесплатный wi-fi
Рубинштейна, 15/17
(812) 764 52 56

Фасоль

Европейская, арабская, русская
кухня, бесплатный wi-fi
Гороховая ул., 17
(812) 571 09 70

Хутор Водограй

Украинская кухня
Караванная ул., 2
(812) 570 57 37

Шарлоткафе

Итальянская кухня,
кондитерская
Казанская ул., 2
(911) 927 17 30

Шинок

Украинская, русская кухня
Загородный пр., 13
(812) 571 82 62

Щербет

Европейская,
азербайджанская кухня
Ул. Восстания, 26
(812) 716 08 74

ЗА ПОКУПКАМИ В ПЕТЕРБУРГ ДОСТОЕВСКОГО

В «Пассаже»

Антик

Владимирский пр., 3
(812) 713 16 77

Антиквариат

Ул. Некрасова, 26
(812) 273 60 17

Антик-салон «Ренессанс»

Ул. Пестеля, 8
(812) 273 54 04

Гармония

Антиквариат
Ул. Моховая, 32

**Городской центр анти-
кварной торговли**

Ул. 3-я Советская, 36

Демак

Антиквариат
Ул. Моховая, 31

Камилла

Антиквариат
Ул. Садовая, 25

Купеческий двор

Антиквариат
Ул. 9-я Советская, 2

Пантелеймоновский

Антиквариат
Ул. Пестеля, 13/15
(812) 579 72 35

Петербург

Антиквариат
Невский пр., 54
(812) 571 40 20

Русская старина

Антиквариат
Ул. Некрасова, 6

Сокровища Петербурга

Антиквариат
Владимирский пр., 4
(812) 764 50 18,

**Старинные гравюры
и книги**

Невский пр., 48 («Пассаж»)

Старые годы

Антиквариат
Ул. Б. Монетная, 23
(812) 232 73 12

Старый угол

Антиквариат
Ул. Моховая, 27/29
(812) 272 87 63

У Ляха

Антиквариат
Литейный пр., 61
(812) 579 09 82

www.bhv.ru

Лев Лурье
Питерщики.
Русский капитализм.
Первая попытка

Магазин «Новая техническая книга»

СПб., Измайловский пр., д. 29, тел.: (812) 251-41-10

Отдел оптовых поставок

E-mail: opt@bhv.spb.su

Русскому капитализму дали три шанса. Страна бурно развивалась с середины XIX века после освобождения крестьян, но развитие остановила революция 1917 года. Ленинский НЭП ненадолго позволил вздохнуть умиравшей от голода России, но вектор ее развития кардинально изменили коллективизация и индустриализация.

Сейчас, на наших глазах, столь же быстро и столь же противоречиво проходит третья попытка построения капитализма в России. Воз-

можно, чтобы лучше понять происходящее, нужно вернуться в прошлое и узнать, как строился капитализм в России в первый раз, и кто такие «питерщики», сыгравшие в этом одну из главных ролей.

Как работал «социальный лифт» в стране, где статус в значительной степени определялся происхождением?

Как формировался средний класс?

Каковы судьбы «олигархов» из простонародья?

Этим вопросам и посвящена книга. Время действия — три последних царствования: Александра II, Александра III, Николая II.

Место — Санкт Петербург.